

*СМОЛЕНСКОЕ
70-ые годы XIX века*

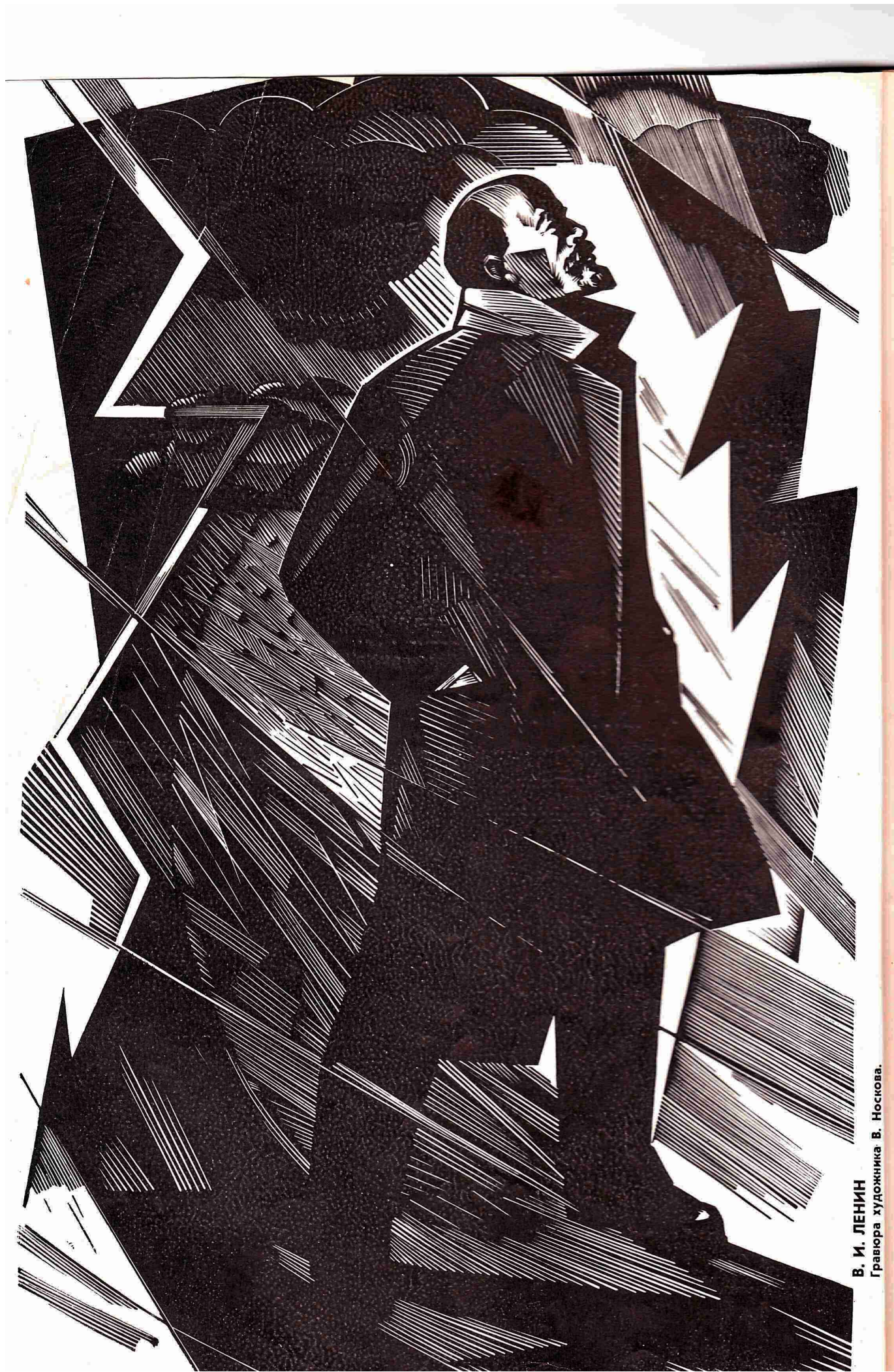
СМОЛЕНСКОЕ

АПРЕЛЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1969 г.

*Родился в Смоленинск
10 апр. 1870 года.*

Из рукописи В.И.Ленина

В. И. ЛЕНИН
Гравюра художника В. Носкова.

**Даты ленинской жизни
известны всем,
Их не втиснешь
в строчку скорую.
Он великий итог
вековечных тем,
волновавших
когда-либо историю.
Но особенно в нем
я люблю и чту
то, что в жизни
им наново добыто:
ту способность
доводить мечту
до людского вседневного опыта.**

Н. АСЕЕВ

Из стихотворения «Попытка портрета»

О ГИМНАЗИСТЕ ВОЛОДЕ УЛЬЯНОВЕ, О ЕГО УЧИТЕЛЯХ И О ГИМНАЗИИ, В КОТОРОЙ ОН УЧИЛСЯ

Л. СИМОНОВА

Ты читал о Ленине книги, смотрел кинофильмы. Дома — мама и папа, в классе — учительница, на сборе — вожатая рассказывали тебе о Ленине.

Вместе с товарищами ты создавал в школе Ленинскую комнату или даже музей. И вполне вероятно, когда ты думаешь о Ленине, тебе хочется увидеть его таким же школьником, как ты теперь.

...Вот, много лет назад в Симбирской мужской классической гимназии в класс, где сидит Володя Ульянов, входит учитель латыни. Класс замер, не шелохнется (ты это отлично себе представляешь) — учитель ищет в журнале фамилию ученика, которого он сейчас вызовет...

Нужно перевести труднейший латинский текст. Не получается у одного, у другого, у третьего... Почти весь класс стоит за партами — никто не смеет сесть, пока не будет сделан правильный перевод. Наконец учитель вызывает Володю Ульянова. Все облегченно вздыхают: у Володи не бывает неверных ответов...

...Володя делает домашнее задание. На листке бумаги появляется табличка спряжения неправильных французских глаго-

лов. «Все в ней так четко, так ясно, — пишет потом в своих воспоминаниях Мария Ильинична Ульянова, — так продумана каждая графа, каждая черта. Посмотришь и подумаешь: лучше сделать нельзя. Этой табличкой не только удобно пользоваться, она, кроме того, и красиво сделана. Видно, что потрачено на нее было немало труда и стараний».

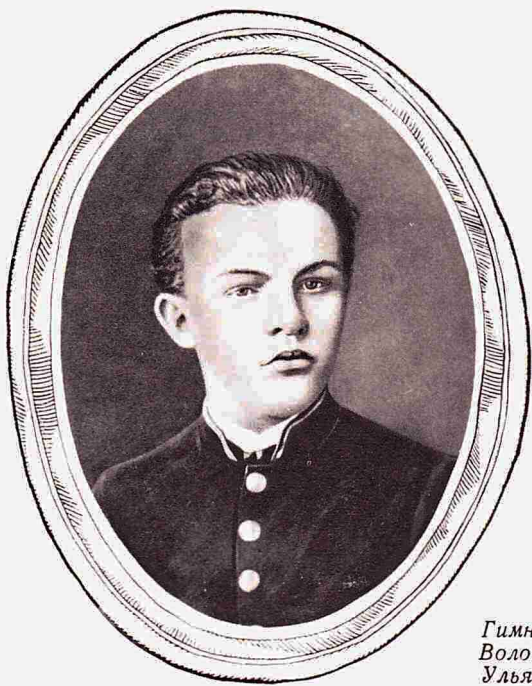
...Хороший ученик из параллельного класса просит у Володи списать трудный урок. Даст Володя или не даст списать? Володя дает, но говорит с презрением: «Только какой же это первый ученик!»

...В классе появился доносчик. Кто-то пошалил, кто-то не выучил урока, мальчишки подрались — тут же все становится известно классному наставнику. «Доносчиков надо наказывать!» — говорит Володя. Нет, дракой он не хочет решать дела — «охота руки марать?». Он предлагает объявить доносчику бойкот. И радуется, когда мальчишка дает клятву никогда больше не доносить.

...Володя часто приходит к товарищам, которые живут в пансионе при гимназии: приносит им книги, ходит с ними гулять, играет в шахматы. Однажды мальчишки рассказывают ему, что их нестерпимо плохо кормят, частенько дают несвежие продукты. Пробовали жаловаться — не помогает. Володя советует действовать всем вместе. «Вы поймите, — говорит он, — когда протестует кто-нибудь один, на это никто не обращает внимания. Надо всем вместе встать из-за стола и отказаться есть, это непременно встревожит мерзавца-эконома! Он испугается начальства».

Товарищи так и сделали: все без исключения отказались есть тухлые котлеты. Надзиратель послал за экономом, экономом расщипел, вызвали директора, директор кричал. Вышел скандал. Кое-кого из ребят посадили в карцер, но эконома потом все-таки уволили и кормить стали лучше. «Вот видишь, что значит общий протест! — говорит Володя своему товарищу Дмитрию Андрееву. — Всегда надо действовать вместе. Один в поле не воин!»

Вот он какой, Володя Ульянов! А ты, какой ты? Ты пытаешься проверять свои поступки его поступками, свои суждения его

Гимназист
Володя
Ульянов.

суждениями. Я тебя понимаю. Так было и со мной. И с моей дочкой теперь. И мне захотелось привести тебя в школу (до революции она называлась Симбирской мужской классической гимназией), где восемь лет, в 1879—1887 годах, учился Володя Ульянов. К ребятам, которые теперь учатся в этой школе и знают ее историю с давних времен, и особенно хорошо те годы, когда гимназистами были братья Ульяновы — Саша, Володя и Митя.

Представь себе, что с кем-то из этих ребят (я не знаю, чья теперь очередь вести экскурсию) ты идешь нешироким школьным коридором и думаешь: здесь ходил Володя Ульянов. Поднимаешься по лестнице на второй этаж (поскрипывают под ногами деревянные ступеньки) — по этой лестнице он поднимался в класс. А вот и тот класс, где Володя учился, и парта (по-

следняя у окна), за которой он сидел. А рядом актовый зал. Здесь Володя сдавал выпускные экзамены...

Помнишь табличку с неправильными французскими глаголами, о которой вспоминает Мария Ильинична? Она хранится в школьном музее. И книги из гимназической библиотеки, и учебники седьмого класса, и физические приборы — Володя пользовался ими, когда ставил опыты. Ты видишь массу интересных вещей, фотографий, документов и узнаешь, что все здесь, в Ленинском музее, собрано ребятами этой школы. И ты понимаешь, что эти ребята знают то, что знаешь и ты, и еще то, что они нашли, отыскали, открыли сами. И тогда ты просишь их рассказать. И они рассказывают. О своих исследованиях, о последних находках, обо всем, что тебе интересно услышать...

Рассказывает Таня Башимакова

Иногда я закрою глаза и пытаюсь представить себе старый Симбирск. Утром звонят колокола (в городе очень много церквей)... По улицам везут воду (водопровода нет и в помине)... Узенькие деревянные тротуары встречаются только в центре... Пыльно... Грязно... А дворы домов, словно эти дворы вовсе не в том городе, утопают в зелени. За этим домом — фруктовый сад, и за соседним, и рядом... И у Ульяновых — большой фруктовый сад...

Совсем недавно наш музей получил в подарок редкий фотоальбом «Симбирск». В нем девятнадцать фотографий того времени, когда в городе жила семья Ульяновых.

Мы увидели старую пристань, Тихвинский спуск к Волге. Сюда частенько приходил Володя Ульянов, разговаривал с грузчиками, с матросами... Отсюда на лодке Володя с товарищами уплывал на Песчаные острова...

— Стрелецкая улица (на этой улице Володя Ульянов родился). Маленькие деревянные домишки. Видна соборная площадь, Зимний собор...

— Дворянское собрание. И рядом, стена к стене, городская библиотека. Вот через эту дверь со стороны Стрелецкой улицы Володя приходил в библиотеку за книгами...

Интересно рассматривать эти фотографии. Альбом прислал нам из Ленинграда Георгий Васильевич

Симбирск. Стрелецкая улица.

Теплов. Он в 1915 году окончил Симбирскую гимназию. Мы составляем историю Симбирской гимназии, переписываемся с гимназистами всех выпусков (кого су-

мели разыскать). Георгий Васильевич написал нам, что у него есть некоторые важные документы, а потом пришла бандероль с альбомом...

Тихвинский спуск к Волге.

Таня Башмакова (она возглавляет пресс-центр) и Володя Неведьев разбирают почту. В совет Ленинского музея порой приходит двести писем в день. И никогда не меньше пятидесяти. Ответить на все письма — дело трудное, хлопотливое. Младшие ребята отвечают на те вопросы, что попроще. Старшие дают сложные консультации.

Рассказывает Володя Аулянов

Часто после экскурсии нас спрашивают: как вы собираете материал для Ленинского музея?

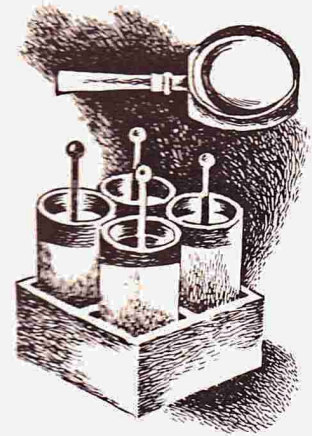
Я рассказываю. Вот вы видели, в классе, где учился Володя Ульянов, висит старинная карта полушарий. Как мы ее нашли?

Мы знали по рассказам, по воспоминаниям: в то время, когда в гимназии учился Володя Ульянов, в каждом классе висела физическая карта полушарий. И нам, разумеется, хотелось такую карту раздобыть. Где только мы ее не искали, но найти не удавалось. Мы и в архив ходили и у бывших гимназистов спрашивали...

Летом надумали поехать в Казань — Владимир Ильич после гимназии в Казанском университете учился, в студенческих кружках участвовал. Попросились ребята поработать в архиве Казанского университета. Им разрешили. И совершенно неожиданно в Казани обнаружили не одну — три старых карты... Шептались, шептались, ну работники архива и поняли, в чем дело. И обещали помочь. А через некоторое время архив подарил нашей школе карту выпуска 1841 года. Эта карта помогла нам точнее восстановить обстановку класса, в котором учился Володя Ульянов. Обычно во время экскурсии в класс-музей все останавливаются у карты. Рассматривают ее. И, правда, любопытно. Многих географических названий еще нет. Вместо Антарктиды написано Южный Ледовитый океан. Тихий океан поделен экватором, словно границей, на две части: Великий Северный океан и Великий Южный океан...

Рассказывает Володя Езерский

Сколько раз замечал: если на экскурсию пришли ребята, обязательно спросят, где мы нашли приборы из физического кабинета гимназии, учебники и книги из гимназической библиотеки. А мы их сначала нашли в книжках. Прочитали, что учитель физики Александр Федорович Федотченко уговорил Керенского, директора гимназии, купить физические приборы. Керенский сначала не хотел, боялся, что начальство будет недоволено, если на уроках гимназисты станут ставить опыты. А потом Федотченко его убедил. Оборудовал отличный кабинет, и гимназисты очень любили его уроки.

Еще мы знали, что в гимназии была хорошая библиотека. Вернее, было две библиотеки, ученическая и фундаментальная (книгами фундаментальной библиотеки гимназистам пользоваться не разрешали). Занимался этими библиотеками один из самых лучших учителей гимназии Сергей Николаевич Теселкин. Он потихоньку выдавал ученикам из фундаментальной библиотеки Добролюбова, Белинского, Герцена. И мы библиотекой особенно интересовались. Потому, наверное, и нашли эти вещи, что искали не вообще что-нибудь, что

Экскурсию в классе, где учился Володя Ульянов, ведет Оля Соловьева. Ребята подсчитали, что в прошлом году в их школе побывало 645 тысяч человек — это вдвое больше населения города. Почти все экскурсии ведут ребята, члены совета Ленинского музея.

придется, а знали, что хотим выжить.

Однажды пришел к нам Николай Николаевич Шипков, тоже бывший гимназист, живет он в нашем городе. Мы с ним дружим. Он вспоминал, что в 1922 году, когда в здании школы организовали рефрак, кое-какие вещи перенесли на чердак 2-й школы. По-

лезли мы на чердак... А дальше — все, как в сказке: нашли пьесы Островского, «Фрегат «Паллада» Гончарова, сочинения Белинского, Добролюбова, книги Гете, Гейне, Шиллера... На всех — штамп Симбирской мужской классической гимназии. Учебники 7-го класса раскопали. По таким учился Володя Ульянов. И физические прибо-

ры... Прибор для демонстрации теплопроводности. Прибор для определения давления жидкости на дно сосуда. Батарея лейденских банок. Отличная лупа. Увеличивает с любого расстояния. А ключ Морзе ужасно смешной, старомодный. Громоздкий, тяжелый, некрасивый. Устарел, бедняга...

Рассказывает Оля Соловьева

Нам было известно, что одним из учителей Володи Ульянова был Николай Петрович Моржов. И вот по школе прошел слух, будто в Ульяновске живет его дочь. Мы — в адресное бюро, там нам не смогли помочь.

Дочь Моржова, вероятно, переменила фамилию. Как быть? Попытались на нашу студию телевидения. Нам разрешили выступить. Мы попросили откликнуться дочь Моржова и тех, кто ее знает.

Через три дня получили письмо. Дочь Моржова зовут Любовь Николаевна Ермошина. Адрес ее у нас в руках.

Едем к ней. Волнуемся. А Любовь Николаевна радуется нам. Она и не думала, что кто-то заинтересуется ее домашним архивом. Достает толстый, старинный альбом. На первой странице дарственная надпись: «Учителю Н. П. Моржову от коллектива учителей Симбирской гимназии».

Раскрываем альбом, а там каждая страница — сюрприз. Снимок гимназии 1890 года. Фотографии учителей Володи Ульянова: Моржова, Теселкина, Ежова, Кабанова, Христофорова, Штейнгауэра.

Фотография Николая Петровича Моржова удивляет нас. В книге Иванского «Молодой Ленин» совсем другой портрет. Книга с нами, сравниваем снимки — совершенно разные лица. Любовь Николаевна показывает нам еще два портрета отца. Значит, в книге допущена ошибка. Это нас настаораживает. Верен ли в книге портрет учителя Яснитского? Пишем в Казань его сыну, получаем фотографию — устанавливаем еще одну ошибку в книге. Об всем этом тут же сообщаем в издательство.

Любовь Николаевна подарила нашему музею фотографию гимназии и все фотографии гимназических учителей Владимира Ильича. Это очень ценные документы.

Николай Петрович Моржов преподавал в гимназии латынь. За свободомыслие ему запретили вести уроки истории и географии.

Рассказывает Лена Никанорова

Наши ребята готовят теперь большой реферат о гимназических учителях Володи Ульянова.

Какими они были, учителя молодого Ленина? Оказал ли кто-то из них хоть сколько-нибудь заметное влияние на гимназиста, который именно в эти годы становится взрослым, ищет свое отношение к миру, к событиям, к людям?

Вот небольшой отрывок из воспоминаний Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой: «Гимназия, руководимая Ф. М. Керенским, была далеко от всяких свободомыслиев — да и годы об-

учения в ней Владимира Ильича (1879—1887) относились к тому времени, когда школа была взята под строгий надзор, когда все сколько-нибудь свободомыслящие учителя сурово изгонялись из нее...»

Известно, что в 1884 году из гимназии был уволен Сергей Николаевич Теселкин.

Что мы о нем знаем?

Был близким другом Ильи Николаевича Ульянова, разделял его педагогические взгляды. Бывал у Ульяновых. В их доме встречался с лучшими учителями Симбирска: с Верой Васильевной Кашкадамовой, Иваном Яковлевичем Яковлевым и другими.

В гимназии Теселкин преподавал историю и географию. Гимназисты очень любили его уроки.

На уроках Теселкин часто читал исторические статьи из прогрессивных и демократических журналов, учил самостоятельно оценивать разные исторические события, проводить исторические параллели. Случалось, на его уро-

ках заходил острый разговор о жизни, о существующих порядках. Учитель старался внушить гимназистам любовь к простым людям,

Сергей Николаевич Теселкин — преподаватель истории и географии, любимый учитель Саша и Володи Ульяновых.

Яков Михайлович Штейнгауэр в гимназии учил так долго и так привык к ней, что «даже во время летних каникул, — вспоминает Анна Ильинична, — скучал дома и приходил в пустую гимназию пройтись по классам, побеседовать со сторожами». Немецкий язык он преподавал по своему учебнику, довольно известному в то время. После Керенского он считался самым строгим учителем. Но, по воспоминаниям Н. И. Вертенникова, его «очень хвалил» Владимир Ильич.

Греческий в гимназии преподавал Иван Алексеевич Ежов. Володю Ульянова он учил с 5-го по 8-й класс. В доме Ежова собирались лучшие учителя гимназии: Моржов, Теселкин, Нехотяев, Кабанов.

Сергей Николаевич Яснитский — учитель истории. Володя Ульянов учился у него в старшем классе. Гимназисты любили уроки Яснитского.

интерес к их нуждам, ненависть к произволу и беззаконию.

Керенский не раз жаловался на Теселкина. Сохранились его отчеты начальству. В одном из них директор гимназии сообщал, что Теселкин «излагает такие события и факты, которые не развивают и не укрепляют патриотических чувств». В другом отчете Керенский писал, что Теселкин «совершенно не касается событий, связанных с великими заслугами могущества и славы Отечества, не укрепляет живой веры в промысл Божий и т. д. ...» Но из этих же отчетов известно, что Керенский считал Теселкина талантливым педагогом.

Во всяком случае, известно, что Саша и Володя Ульяновы считали Сергея Николаевича Теселкина своим любимым учителем, часто через этого человека в их руки попадали сочинения революционных демократов.

...Вот как пишет о порядках в гимназии Дмитрий Андреев: «Порядки в гимназии пошли строже. Начальство настойчиво стало бороться с «вредными идеями», проникшими в среду молодежи. Одной из главных мер против вольнодумства и «вредных мыслей» считалось умение поставить учеников в такие условия, чтобы у них почти совсем не оставалось свободного времени для чтения «опасной литературы». С этой целью рекомендовалось учителям не объяснять уроков в классе, а предоставлять ученикам самим разбираться на дому во всем заданном. И с этой же целью стали задаваться бесконечные латинские и греческие переводы».

Один из преподавателей латыни — Николай Петрович Моржов. Моржов — большой знаток древней и всеобщей истории, но в гимназии историю и географию ему преподавать запретили: «за неблагонадежность» — и поручили вести «мертвую латынь».

«Но и эти уроки, — пишет Андреев, — преподаватель сумел сделать самыми интересными и любимыми...»

Вот на уроке Моржова отвечает Володя Ульянов. «Помню, как мы должны были читать в классе речь Цицерона. Перед чтением учитель хотел вкратце ознакомить нас с личностью Цицерона и Катилины... Он начал рассказывать и скоро нарисовал полную картину жизни Рима того времени... В порыве увлечения преподаватель часто делал намеки на неприглядную русскую действительность и приводил смелые сравнения». Мы видим, как рассказ учителя увлекает Володю, как ему нравится то, что говорит Моржов. «Как сейчас помню Ульянова. Он отличался феноменальной памятью и скорее нас всех запомнил латинские тексты. Стоя посреди класса, он декламировал по-латыни речь Цицерона,

обращенную против Катилины: «До каких пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением?» Класс замер, прислушиваясь к знакомым словам, в которые Ульянов сумел вдохнуть новую жизнь. Его резкий мальчишеский голос дрожал на низких нотах, руки были крепко сжаты в кулаки, побледневшее лицо и широко открытые глаза поражали скрытым огнем и силой. Скоро Ульянов всех заразил своим вдохновением. Мы чувствовали себя римлянами, мы слышали речь бессмертного оратора и переживали его слова, которые падали в самое сердце.

Латинист, сидя на кафедре, слушал, прикрыв глаза рукой. Он не шевелился, а когда Ульянов кончил, он молча подошел к нему и обнял.

— Спасибо тебе, мальчик! — сказал он ласково и хотел еще что-то добавить, но в эту минуту задребезжал звонок, и учитель, махнув рукой, вышел из класса».

Николай Петрович Моржов не из тех, о ком Анна Ильинична пишет, что они «приспособлялись к режиму и налажали строгую печать молчания на уста свои». Моржов не скрывает своего скептического отношения к религии, не боится подсмеиваться над духовенством, самым неслетным образом отзываясь о местной знати. Симбирские власти держат Моржова под надзором полиции.

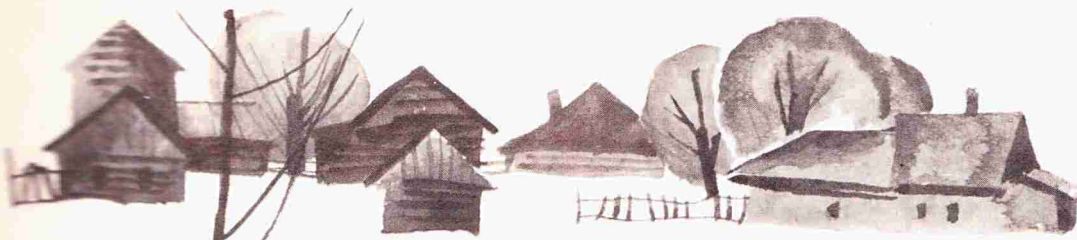
Володя не может об этом не знать и, видимо, уважает этого человека и ценит его смелость и знания.

...Интересно собирать материал и думать об Александре Федоровиче Федотченко. Он преподавал в гимназии математику и физику. Ученики очень любили его уроки.

...Александр Федорович, я думаю, был человеком веселым, жизнерадостным, общительным. Он считался лучшим конькобежцем в городе. Когда он появлялся на Свяяге, все расступались и давали ему место. Федотченко, присев на одной ноге, крутился волчком, а потом выписывал на льду свою фамилию. Ребята, а среди них и дети Ульяновых (семья Ульяновых жила в Засвияжье) всегда ждали его прихода на каток.

Но знаем мы о Федотченко и другое. Последние два года Александр Федорович был классным наставником в классе, где учился Володя Ульянов. После казни Александра все в городе отвернулись от семьи Ульяновых, а Федотченко ничуть не изменил своего отношения к Володе. Напротив, даже был особенно ласков и внимателен. И когда экзамены кончились, он, несмотря ни на что, представил гимназиста Ульянова к первой награде.

О некоторых учителях удается узнать больше, о других меньше, эта работа только начата...

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ

РАССКАЗ

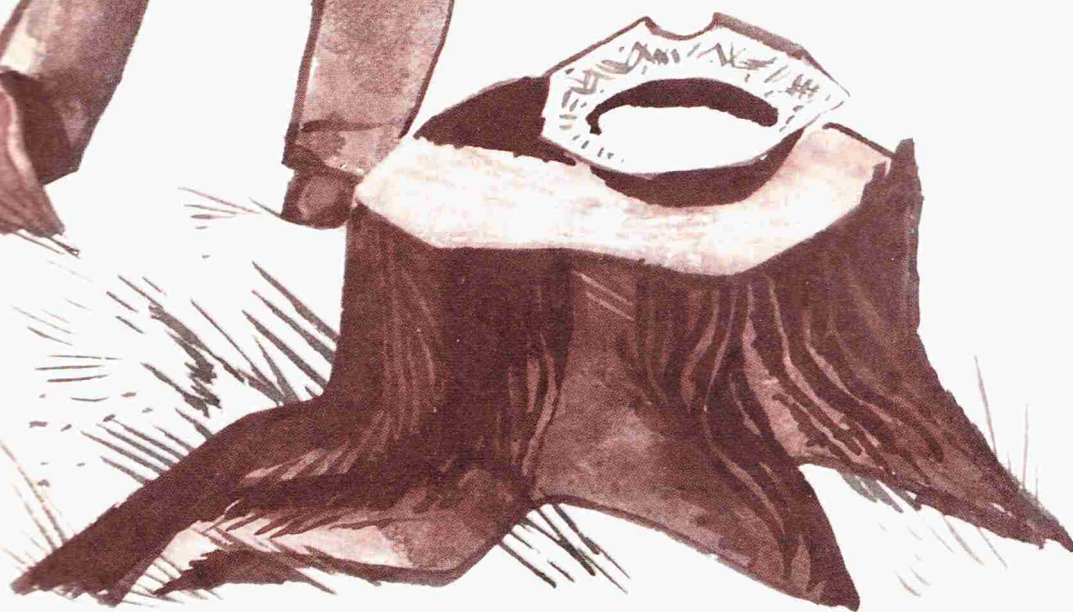
Мих. БАРЫШЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

В краеведческом музее на стенде лежит топор из темно-серого камня с просверленным отверстием для рукояти, долото из рябенького зеленоватого змеевика, кремневые наконечники стрел, костяной зазубренный гарпун и плочка из обожженной глины с орнаментом, похожим на птичьи следы, оставленные на песке.

Табличка сообщает, что экспонаты обнаружены в пятьдесят восьмом году областной археологической экспедицией при раскопке неолитической стоянки близ деревни Мшаги.

В табличке ошибка. Экспонаты обнаружены не экспедицией, а тринадцатилетним

мальчишкой, которого за рыжие конопушки дразнили Пашка-Промокашка.

Пашка — это я, Павел Александрович Кирюнин, инженер-конструктор прокатных станков, совсем взрослый человек.

Но всякий раз, когда доводится бывать в музее, мне обидно, что на табличке не указана подлинная фамилия первооткрывателя неолитической стоянки.

Это случилось весной сорок четвертого года, предпоследнего года войны.

Зима, помню, была затяжной. В марте мороз еще здорово драл за нос, по улицам шуршали метели, а по вечерам в печной трубе ветер выл, как голодная дворняга.

Заболела Наташка, моя восьмилетняя сестрица, особа пронырливая и ябедная. Она лежала возле печки под цветастым одеялом, покашливала и глядела в потолок глазами, похожими на подтаявшие льдинки.

С болезнью сестрицы моя жизнь стала вольготнее. Некому было теперь совать нос куда не следует, а потом докладывать маме, что я явился из школы с разбитой губой, брал из дому спички или порвал на горке брюки.

За такое ехидство я раньше не пылал любовью к сестрице и, случалось, отпускал ей тумачи. Но, когда Наташка заболела, мне стало ее жаль. Я аккуратно поил ее микстурой, давал порошки и прикладывал грелки к ногам. Чтобы развеселить, я читал ей книжку о первобытных людях, которую нашел осенью на школьном чердаке.

Наташка, конечно, по малолетству много не понимала. Ей больше нравилось смотреть картинки, где были нарисованы мамонты с огромными клыками, пещеры, где горели костры и сидели люди в звериных шкурах с каменными топорами.

А я жалел, что не родился первобытным человеком. Жил бы тогда припеваючи. Войны бы никакой не было, в школу ходить не надо, в очередь за хлебом тоже бы никто не посылал. Захотелось есть, отправился с копьём в лес, трахнул мамонта — и лопай мясо до отвала, хоть три раза в день. Брюки разорвал — пожалуйста, бери шкуру и шей новые. О дровах и говорить не приходилось... Я бы научил первобытных добывать железо, делать ружья и топоры, сажать картошку и валять валенки, чтобы не возиться каждую неделю с починкой. Читать бы еще первобытных научил. Стал бы у них главным учителем, главней, чем Демьян Валентинович, наш директор. Уж двоек-то никому бы не ставил. Только пятерки и четверки отваливал, а лентяям и вралям — тройки, малюсенькие такие трючки...

Мама работала в мастерской, где шили ватники для фронта. Часто случались срочные заказы, и дома она бывала мало.

Папа воевал с фашистами. Он был старший сержант, командовал гаубицей на Втором Белорусском фронте, и его уже два раза ранило. У нас на стене висела фотокарточка, где папа был снят рядом со своей гаубицей. Дуло у нее было такое, что я бы наверняка засунул туда голову. Папа писал, что снаряд из гаубицы оставляет от фашистов мокрое место...

Он беспокоился о нас и в письмах всегда спрашивал, как мы живем. Мы с мамой отвечали, что живем хорошо.

Наташка со своей болезнью ко всему прочему стала еще привередой. Она, видите ли, не желала теперь есть картошку. Ни вареную в мундире, ни толченую, ни испеченную в золе с хрусткими, пахучими корочками. Дошло до того, что она отказалась даже от супа, сваренного из целой селедки.

— Доченька, — растерянно сказала тогда мама, присев к Наташке на кровать. — Чего бы ты покушала, лапушка?

Я удивленно посмотрел на маму. Она же знала, что, кроме пайкового хлеба и картошки в подполе, у нас ничего нет.

— Яблочка, — вздохнула сестренка. — Яблочка хочу...

Надо же такое выдумать! От смеху я прыснул прямо в кружку с кипятком.

— Может, тебе еще компоту дать, а, Наташка?.. — сквозь смех крикнул я. — Или булку с маслом?

Мать ни за что ни про что вlepила мне затрещину и отвернулась к печке.

— Помолчи ты, горюшко мое! — попросила она.

Затем открыла сундук и вынула папин бостоновый костюм на шелковой подкладке. За войну мы много вещей отнесли на толкучку, но костюм сберегали. Он лежал на дне сундука, и в карманах у него были кулечки с нафталином.

У меня тревожно стукнуло в груди. Когда папа уходил на войну, он строго-настрого наказал мне быть хозяином в доме.

Я разозлился на Наташку. Яблока, видите ли, ей захотелось! Разве яблоко — это еда? Попросила бы сала, например, колбасы... Ну, в крайнем случае белого хлеба. Мыслимое ли дело — променять на яблоки папин праздничный костюм! За такое он не похвалит. Скажет: «А ты, хозяин, куда смотрел?»

— Зачем ты достала костюм? — спросил я маму, уже понимая, что свершается невиданное. — Зачем?..

— Беда у нас, Паша, — шепотом, словно доверяя мне тайну, ответила мама. — Наташенька-то наша...

Она не договорила, коротко всхлинула и уцепила в горсть полу костюма. Тут я увидел, что у мамы на левой щеке, где раньше была смешная ямочка, теперь просеклась глубокая, некрасивая морщинка. И

ник и все стал такой же, как у Наташки, гладкий и острый.

Мама увязала костюм в платок и ушла на базар. Возвратилась с мешочком манной крупы, с двумя лепешками сливочного масла и бутылкой молока. Принесла два и три яблока, сморщенных, маленьких, как Наташкин кулачок.

Свое яблоко мама дала мне. Я хотел отказаться, но устоять перед соблазном не хватило сил. Да и стоило ли отказываться, ведь костюм был все равно продан! Я залез на печку к трубе, где кирпичи дольше всего хранили тепло, и надкусил яблоко. Какая же вкуснота!.. У сестрицы губа не дура знала, что выпросить...

Я расчетливо обкусывал мякоть, скреб ее губами, сосал, как конфету. Яблоко становилось все меньше и меньше. Наконец в руке остался десяток темных остроконечных семечек. Я съел и их. Долго пережевывал, перетирая зубами шелуху, и проглатывал напоследок горьковатую кашицу.

Не знаю, то ли оттого, что с каждым днем становилось теплее, то ли оттого, что мама кормила Наташку манной кашей с маслом и мазала маслом хлеб, сестрица стала поправляться. Потребовала на кроватку игрушки, начала вылезать из-под одеяла и опять взялась за ябеды, аккуратно сообщая маме, что я строил доты из ступей и отломал ножку, что я палил дома по «тиграм-фердинандам» из самодельного револьвера, который заряжался спичками.

За такие художества влетало, и я здорово сердился на Наташку. Но все равно в доме стало веселее. Когда есть на кого сердиться, всегда живется лучше. Раньше я этого не понимал, а как Наташка заболела, сразу сообразил.

У нас кончилась картошка. Это случилось в начале мая, когда на дворе тянуло уже запахом согревающейся земли, по улицам можно было шпарить босиком, когда на задворках проклюнулась травка и черемуха у сарая подернулась зеленым духом.

— К тетке Чабихе надо идти, — сказала мама, когда мы сварили шесть последних картофелин. — По ее вышло...

Тетка Чабиха, старшая сестра отца, была нашей единственной родственницей. Она жила в деревне Мшаге, километров за шестьдесят от города. Плосколицая, как явона, с большими красными руками, тетка Чабиха останавливалась у нас, когда приезжала продавать картошку.

Возвращаясь с базара, тетка приносила мне и Наташке по паре конфет или стакан подсолнухов. Затем она долго пересчитывала деньги и выговаривала маме, что та не умеет жить.

Маму звали Мариной, но тетка называла ее смешно — Марейя.

— За пять сотен ты, Марейя, до хрипоты убиваешься, а что они стоят по нынешним временам? Тыфу... и нету. На базаре люди иной день тыщу огребают.

— Не по мне это дело, — твердо отвечала мама. — Не могу я людей обманывать. Не могу.

Тетка шумно сморкалась и заводилась еще больше:

— Это выходит, по-твоему, я людей обдуряю?.. Кровную свою картоху сторговала, а ты звон куда меня заворачиваешь! Ишь, чистоплюйка выискалась! Сама, как тарань, высохла и ребятишек довела... Насквозь светятся, горемычные. Саня с войны придет, он за такое дело не похвалит. Он тебе все скажет-выскажет.

Тетка Чабиха грозно трясла головой и шевелила перед лицом мамы темным пальцем.

Прошлой весной, к великому моему удовольствию, мама выставила-таки Чабиху из нашего дома и заявила, что больше ноги ее у нас на пороге не будет. Это случилось после того, как тетка предложила маме отправить меня на лето во Мшагу пасти теленка и присматривать за огородом.

Мама потемнела лицом и пошла на Чабиху с остановившимися глазами. Я даже испугался, что она вlepит тетке затрецину. На этот счет моя мама не задерживалась.

— Вон! — крикнула мама. — Не за то его отец фашистов бьет, чтобы Паша у тебя батрачил! Вон из нашего дома!

Чабиха деловито собрала пустые мешки и у двери, по-хозяйски ухватившись за ручку, сказала:

— Не плюй в колодец, Марейя... Придет край, поклонись ты мне в ножки! Помяни мое слово.

— К тетке Чабихе? — переспросил я.

Мама сжала губы, помолчала минуту и подтвердила:

— К ней, Паша... Уберегу я вас. Кому хочешь в ножки поклонюсь, а вас уберегу.

Мне не хотелось, чтобы мама кланялась тетке Чабихе. Я знал, что она гордая.

Но картошку надо было доставать. На еду, а еще нужней на семена. Недели через полторы подойдет время копать огород. Если мы не посадим картошку, зимой нечего будет есть.

Я заявил, что могу съездить во Мшагу и попросить у тетки картошки взаймы до осени.

— Много ли ты принесешь? На одни семена два пуда надо.

Я сказал, что могу принести и два пуда.

— Сам-то ты на два пуда не вытянешь, подносчик, — усмехнулась мама. — Разве вот посчастливится, подвезет кто.

— За пять сотен ты, Марья, до хрипоты убиваешься, а что они стоят по нынешним временам? Тыфу... и нету.

Она помолчала, побарабанила пальцами и добавила:

— А не пощастливится, так нам и полпуда в прибыток. Верхушек нарежем и посадим глазками... Мне все равно из дому нельзя отлучиться. Наташку одну не оставишь, да и с работы не пустят, опять у нас срочный заказ... Только зачем же взаимы просить? Не нищие, денег тебе дам.

Через день я отправился во Мшагу. За плечами у меня висел старый рюкзак, с которым папа ходил на рыбалку. В рюкзаке лежал пустой мешок на тот случай, если подвернется попутная оказия и тетка расщедрится на картошку. Еще у меня было три толстых ломтя хлеба, посыпанных солью, и сто рублей — три красных бумажки, пятерка, трешка и рублевки.

В первый день меня на проселке подсадила тетенька, которая везла в бочках горючее для тракторов. Она же оставила ночевать, а утром накормила и рассказала дорогу:

— Километров шесть по проселку пройдешь, потом у ручья за мостиком вправо заворачивай. Та дорога прямехонько во Мшагу и выведет... За мостиком поворот, гляди, не ошибись.

Я не ошибся. Отшагав часа полтора по проселку, я увидел и мостик и дорогу вправо. Усевшись под приметной рогой сосной, я умял вдобавок к даровому завтраку ломоть хлеба и запил водой из ручья. Потом зашагал по указанной тетей дороге и часа через три оказался во Мшаге.

Тетка копала огород. Грузно наваливаясь на черенок лопаты, она выворачивала прелье глыбы земли и сноровисто разбивала их. Увидев меня, она воткнула лопату, вытерла рукавом потное лицо, прибрала под платок седые космы и впустила во двор.

— Ключнул, значит, родительницу жареный петух, — сказала тетка, оглядывая меня с головы до ног. — Наташка-то поправилась?

— Уже по избе ходит, — ответил я. — Мы молоко ей покупали на базаре и манку... Папин бостоновый костюм продали.

— Костюм, выходит, извели, — сразу прицепилась тетка к моим словам. — Раньше-то лень было головой думать. Говорила я Марее, так нет, все ее гордость соломенная. Без порток скоро останетесь... Чего зенки вывалил? Ступай в дом, я ряд дойду и кончу.

Тетка накормила меня крошонками: вывалила в миску полкувшина простокваши и накрошила туда тяжелого от примешанной картошки хлеба. С крошонками я управился в два счета и доньшко выскреб. Затем меня одолела неистребимая дремота.

— Ишь, как уходился! — незнакомым, добрым голосом сказала тетка и кинула на лавку полушубок. — В такую даль мальчика посылать! Эх, Марья, неразумная твоя голова!

Я не стал объяснять, почему мама сама не могла прийти во Мшагу. Я едва добрался до полушубка.

Проснулся я вечером. На столе фырчал самовар. Тетка шумно пила кипяток с цветистого блюдечка, прикусывая густо посоленную горбушку.

— Зачем припожаловал?

Я ответил, что пришел достать картошки на семена.

— А своя семенная где? Неужели съели? — Тетка осуждающе качнула головой. — Нос Марья дерет, а семенную картошку извела. За отцовой спиной жила, будто кот в запечье, а довелось одной, все как по чертовым головам покатилося...

Чабахина принялась занудливо выговаривать про маму. С хлопаньем, оттопыривая губы, пила кипяток, цедила чашку за чашкой из фигурного краника, обмахивала концом платка лицо и выговаривала. Я слушал, и больше всего мне хотелось крикнуть тетке все, что я про нее думаю, и хлопнуть дверью.

Но картошку на семена надо было добыть, поэтому я терпел. Чтобы легче было слушать Чабахины нотации, я представлял, что команду гаубицей. Гитлеровские танки идут в атаку... Десять штук с фашистскими крестами ползут прямо на батарею. Я заряжаю тяжелый снаряд — «Бабах!» — и с первого же выстрела в лепешку разбиваю передний танк с главным ихним командиром, потом второй, третий...

И вот мы сварили шесть последних картофелин.

— Уж не знаю как, — выговорившись всласть, заявила тетка. — Спустишь завтра в подпол... Взаймы, что ли, приспособливаешься?

— У меня деньги есть, — заявил я, расшнуровала булавку на кармане и вытащил теплые разноцветные бумажки. — Вот, сто рублей.

— Ишь, какие капиталы приволок! — усмехнулась Чабиха и подставила чашку под крайник самовара. — По нынешним временам за сто рублей и ведра не сторгуешь, а уж на семена и подавно... Давай деньги!

Я отдал Чабихе деньги и спросил, когда она насыплет картошки.

— Сказано — завтра, — ответила тетка и приложила мне налитую чашку. — Хлебни вот горяченького, скорее от дороги стойдешь... Завтра насыплю.

— Мне домой надо.

— Ничего, не усохнет твоя родительница — ворчливо сказала тетка, пошла к полке, побренчала там какими-то банками и положила передо мной крохотный, обмусоленный кусочек сахара. — Поживешь у меня день.

И негромко пожаловалась:

— Тошнехонько мне, Паша, одной. В избе как в овине, слова не с кем сказать. Погости, паренек, я хоть сердцем немного развеселюсь... Ты кусай сахар-то.

Она подошла ко мне и погладила по голове жесткой, тяжелой рукой.

Утром меня разбудило солнце, круто упав из окна на широкую лавку. Тетка по-

грозывала чугунками, с хрустом ломала через колено пригоршни хвороста и совала их в сводчатый зев печки, где наливался доброй силой огонь.

— Скотину уж проводила и огород докопала, а ты все спишь, — неодобрительно сказала Чабиха. — Ведра вон возьми, воды в кадушку наносишь.

Я наносил воды, умылся на крыльце под гремучим умывальником, позавтракал печеной картошкой с простоквашей и спросил тетку о своем деле.

— Чего ты мне сто раз долдонишь? — рассердилась Чабиха. — Сказано ведь все... Будто у меня других забот нет.

Я понял, что придется остаться во Мшаге. У тетки характер такой, что разозлится и выпроводит с пустыми руками, долго разговаривать не будет...

— Погуляй пока, на реку сбегай, — сказала тетка. — Может, окуньков наловишь. Удочка у меня в сохранности, в сенцах стоит, а червей возле хлева копай хоть мешок. Не забыл еще дорогу на дрема?

Нет, я не забыл извилистую, в один след тропинку, которая вилась вдоль мшагинских огородов, пересекала березняк и шла краем ельника по берегу реки до глубоких лесных омутов. Их здесь называли «дремы». В половодье тихая Мшага хмелела водой, люто крутила воронки, подмывала берега, валяла в реку сосны, кусты шиповника и, проглотив добычу, стихала до следующей весны. В темных омутах среди коряг на дремах жировали язи, темноперые окуни, плотва и остромордые щуки.

Перед войной папа меня летом часто брал во Мшагу на рыбалку. Он работал мотористом на лесозаводе, и его руки пахли машинным маслом. Удочку он всегда закидывал со смешной присказкой «Окунь сорвись, карась навернись» и плевал на насадку.

Здесь, на дремах, я семилетним карапузом выловил первого окунька. Смешно вспомнить: удочку сдуру так рванул, что окунь о сосну трахнулся и улетел в ивняки. Папа их облазил вдоль и поперек, но все-таки нашел рыбешку. Потом мне говорил, что это, мол, особенный окунь. Такого, мол, человек один раз в жизни ловит. Заливал мне, желторотому... Ничего особенного в том окуньке не было. Окунь как окунь: рот, плавники и хвост. Только что первый...

На дремах я пристроился под кручей возле валуна, вымытого половодьем. Камень осел, и сбоку в жесткой глине темнела широкая щель. В щель я поставил банку с червяками, чтобы ее не припекала солнышко.

Клева не было. Я менял наживку, густо плевал на нее, кидал поплавков то на середину омута, то под самую кручу, передвигал грузило.

Увидев меня, она воткнула лопату, вытерла рукавом потное лицо и прибрала под платок седые космы.

Не было даже слабенькой поклевки. Поплавок, как приклеенный, застыл на воде.

Когда солнышко начало приклоняться к островерхому ельнику на другом берегу Мшаги, я встал, чтобы смотать удочку.

Тут поплавок косо и стремительно ушел в воду. Я подсек, и тугая тяжесть потянула из рук удилище.

«Сорвется!.. Сейчас сорвется!» — ошалело металось в голове, а руки тем вре-

менем расчетливо, без рывков выбирали лесу, подводя к берегу неожиданную добычу. Потом вода взбулгачилась, разошлась кругами, и в глубине тускло сверкнуло, словно там перевернули начищенное медное блюдо. Блюдо рванулось наверх и оказалось рядом с камнем.

Я плюхнулся животом в воду и прижал к берегу большущего, килограмма на полтора, язя. Темноспинного, с оранжевыми встопорщенными плавниками и разинутым от страха ртом.

Я сплясал на берегу дикарский танец, закукавил язя и снова схватил удочку.

Банки с наживкой на месте не оказалось. Я растерянно принялся шарить в щели. Внутри было просторно. Пальцы натыкались на шершавую глину, на колкие камешки. Постепенно расширяясь, щель уходила в кручу... Может быть, банка скатилась внутрь? Я засунул руку по плечо и нащупал что-то угловатое. Но это была не банка с наживкой. Из щели я вытащил черно-серый клинообразный камень с круглой дыркой на утолщенном конце.

Видно, в суматохе, стараясь ухватить язя, я столкнул в реку банку с наживой.

Камень же не повезло! В самый раз, когда вылез из щели я утопил червей. Всегда вот у меня так получается: в самый интересный момент — и все летит вверх тормашками.

Смелывая удочку, я пригляделся к камню вытаскиваемому из щели. Форма его была необычной. Если в круглую дырку вставить палку, получится что-то вроде топора. Каменного топора!

Удивленный догадкой, я сунул в отверстие камня толстый конец удилица. Так и есть, настоящий каменный топор, взаправдашний. Где у топора лезвие, здесь камень сточено, а где обух, здесь толсто.

Тут мне вспомнилась книга о первобытных людях. Там же были нарисованы топоры — почти такие вот топоры. Тяжелые, выкованные на колуны, с короткими прямыми ручками, привязанными ремнями.

Еще не веря себе, я встал на колени, раздробил щель и вытащил новый камень. Рубил сколотый на конус, вроде пробойника. На конце угадывалась канавка, забитая глиной. Я отмыл камень в воде, выковырял сучком глину. Канавка на камне была сделана руками человека. Просто так, сама по себе, такая канавка, рубная, с четкими гранями на камне никогда не сделается. Уж это я знал наверняка. Камней через мои руки прошла не одна тысяча.

Я сунул голову в щель и присмотрелся. Если разодрав глину, она уходила и терялась в темноте. Наверное, в половодье вода здесь подмыла берег, и он осел, разорвав землю. Щель была такая, что я зашел в нее по пояс.

Добыча оказалась богатой. За полчаса я выковырял объемистую грудку камней. Среди них был еще один каменный топор, скребки из светлого кремня с молочными прожилками, наконечники стрел, козлупутый, с заостренным лезвием нож без рукоятки, тяжелая каменная чашка, кружала с аккуратно просверленными дырками, черный отбойник, молотки.

Были камни, и вообще ни на что первобытное не похожие. Один камень, например, мне сначала показался прикладом автомата. Я отмыл в реке находку и рассмотрел, что это кусок кости. Тяжелой, темно-коричневой, как старое дерево, кости. На ней было что-то нацарапано. Я присмотрелся к царапинам и увидел рисунок рогатой головы. Вытянутую зубастую морду, глаз, обведенный двумя кружочками, завиток рога и вздернутый пятачок носа.

Конечно, я нашел стоянку первобытных людей. Я представил себе, как много тысяч лет назад вот здесь, на берегу Мшаги, стояли шалаши или были вырыты в круче пещеры. Горели костры, и люди, одетые в шкуры, вытачивали каменные

топоры, долбили этим пробойником, который я держал в руках, куски кремня. Бежали ребятишки, играли у костров, а может быть, так же, как я, ловили во Мшаге язей... А в лесу ходил зверь с единственным рогом, зубастой пастью и вздернутым пятачком тупого носа...

Где-то хрустнул сучок. Я вздрогнул и огаяделся. Вечерняя расплывчатая суеть уже наливалась в подлеске. Надсадно, словно под невидимой тяжестью, поскрипывала дуплистая ветла. Вода в дремах насупилась, загустела, как неживая.

На меня повеяло непонятной тревогой. Я торопливо прикрыл мхом находки, схватил кулан с язем и скорым шагом добрался до деревни.

Тетка обрадовалась рыбе.

— Испечем на ужин, — сказала она, отбирая язя. — Для такого дела я угольки на загнетке распалю... Сбегай, лопухов нарви, в них потолще завернем и в угольки сунем.

— А картошка?

— Да уж нашлось маленько, — вздохнула Чабиха. — Хоть и нрав у твоей родительницы больно гордый, да вы-то, Пашенька с Наташей, кирюнинской прямой крови... Немного уж проклятой войны доживать. Такое стерпели, остаточек и по-давно выдюжим.

Тетка сидела за столом, положив перед собой зачерствелые, в морщинах руки. Пальцы, припухшие в суставах, были скрючены, у ногтей неистребимо въелась земля.

— В котомку я много не клала, не унести тебе полную, — продолжала тетка. — С нашим председателем сегодня столковалась. Анфиса-кладовщица через два дня повезет в город овес, мешок картошки вам подкинет. Полмешка на семена пустите, а остаток на еду. Так матери и скажи. Если она и этот семенной изведет, катышка боле от меня не получите...

Я слушал плохо, обалдев от количества добытой картошки.

Печеный язь оказался вкусным. Жирным, с сочной, аппетитной мякотью. Костей только было много. Остренькие, все время в горле застревали.

— Не спеши ты, Паша, не погоняют ведь. С утра завтра и тронешься. Не хочешь еще денек у тетки погостить? Ладно, силком держать не буду, а то еще сама Марья во Мшагу прилетит, с нее станет... Анфису-кладовщицу в пятницу на базаре встречайте...

Утром я вышел из Мшаги с рюкзаком за плечами. Тетка пожалела меня. В рюкзак она положила килограммов пять, не больше.

Но у меня еще была поклажа. За околицей, когда тетка скрылась из глаз, я

Я сунул в отверстие камня толстый конец удилица. Так и есть, настоящий каменный топор, взаврадашний.

свернул в кусты и знакомой тропинкой вышел к дремам. Там я сложил в рюкзак вчерашнюю находку, до единого камешка, с нагугой впрягся в лямки и отправился домой.

Рюкзак тяжелел с каждым километром, словно туда подкладывали кирпичи. Отдыхать приходилось часто, потому что лицо заливал пот, не хватало дыхания и подкашивались колени. Лямки, словно проволочные, немилосердно резали плечи.

Одна каменная чашка весила, наверное, килограмма три. Теперь красота — алюминиевые мисочки, их хоть сто штук унести можно... Не могли первобытные чашку сделать полегче! Ее по краям и по дну стесать еще пальца на полтора можно. Лентяй какой-нибудь занимался, а теперь вот из-за него люди должны мучить-

ся. Выдал бы ему вождь хорошую плюху, небось, бы потоньше обтесал. Наверняка у первобытных тоже лентяи были, оттуда к нам эта порода перешла.

На очередном привале я вытащил из рюкзака чашку, темно-коричневую, с овальными краями и со щербинкой на боку. По обводу чашки были вытесаны угловатые черточки, напоминающие молодой ельник, волнистые линии, а под ними закорючки, вроде запятых. Приглядеться, так получалось, что река, за рекой лесок, а на ближнем берегу на песке чужацки следы...

Я вытер рукавом орнамент, вздохнул и поставил чашку на пенек, на видное место. Хватит мне такого удовольствия, пусть с ней кто-нибудь другой попотеет.

К моему удивлению, чашка почти не облегчила рюкзак. Лямки, как и раньше,

спереди впились в плечи, ныла поясница и кололо в боку.

Ничего, добраться бы к проселку. Там наверняка найдется попутка. Сам садиться не буду, попрошу рюкзак подвезти. Рюкзак возьмут...

Теперь я на каждом привале выкидывал каменный груз. Порой сам удивлялся, что по дурацки тащил столько километров тяжелый зазубренный камень, каких в любом месте можно найти кучу. Иногда выкидывал, терзаясь ненавистью к самому себе, слабосильному хлюпику, который не может принести домой кремневый, с удобной ручкой отбойник, шлифованное тесло из розоватого блестящего камня или ручное рубило.

Каменный топор и тяжелую кость с рисунком зверя я дотащил к проселку. Свалился в траву у моста, скинул лямки и отдышался. На карачках добрался к ручью ипил воду, пока не заломило зубы. Съел для подкрепления сил лепешку, выданную теткой на дорогу, и кусок печеного мяса, оставшийся от вчерашнего ужина.

Солнце уже перевалило небесный припорок, а попутки на проселке так и не показывались. Я лежал на траве у моста. Рядом стоял рюкзак. Сквозь выношенный брезент глаз угадывал округлые картофелины, острый угол каменного топора, овал кости... Какого зверя нарисовал на ней первобытный человек? На мамонта не похоже, носороги тоже не такие... Может, в те времена водился еще кто-нибудь страшнее?

Проселок был непонятно пустым. Глухо шумели сосны, дрожала, будто в ознобе придорожная осинка. Замшелые ели выставили в небо сумрачные ерши верхушек. Близко долбил дятел, и деревянный стук отчетливо растекался по лесу. В придорожном болотце кто-то натужно ворочался, постанывал, шуршал осокой.

Солнце опускалось все ниже и ниже. До деревни, где я мог переночевать, было шесть километров.

Я решился. Развязал рюкзак, высыпал под валежину половину картошки, вскинул полегчавшую поклажу и заторопился по проселку.

А что? В пятницу нам привезут большущий мешок картошки. Пуда три, не меньше. Стоит ли жалеть пригоршню картошки, оставленную под грухлявой валежиной? Зато какой каменный топор и кость с первобытным рисунком я притащу домой! Мальчишки от зависти полопаются. Ни у кого еще таких штукovin не бывало...

Я их сам нашел, на настоящей первобытной стоянке. Я открыл ее! Как путешественники открывают острова, как геологи открывают руду. Этих людей зовут первооткрывателями.

Так говорил я себе и видел сердитые глаза матери, разглядывающие жалкую кучу принесенной мной картошки. Она-то надеялась, а сын записался в первооткрыватели. Если бы он не тащил этот тяжеленный камень с дыркой и кость с нацарапанными линиями, картошки было бы в два раза больше.

Тех картошек, что остались под валежиной, хватило бы на два дня. Двадцать четыре штуки, я сосчитал, осталось в лесу.

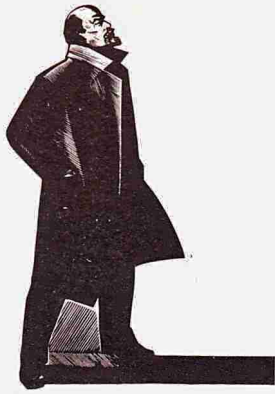
А если в пятницу кладовщица не привезет картошку? Заболеет или председатель вдруг раздумает? Всякое же может случиться... Телега, например, сломается.

Я невольно замедлил шаги. Первобытный топор — штука интересная, но картошка надежнее. Три военных зимы она верно выручала нас. Когда по углам куржавился иней, когда от папы долго не получали писем, все равно было не очень плохо, если перед тобой клали пяток горячих картошек. Приятно было, обжигая пальцы, стягивать с них податливую кожуру, макать в соль и пережевывать сытную кашлицу. Или осенью, когда выкапывали первый куст молодой картошки, стряхивали с корней землю и аккуратно обирали розовые клубеньки. Их можно было есть вволю, до сытой тяжести в животе. А вкуснее всего картошка бывает печеной, с подпаленной корочкой, похрустывающей на зубах, с угольками...

Я остановился. Развязал рюкзак и выкинул никому не нужный камень с дыркой, кость, на которой были нацарапаны угловатые линии, похожие на зверя, и на дом, и на грузовик, и на что угодно.

Я побежал назад по проселку. Мчался во весь дух и боялся, что не найду оставленной под валежиной картошки. Но она оказалась целой. Все двадцать четыре картофелины. Только у одного клубня был отщипнут крохотный, с ноготь кусочек. Наверное, к нему уже примерилась какая-нибудь лесная зверюга, так же, как и люди, голодавшая в ту военную весну. Я не обиделся на нее. На радостях, что картошка оказалась целой, я вынул перочинный нож и отвалил зверюге полкартофелины. Пусть питается, нам в пятницу еще мешок привезут. Я положил свой подарок на валежину и пошел по проселку в деревню...

Вот почему в музее нет таблички с моим именем. С первооткрывателями иногда случается такое, что мешку муки, ручью или пойманной черепахе они радуются не меньше, чем открытому острову. И все-таки мне жаль, что я променял единственное открытие на горсть картошки, которую теперь продают на каждой улице.

В ЛЕНИНСКОМ
кабинете

ВСЕСИЛЬНО.

«Так все происходило, — думаешь ты, читая о революции. — Так должно было произойти». Из сегодняшнего дня нам легко видеть справедливость дум и дел, которые подтвердила история.

М. ВЛАДИМИРОВ

К

огда говорят про Ленина, всегда подразумевают поражающую необыкновенность его.

Гениальный мыслитель. Выдающийся революционер. Великий марксист.

Даже вспоминая человеческие качества Ленина, говорят: невиданная работоспособность, потрясающая эрудиция, необычайная скромность. Но не приходило ли тебе, размышляя о Ленине, думать о том, что он был и обыкновенным?

Бегал по дому кудрявый мальчик, хохотал, любил сказки. Играл в саду.

Сидел за партией стриженный гимназист. Куртка с блестящими пуговицами, книжки в твердом ранце. Как все мальчишки в городе, ходил на высокий берег смотреть на реку, любил петь песни.

Обо всем этом написано. И все-таки ты представляешь себе сейчас, что Ленин был просто мальчик? Со своими огорчениями, мечтами, привязанностями. Со своими «честно» и «нечестно», «правильно» и «неправильно», «справедливо» и «несправедливо».

Только, может быть, чуть больше, чем у просто мальчиков, было у него уже в детстве развито это чувство справедливости, честности, правды.

Куда как просто было бы: гениальный человек совершает одни лишь гениальные поступки. А негениальных не совершает. И легко идет к своей гениальной цели.

На самом деле надо было перерасти человеческую обыкновенность. И все, что есть в тебе и обыкновенного и замечательного, бросить в бой для достижения ясной и трудной цели.

Великая цель рождает великих людей.

Не будь у Ленина такой цели, жизнь его, наверное, могла стать беспечальной и глад-

кой. Успешно оконченная гимназия, в свой срок полученный диплом университета. Адвокатская практика в провинциальном городе, а может быть, и в самом Петербурге. Ведь он был бы выдающимся юристом...

Т

ебе приходила в голову мысль: почему именно Ленин встал во главе русской революции? Почему именно он стал вождем рабочей партии? Главой самого первого в мире социалистического государства?

Соратники его, товарищи по общему делу ясно видели: Ленин с отрочества, с гимназической поры «старался выработать из себя человека, который никогда не думал о себе, о своих личных удовольствиях, о своих личных желаниях, личных интересах. Владимир Ильич рано познал, что только человек, способный совершенно не интересоваться личными делами, способный отдаваться безраздельно, всецело, до полного самозабвения революционной службе для других, только человек, для которого никогда не существует вопроса о том, что с ним будет, какое место, какое положение, какую роль он будет занимать, — только такой человек способен на самую искреннюю, преданную, на самую героическую службу человечеству».

Ты можешь сказать: Ленин был большим революционером. Он был смел и настойчив. Он упорно шел к своей цели. Он все силы отдавал революции. И это будет верно. Верно, но это еще не все.

Были и другие большие революционеры, то-

ПОТОМУ ЧТО

ВЕРНО

**Но минувшее
было когда-то
настоящим.**

Победный 1917-й был далеко впереди.

**А Россия революционная
уже трудно, мучительно искала ответ
на вопрос: что делать?..**

же преданные делу, самоотверженные, стойкие борцы. Все они искали путей к победе революции. За многими из них шли сторонники. Но верным был только один путь. И его нашел Ленин.

Ленин создал революционное учение, которое открыло путь к борьбе и победе. И история подтвердила его правильность. Учение Ленина получило название «ленинизм». О том, как оно создавалось, крепло, развивалось, как помогло осилить силу русского царизма, сломать сопротивление капиталистов и помещиков, навсегда освободить рабочих и крестьян от капиталистической эксплуатации, мы и будем рассказывать тебе в нашем Ленинском кабинете.

9

мая 1887 года в Петербурге было опубликовано правительственное сообщение.

«Приговор Особого присутствия Правительствующего Сената о смертной казни, через повешение, над осужденными Генераловым, Андрюшкиным, Осипановым, Шевыряевым и Ульяновым приведен в исполнение 8-го сего мая 1887 года».

Бесстрастно-ледяной тон этого сообщения должен был внушить верноподданым гражданам России священный трепет перед рукой закона, неумолимо карающей всякого, кто дерзнет восстать против Его Величества Государя Императора.

— И поделом им, окаянными, — крестясь и поглядывая на портрет государя, говорил по всей России верноподданный гражданин.

2. «Пионер» № 4.

Но и до его уха долетали смутительные слухи, что злоумышленники не убоились царского гнева, а может быть, и не гнева вовсе, а страха, и перед виселицей держались мужественно, братски расцеловались и к петле подошли с возгласом:

— Да здравствует народная воля!

Брат казненного Владимир Ульянов, в ту пору семнадцатилетний гимназист, был потрясен трагическим известием.

Он горячо, преданно, нежно любил брата. В них обоих пылало одно всепоглощающее пламя. Гибель старшего брата не только не погасила — разожгла это пламя еще ярче в душе младшего. Он был удручен потерей. Но не был сражен.

Он был настолько мужествен, что, гордясь подвигом Саши, оплакивая его смерть, сумел прямо сказать, что тот ошибался. Ошибался в выборе пути, которым надо было идти к цели.

«Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти». Эти слова семнадцатилетнего Володи услышала Мария Ильинична и запомнила выражение лица, с которым он их сказал.

Т

ебе хотелось бы, конечно, понять, что не принимал Ленин в способе борьбы, который избрал Саша Ульянов.

Об этом хорошо рассказала Надежда Константиновна Крупская:

«Ленин принадлежал к тому поколению, на глазах которого происходила борьба прежних

социалистов, которые боролись с царским строем путем террора, то есть устрашения отдельных особенно злостных угнетателей, стреляли в них, кидали в них бомбами. Отдельные революционеры шли тогда на героические поступки, они шли на смерть, но они боролись в одиночку, и их борьба давала мало результатов. Старший брат Ленина, который был на несколько лет его старше, точно так же решил пойти на борьбу против царя. Он принимал участие в покушении на царя, был схвачен и казнен. И вот это сильное переживание — казнь старшего брата — заставило молодого Ленина особенно задуматься над тем, что такая борьба в одиночку, хотя это и самоотверженная, героическая борьба, дает мало результатов...»

Беда не расслабила его, не ослепила, а добавила зоркости. Идти надо. Но идти другим путем.

В этом было мужество души и ясность мысли.

В справке департамента полиции о В. И. Ульянове значится: «За участие в студенческих беспорядках, происходивших в декабре 1887 года, исключен из университета с воспрещением жительства в Казани и с учреждением негласного надзора полиции».

В глухой, утонувшей в снежных сугробах деревушке тихо, безлюдно. Короткие зимние дни, едва развидневшись, вновь растворяются в кромешной тьме долгих, морозных ночей.

Холодно, одиноко, неприятно в старом кокушкинском флигельке. Сестре Володи Маняше кажется, что брат тяготеет жизнью вдаль от людей, событий, дела.

Но это, пожалуй, не совсем так.

Будь Ленин обычным человеком, наверное, он бы затосковал. Может быть, заметался бы, не находя себе места. Впал в уныние. Потому что каждому понятно: на свободе лучше, чем в ссылке. В теплой городской квартире уютнее, чем в холодном, заснеженном домишке.

Но Ленин был Ленин. И была цель — революция.

— Кажется, никогда потом в моей жизни, даже в тюрьме в Петербурге и в Сибири, я не читал столько, как в год после моей высылки в деревню из Казани... — рассказывал Владимир Ильич много лет спустя. — До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чернышевский, и началось оно с «Что делать?». Величайшая заслуга Чернышевского в том, что он не только

показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Перед этой заслугой меркнут все его ошибки...

Немало читателей было у Чернышевского. Молодежи того времени он дал чрезвычайно много. Но Ленин взял у него больше других. Потому что сумел посмотреть глубже и увидеть больше. Отобрать верное, необходимое для борьбы.

Кокушкино оказалось для студента-изгнанника университетом. Первым, настоящим университетом революционной теории.

Осенью 1888 года Владимиру Ильичу было разрешено переселиться в Казань. Здесь он достает и начинает изучать Маркса.

— Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, — вспоминает Анна Ильинична, — он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его, как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам.

Маркс окрылил Ленина.

«Учение Маркса всеильно, — написал позже Владимир Ильич. — Учение Маркса всеильно, потому что оно верно».

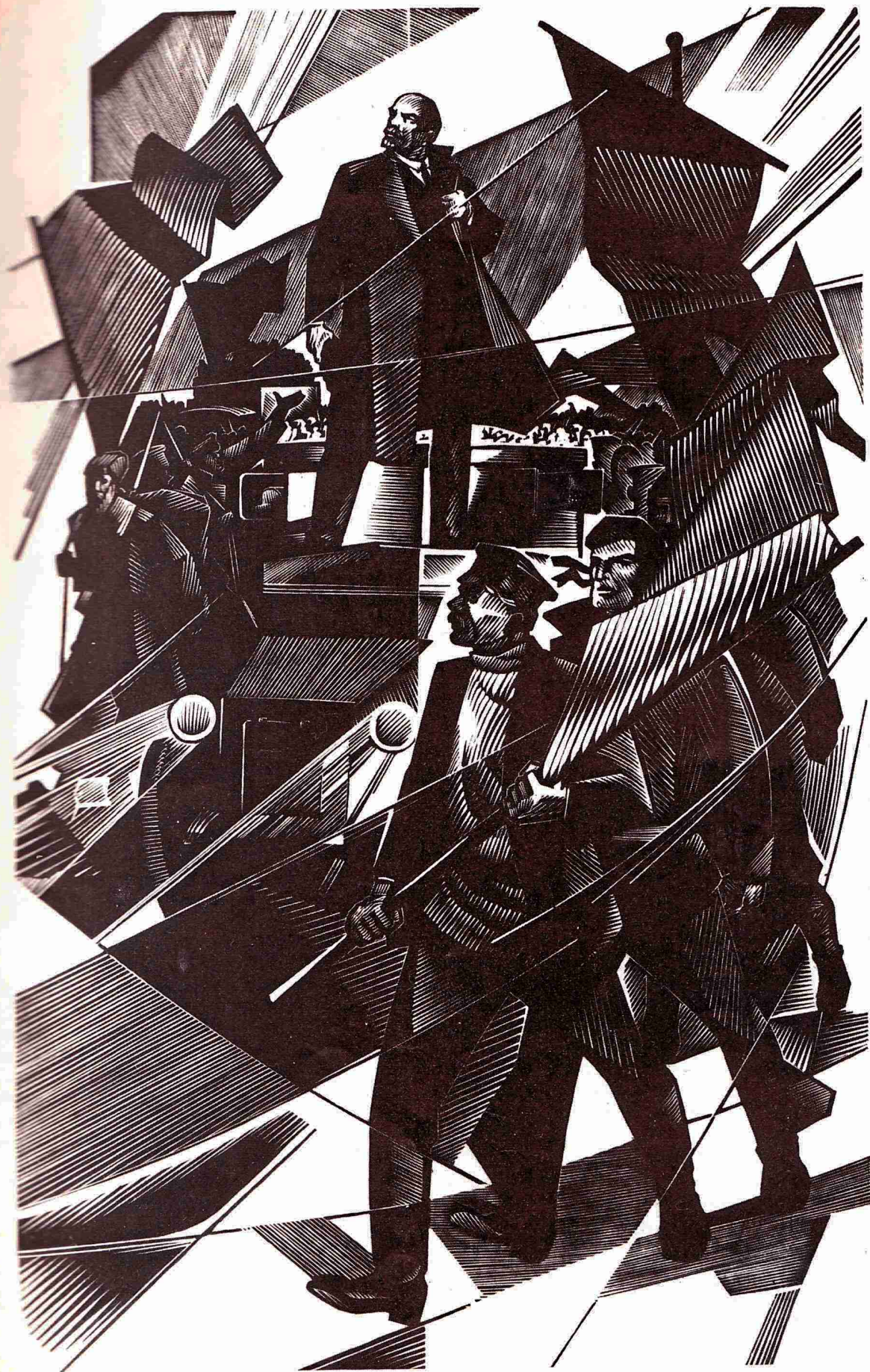
«Совсем еще юношей Ленин понял, что самым революционным классом является рабочий класс, что класс этот поведет самую решительную борьбу со старым строем, что рано или поздно этот класс победит... А когда Ленин это понял, он отдал себя целиком на службу рабочему классу».

В этих словах Н. К. Крупская передала тот практический вывод, который сделал Владимир Ильич из учения Маркса.

...Друзья юности Владимира Ильича, вместе с ним, под его руководством постигавшие Марксову алгебру революции в провинциальном городе Самаре и уже тогда называвшие его «наш орленок» за смелый и гордый полет мысли, услышав вскоре имя Ленина, все громче звучавшее в России, как имя выдающегося марксиста и революционера, гневно разящего всех противников пролетарской революции, с гордостью говорили друг другу:

— Наш орленок расправил свои крылья!

Григорий В. ИОСИФОВИЧ

Рисунки А. БОРИСОВА.

ПОВЕСТЬ

Про викингов рассказал мне Сережка Волошин, рассудительный и спокойный человек двенадцати лет. Я жил тогда в подмосковном городке, и Сережка был моим соседом.

Улица наша называлась Крепостная. Дело в том, что в давние времена, когда по полям шатались орды кочевников, здесь стояла крепость. Небольшая, деревянная, с бревенчатыми восьмиугольными башнями. Потом она сгорела. Остался только земляной вал да овраг, который раньше был крепостным рвом.

Улица была широкая, но тихая. Машины по ней не ходили, потому что она упиралась в овраг.

Сами понимаете, что такая улица — рай для футболистов.

Сережка возвращался поздно вечером и на кухне, сдержанно кряхтя, начинал заклеивать пластырем ссадины на ногах.

— Ну и побоища у вас, — сказал я однажды. — Каждый раз с отметинами приходишь.

Сережка, вытянув шею, пытался облизать ссаженный локоть.

— Подумаешь... побоища, — ответил он. — Какие это... побоища... Чушь... Вот в прошлом году...

И, лизнув наконец локоть, поведал эту историю.

В конце июня их осталось пятеро. Почти все «овражники» — ребята с этого конца — разехались кто куда: в лагерь, к бабушкам, на юг, а один даже в тайгу с отцом-геологом.

А во компании Тольки Самохина никто не выставлялся. Или сговорились, или случайно так получилось, но их как было, так и осталось оставаться, не считая всякой мелкоты.

У Сережки и его друзей никогда не было привычного мира с Толькиной компанией. Кто тут виноват, сказать нелегко. Однако все отмечают, что Самохин — человек въедливый и злопамятный. Он ко всем придирался и никогда ничего не прощал. Сережке он, видно, не мог простить, что тот не подчиняется. Не считает его, Тольку, за командира в здешних местах, а сам имеет армию. Правда, Сережкина армия была не такая большая и воинственная, но пока она была в сборе, могла постоять за себя. И вдруг неприятность — развалилась!

Те, кто остался, жили в одном дворе. В двухэтажном доме — мальчишки, а в маленьком, в глубине двора, — девочка Виктория. Или попросту Вика. Одноклассница Сергея.

Викины родители были путешественники. Они не поднимались на снежные вершины, не искали рудные залежи и не раскапывали в пещерах древние города, они просто ездили. Каждый отпуск они проводили с туристическими группами то на Черном море, то в Ленинграде, то на Волге. А воспитывать Вику приглашали папину сестру Нину Валерьевну.

Нина Валерьевна была худая, длинноносая и печальная женщина. То, что она тяжело больна, подразумевалось само собой. Это все знали, когда еще Виктории на свете не было. А если кто-нибудь спохватывался и пытался узнать о ее болезнях подробнее, Нина Валерьевна медленно и выразительно поднимала глаза на невестку. «Как же вам не стыдно, — говорил этот взгляд, — мучить бедную женщину, жизнь которой висит на паутинке!» И невеже становилось стыдно.

Чтобы окружающие не забывали о ее страданиях, Нина Валерьевна постоянно сообщала: «Ах, как у меня болит голова!» Фразу эту она произносила регулярно через каждые четыре с половиной минуты.

То, что ей приходится воспитывать Вику, Нина Валерьевна считала подвигом. Она так и говорила: «Надеюсь, люди когда-нибудь поймут, какой подвиг я совершаю».

Может быть, Викины родители это понимали, но они были далеко, а Вика не понимала.

— Уик-то-ория-а! — на иностранный манер голосила по вечерам Нина Валерьевна. — Пора домой! Слышишь?! Все нормальные дети уже спят! Уик... (ах, как у меня болит голова!)... торна! Не заставляй меня снова принимать валокордин!

— Выходит, я ненормальная? — шептала в каком-нибудь укритии Вика. — Ну и отлично. Тогда мы еще погуляем. Ага, мальчишки?

Как все нормальные девочки, Вика гоняла с ребятами футбол, временами дралась, ныряла с полузатопленной баржи и никогда не забывала, что она девочка. Довольно часто Вика

появлялась во дворе в модном сарафане или платье и вопросительно поглядывала на ребят. Мальчишки понимали девчоночью слабость и сдержанно хвалили обнову. Платья и сарафаны Виктория кроила из прошлогодних туристских нарядов матери и шила на расхлябанной швейной машинке, которая постоянно ломалась.

Чинили машинку братья Дорины.

Братья были близнецы. Но ничуть не похожие. И это, пожалуй, хорошо. Говорят, одинаковые близнецы не умеют жить мирно, а белобрысый Стасик и худой темноволосый Борька жили душа в душу. И увлечения у Дориных были одинаковые. Больше всего они любили книжки про технику и роботов. Дома у них был механический кот для ловли мышей, звали его Меркурий. Правда, ни одной мыши он не поймал, зато бросался под ноги гостям и свирепо хватал их за ботинки железными челюстями...

Еще в этой компании был первоклассник Джонни. Вернее, даже не первоклассник. В школу он лишь собирался, а пока ходил в «подготовишку» — самую старшую группу детского сада. Но ведь те, кто, например, только перешел в пятый класс, тут же называют себя пятиклассниками, не дожидаясь новой осени. Вот и Джонни не стал ждать.

Имя Джонни было ненастоящее. Вообще-то его звали Женька. Но Женькин язык имел маленькую странность: не умел выговаривать букву «ж». Получалось «дж». Вместо «железо» Женька говорил «джелезо», вместо «жулик» — «джулик». И себя называл Дженькой. Но что за имя такое — Дженька! Вот и переделали в Джонни.

Детсадовскую жизнь и порядки Джонни холодно презирал. Он отлично умел читать, знал, как устроены космические ракеты и электропробки, и терпеть не мог всякие хороводы и «гуси-лебеди».

В группу Джонни являлся в потрепанных текасских штанах с мордастым ковбоем на заднем кармане и в выцветшей футболке. «Техасы» подметали бахромой паркет и пылили, как мотоцикл на деревенской улице. Воспитательницу Веру Сергеевну этот костюм доводил до истерики, но Джонни оставался спокоен. Вопервых, Вера Сергеевна была его двоюродной сестрой, во-вторых, он никогда не унижался до споров с начальством. Если жизнь в группе становилась нестерпимой, он просто брал под мышку «Сказки братьев Grimm» и уходил к малышам. Малыши смотрели на Джонни, как новобранцы на прославленного генерала. А их воспитательница на него чуть не молилась: Джонни избавлял ее от многих забот.

Ребят из младшей и средней группы Джонни любил. Конечно, они были народ необразованный, но это по малолетству, а не по глупости. И носов они не задирали. А как они слушали сказки!

Малыши верили в Джонни и чуть что бежали к нему. И в тот воскресный день, когда викин-

ги совершили первое преступление, два пятилетних гонца отыскивали Джонни.

А Джонни отыскал друзей.

Сережка, Виктория, Стасик и Борька сидели на верхней перекладине забора, которая называлась «насест». Это было их любимое место. Они сидели и бездельничали. Хмурый Джонни влез на насест и сообщил:

— Самохин опять пиратничает...

— Что? — напружиненно переспросил Сергей.

— Понаделали всякого оружия и на всех лезут. У Митьки Волкова и Павлика Гаврина плотину сломали. Они ее в овраге на ручье сделали, а они растоптали.

— Шакалы! — искренне сказала Вика. — Наши на кого нападать!

Сережка прищурился и медленно произнес:

— Думают, если Санька уехал, Митьку можно задевать...

Санька был братом пятилетнего Митьки и приятелем Сергея.

— Пошли поговорим с ними, — деловито предложил Борис.

— Их шестнадцать, — сказал Джонни. — И мечи, и щиты, и копья. Вот они скоро здесь проходить будут, увидите.

И правда, через минуту раздался дружный топот и брэнчание. Топала Толькина компания, а брэнчали доспехи.

— Укройсь, — велел Сережка.

Они прыгнули с забора и прильнули к щелям.

По дороге шло грозное войско.

Необычный был у войска строй. Впереди шел один человек, за ним два — плечом к плечу, потом шеренга из трех, за ней — из четырех. А дальше снова шли три, два и один. Получался остроконечный четырехугольник — ромб.

Каждый воин держал громадный, как цирковая афиша, щит, который закрывал хозяина от циклоток до плеч. Все щиты смыкались краями и опоясывали строй, как сплошная броня.

Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было! Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тазики. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести — припаянные, приклепанные, прикрученные — торчали грозно и вызывающе.

Самохин шел первым. На нем сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог — такой же — был припаян с другой стороны. Крышка, видно, тоже была припаяна. Чайник закрывал лицо до подбородка. На блестящем металле чернели прорези для глаз.

Над щитами, над шлемами гордо подымались копья. Мочальные хвосты и пестрые флажки реяли у конечников.

— Ну и стадо, — сказала Вика.

— Смех смехом, а не подступишься, — воз-

разил Борька. — Даже из рогаток не прошибешь.

В середине строя, за щитами, дробно стучал металлический барабан.

— Понятно, — зло сказал Сережка. — Начитался Самохин про викингов. Есть такая книжка — «Черный ярл». Слышали, кто такие викинги? Это морские бродяги были, вроде пиратов. Давно еще. Они в Скандинавии жили, где сейчас Швеция и Норвегия... В пешем строю они всегда таким ромбом ходили. Закроются с четырех сторон щитами, и не подступишься. И шлемы у них рогатые были, чтобы страх нагонять.

— Ну и страх! Потеха одна! — громко заявила Вика. — Что-то вы побледнели, мальчишки. Животы в порядке?

— Уиктория-а! — укоризненно протянул Стасик. — Зачем ты так говоришь? Не заставляй нас принимать валерьянку.

— А ярл — это кто? — спросил Борис.

— Это значит вождь, — объяснил Сережка. — Вроде князя.

— Он негр? — поинтересовался Джонни.

— Почему?

— Ну, раз черный!

— Да это прозвище. Тоже для страха.

— А ярла в чайнике мы тоже боимся? — спросила Вика.

— Мы его вечером поймаем, — решил Сережка. — Когда будет без чайника.

Только Самохина друзья повстречали у входа в летний кинотеатр. Толька хотел попасть на двухсерийный фильм про трех мушкетеров. Он не попал. Его прижали спиной к решетчатой ограде, над которой поднималась трехметровая фанерная афиша. На афише д'Артаньян ловко раскидывал длинной рапирой целый взвод кардинальских гвардейцев, но Тольке от этого было не легче.

— Поговорим? — сказал Сережка.

— Четверо на одного? — сказал Толька.

— А разве много? — язвительно сказала Вика. — Вас-то сколько было, когда плотину у двух малышей раздавили?

— Мы? Раздавили?

— А не давили, да?

— Мы по ней только через ручей прошли! У нас на той стороне тактические занятия были! Мы что, знали, что она сломается?

— Думать надо было, — наставительно сказал Борька.

— Головой, — добавил Стасик.

— А у него не голова, — произнес остроумный Джонни. — У него джестянка с рогами.

— Ты мои рога не тронь, — мрачно сказал предводитель викингов.

— Можно и потрогать, — заметил Сережка.

— Четверо на одного?

— Пятеро! — взвился уязвленный Джонни. Только сейчас он понял что Самохин не желает его даже считать. — Вот как вделаю по уху!

— Козявка, — сказал викинг. — Вделай.

Джонни зажмурился и «вделал»...

В общем, Самохин вырвался из окружения невредимым и взбешенным. Наверно, хотелось ему зарезать. Но он не заревел. Он, часто дыша, сказал издали:

— Ну, увидимся еще! Не будет вам жизни теперь ни ночью, ни днем.

Друзья озабоченно молчали и не смотрели друг на друга.

— Вот что, люди,—заговорил наконец командир Сережка.— Давайте-ка топать на свою территорию. И поскорее. Полезное это будет дело.

Он оказался прав. Едва укрылись во дворе, как Джонни известил с «наместа»:

— Идут!

Все забралось на перекладину.

Противник двигался в боевом порядке. Мерно раскачивались копыя, и звякало железо.

— Красиво идут черти,— со вздохом сказал Сережка. Наверно, все-таки завидовал, что нет у него такой могучей армии.

— Ну и красота! Понацепляли утиль-свище...— откликнулась Вика.

Викинги приближались. Толька шел впереди. Рогатый чайник его вспыхивал на вечернем солнце. Лучи отскакивали от него, как оранжевые стрелы. Справа и позади командира шагал верный адъютант Вовка Песков по прозвищу Пескарь. Впрочем, знающие люди утверждают, что прозвище это надо писать через «е», потому что оно не от фамилии, а от Вовкиной пискливости. Пескарь (или Пискарь) тоже был в чайнике, только не в блестящем, а в матированном. Крышки у чайника не было, а в круглом отверстии торчал Вовкин хохол.

Строй викингов остановился, нацелившись острием на забор.

— Ну, чего расселись, как курицы?— глухо спросил Самохин из-под шлема.— Идите, побеседуем.

— Сено к корове не ходит,— сказал Сережка.

— Трусы,— заявил Толька, презрительно глядя сквозь прорези.— Это вам не пятеро на одного.

Джонни гордо улыбнулся.

— И не шестнадцать на двух малышей,— сказала Вика.

— Пескарь, давай,— приказал Самохин.

Адъютант вышел из строя и приблизился к забору. Тонким голосом он отрапортовал:

— Объявляем вам всем смертельную войну до полной победы, чтоб не было вам нигде проходу!

— Всё?— спросил Сережка.

— Всё,— сказал Пескарь и нерешительно оглянулся на ярла.

— Объявил и катись отсюда,— хмуро предложил Сережка.

— Сам катись,— ответил Пескарь, потому что приказа отступать не было.

Джонни ловко плюнул, целясь в неприкрытую макушку викинга, но не попал. Оскорбленный Пескарь поднял копьё, чтобы отомстить обидчику. Борька и Стасик ухватили копьё за

наконечник, дернули к себе. Пескарь не ожидал такого фокуса и выпустил оружие. Дорины тупым концом копыя трахнули Пескаря по щите, и посол викингов шлепнулся на асфальт, раскидав худые, как циркуль, ноги.

Викинги склонили копыя и ринулись к забору. Пятеро друзей, как парашютисты, посыпались вниз, во двор.

— Минуточку!— крикнула Вика и метнулась к своему крыльцу. Буквально через несколько секунд она примчалась с ведерком. Вода блестящим языком перехлестнулась через забор. Послышались яростные крики, и викинги отступили. Вика снова уселась на забор.

— Эй вы, мелкий рогатый скот!— радовалась она.— Обезьяны в дырявых мисках! Получили? Мы вас всех переловим по одному, рога пообломаем!

— Уикто-ориа-а!— раздался позади возмущенный вопль.— Что ты говоришь! Сию же минуту ступай домой! Ты сведешь меня в могилу!

— Сведешь тебя...— проворчала Вика и шумно упала с забора.— До завтра, мальчики. Сегодня меня будут перевоспитывать.

— Держись,— откликнулся Сережка.— Утро вечера мудренее.

Но утро не оказалось мудренее. Оно не принесло ни радостей, ни свежих мыслей, ни особых новостей. Была только одна новость: Джонни оказался именинником. Ему исполнилось семь лет, и он на законных основаниях не пошел в детский сад.

— Уговаривали,— сказал Джонни.— Хотели, чтобы я туда до самой осени таскался. Я сказал, что фиг. Дожирно будет.

Не было теперь нужды дразнить своим видом воспитателей. Поэтому Джонни явился к друзьям не в обычном ковбойском костюме, а в октябрятской форме, купленной вчера в магазине «Светлячок».

— Джонни, ты генерал,— сказала Вика, разглядывая синюю пилотку и голубую рубашку с погончиками.— Тебя, именинника, надо бы за уши потаскать, да я подступиться боюсь.

— Мы ему железного кота подарим,— пообещал Стасик.

Слова о генерале повернули все мысли к военным делам.

— Эти паразиты вчера до ночи маршировали,— сказал Борька.

Сережка вздохнул. Это был вздох полководца без армии. Он сказал:

— Набрать бы человек двадцать, поставить бы впереди всех Джонни с барабаном... Дали бы мы этой рогатой банде!

— Может, на них вашего кота напустить?— спросил Джонни у Доринных.

— Мелковат,— сказал Борька.

— Броневик бы склепать...— задумчиво произнес Стасик.— И на всем ходу на них: др-р-р-р!

— «Др-р-р!»— передразнил Борька.— На каком ходу? Двигатель где возьмешь?

— А на педалях?

— Много ты наездишь на педалях? — спросил Сережка. — Тебя в этом «броневике» как в мышеловке накроют.

— Мы и так, как в мышеловке, — сказал Стасик. — На улицу не сунешься, чтоб футбол погонять.

— Вот в августе вернутся наши, тогда мы дадим жизни, — мечтательно сказала Вика.

— В августе! — возмутился Джонни. — А сейчас как воевать?

Настроение было неважное, и Вике захотелось поспорить:

— Вам, мальчишкам, только воевать да футбол гонять!

— А что делать? Взаперти сидеть?

— Не обязательно сидеть. Тыщу дел можно придумать, самых интересных!

— Не надо тыщу. Придумай одно, — попросил Сергей.

Ничего не придумывалось, но отступать было нельзя, и с разгона Вика заявила:

— Ну... звено можно организовать! Для шефской работы. Как в зоне пионерского действия. Помогать там кому-нибудь или еще что...

— Бабушкам водичку с колонки носить, — вставил Стасик.

— Ну и что? Рассыплешься?

— Не рассыплюсь, — ответил за брата Борька. — Только пока ей воду таскаешь, она будет на рынке земляничкой торговать. Знаю я таких.

— Не все же такие.

— Не все! Есть и другие, которые во двор не пустят. Сунешься, а там кобель здоровенный. Враз штаны оборвет.

Вмешался Сережка и сказал, что затея так себе. Никаких бабушек и стариков, которым помощь нужна, не найдешь. У каждого толпа здоровенных родственников и детей. Это раньше были одинокие старушки, а сейчас...

— Есть одна бабушка, — вдруг сказал Джонни. — Она без никого живет. Ее бабушкой Наташей зовут. Да вы же знаете, у нее щенок Родька.

Щенка Родьку знали. Он был веселый и добродушный. А хозяйка...

— Неподходящая бабушка, — твердо сказал Сергей. — Брунду ты выдумал, Джонни. Она ребят просто видеть не может.

— Кричит, что все мы бандиты, — заметила Вика.

— Ну... — нерешительно сказал Джонни. — Мы, наверно, сами виноваты...

— Мы?! — хором возмутились Дорины.

— Ну... То есть, наверно, я... Я в прошлом году нечаянно свой вертолет ей в огород пустил. И полез за ним... И там нечаянно два огурца сорвал...

— А она нечаянно тебе уши надрала, — обрадованно добавил Стасик.

— Нет, не успела. Только я от нее по парникам убежал, по стеклам...

— Теперь к ней не сунешься, — сказал Борька.

Сережка молчал. Он обдумывал. И все тоже замолчали, вопросительно глядя на командира.

— А может, попробуем? — спросил Сережка. — Трудно, конечно... А вдруг перевоспитаем бабу? Все-таки польза для человечества. Решили попробовать.

На разведку пошли Стасик и Борька.

Бабка Наташа жила в угловом домике. Домишко был старый, осевший в землю одним углом. Словно кто-то сверху стукнул его кулаком по краю. Калитка тоже была старая. Она оказалась запертой, но Борька просунул в щель руку и отодвинул засов.

По двору ходили куры и петух Гарька (полное имя Маргарин). Из фанерного ящика выкатился толстопузый Родька, тявкнул и помчался к разведчикам, виляя хвостиком, похожим на указательный палец. В углу двора из ветхого сарайчика появилась бабушка Наташа.

Бабка была еще крепкая. Высокая, худая и сутулая. Она колюче глянула на ребят из-под клочкастых бровей, и Стасик торопливо посмотрел назад: открыта ли калитка.

— Зрасссте... — сказал Борька.

— Нету макулатуры! — заговорила бабушка голосом, неожиданно чистым и громким. — И железа нету! Ничего нету!

— И не надо, — поспешно сказал Борька. — Мы к вам, бабушка, по другому делу.

— И никаких делов нету! Хулиганство одно, — неприступно отвечала бабушка Наташа, зачем-то подбирая с земли хворостину, похожую на гигантский крысиный хвост.

Стасик жалобно сказал:

— Никакого хулиганства. Мы наоборот...

— Ну и шагайте отседова, раз наоборот. И нечего собаку со двора сманивать! Брысь! — Она подняла хворостину, и Родька пушечным ядром влетел в ящик.

Стасик и Борька зажмурились, но остались на месте.

— Непонятно вы говорите, — начал Борька, приоткрывая один глаз. — При чем тут хулиганство? Разве можно считать хулиганями всех людей?

— Я про людей и не говорю, — ворчливо ответила бабушка. — А вас еще сколько надо палкой учить, пока людьми станете.

— Не все же палкой. Можно и по-хорошему, — повернул Стасик.

— С вами-то?

— С нами, — твердо сказал Борька. — Мы к вам по хорошему делу пришли. Починить что-нибудь, если надо, помочь где-нибудь.

— И чего это мне помогать... — неуверенно сказала бабушка.

— Мало ли чего! — перешел в наступление Борька. — Забор починить или крыльцо... Или вон дверь на сарае! Ну что за дверь!

— Чихнешь — и отпадет, — сказал Стасик.

Дверь и правда была никудышная. Три кое-как сбитых доски висели на одной петле.

— Мы бы вам такую дверь отгрохали, — мечтательно сказал Стасик.

— «Странная», — опасно повторила бабушка. — Еще стянете чего-нибудь из сада-то.

Бабушка Дорины оскорбленно вскинула брови.

— Во-первых, — сказал Борька, — мы не воровки.

— Во-вторых, — сказал Стасик, — было бы что тянуть! Золото, что ли, там спрятано?

— Там у меня коза, — с достоинством ответила бабушка Наташа.

Борька вздохнул и устало спросил:

— Бабушка! Ну подумайте, зачем нам коза? В велосипед запрягать?

Бабушка смотрела то на ребят, то на двор. Дорины с обиженным видом ждали. Родька опять вылез из ящика и свисал на Маргарина.

Новая дверь излучала оранжевое сияние. Можно было даже сказать, она польхала оранжевым пламенем. Ее торжественно отнесли к бабке во двор...

— А... почему возьмете-то?

— Да что вы, бабушка! — хором сказали братья.

Дверь делали у себя во дворе. Доски для нее собрали старые, разные, но Борька прошелся по ним фуганком, опилил концы, и они заблестели — одна к одной. Потом их сбили двумя поперечными брусками. Стасик притащил из своих запасов две тяжелые дверные петли и щеколду. Сережка у себя в чулане оторвал от старого сундука узорную медную ручку. Вика отыскала полбанки оранжевой краски, которой покрывают деревянные полы. Краска осталась от ремонта дома.

Один Джонни бездельничал. В начале работы он треснул молотком по пальцу, и его отравили «на отдых». Сказали, что, во-первых, он именинник, во-вторых, испачкает свою форму, а в-третьих, кто его знает: может быть, в другой раз он стукнет не по своему пальцу, а по чужому. Джонни сидел на Викином крыльце и канючил, что хочет работать.

Потом, когда развернулись главные события, Джонни поэтому и отвоевал себе основную роль. «Хватит зажимать человека,— сказал он.— Тогда не дали работать и сейчас не пускаете?» И его пустили... Но это было после. А пока друзья возились с дверью.

Они унесли готовую дверь в бабкин двор, приладили к сараю и взялись за кисти. Через полчаса дверь снаружи полыхала оранжевым пламенем. Сияла на солнце. Бабка Наташа тоже сияла. Вся ее суровость растаяла, как эскимо на солнцепеке.

— Голубчики,— повторяла она.— Работнички! Я вам конфеточек...— И она заспешила к дому.

— А ну, пошли, ребята,— распорядился Сережка.— А то еще, правда, начнет конфетки совать.

Они побежали на улицу.

Джонни задержался в калитке. Опустился на колено. Его заторопили.

— Идите! — откликнулся он.— Я догоню! Только сандаля поправлю! Ремешок порвался...

Вся компания, кроме Джонни, устроилась на крыльце у Вики. Вика чинила Борькину рубашку. Борька, сидя на корточках, чистил бензином штаны Стасика. Стасик оглядывался и давал советы. Сережка зачем-то старался укусить свою ладонь.

— Уик-то-о-ория-а! — доносилось изредка из дома.— Почему ты не идешь обедать? Я напишу папе и маме!

— Ах, как у меня болит голова! — деревянным голосом сказала Вика.

— Джонни куда-то исчез,— озабоченно заметил Сережка.— А тут еще эта заноза...

— Ты имеешь в виду мою тетю? — спросила Вика.

— Я имею в виду настоящую занозу. В ладони сидит...

— Вот он, Джонни, бежит,— сказал Борька. Встрепанный Джонни подлетел к друзьям и перевел дух.

— Викинги? — спросил Сергей.

— Братцы,— громким шепотом сказал Джонни.— Липа взбесилась.

Борька приоткрыл рот и вылил на Стасика бензин. Вика воткнула в палец иголку. Сережка лягнул зубами и проглотил занозу.

Липа взбесилась! Все знали бабкину Липу как пожилую мирную козу. Что случилось?

Случилось вот что. Хитрый Джонни услышал от бабки про конфеты и решил не упускать случая. Поэтому и застрял в калитке, а никакой ремешок у него не рвался.

Появилась бабка Наташа, но без конфет. На Джонни она не взглянула, видно, не заметила. Бабка побрела к сарайчику, полюбовалась дверью, осторожно открыла ее и медовым голосом позвала:

— Иди сюда, голубушка, иди, сладкая...

Появилась «сладкая голубушка» Липа. При свете солнца особенно заметно было, какая она худая и клочкастая. Бабка распутала у нее на рогах веревку.

— Пойдем, матушка, я тебя привяжу, травки пощиплешь.

Липа ничего не имела против. Сонно качая бородой, она побрела за хозяйкой. Но тут нахальный петух — Гарька боком начал подбираться к открытой двери. У бабки, видно, были причины, чтобы Гарьку туда не пускать.

— Брысь, нечистая сила! — гаркнула она. Оставила козу и побежала к сараю.

Петух развязной походкой удалился в курятник. Бабка Наташа прикрыла дверь и заложил щеколду, приговаривая:

— Сейчас, сейчас, моя Липушка.

Липа лениво оглянулась...

И увидела дверь.

Никто никогда не узнает, что произошло в ее душе. Козья душа — потемки. Но Джонни видел, как Липины глаза вспыхнули желтой ненавистью. Липа сразу как-то помолодела.

— Им-ммэх! — энергично сказала она. Широко расставила ноги, подалась назад и, разбежавшись, врезала рогами по оранжевой двери.

— Голубушка! — ахнула бабка.

Липа тяжелой кавалерийской рысью вернулась на прежнее место и склонила рога.

— Ладушка... — позвала бабка Наташа и сделала к ней шаг.

Липа рванулась и смела ее с дороги, как охалку соломы. Сарай слегка закачало от могучего удара.

— Спасите... — нерешительно сказала бабка и, пригибаясь, побежала за угол.

Джонни вскочил и, хлопая расстегнутой сандалией, помчался к друзьям...

Когда ребята ворвались в калитку, Липа готовилась к очередному штурму. Она дышала со свистом, словно внутри у нее работал дырявый насос. Рыла землю передним копытом и качала опущенными рогами. На рогах пламенели следы краски. Глаза у Липы тоже пламенели.

— М-мэу-ау, — хрипло сказала Липа и, наращивая скорость, устремилась к сараю.

Трах!

Дверь крякнула. Внутри сарайчика что-то заскрежетало и ухнуло. С козырька крыши посыпался мусор. В курятнике скандално завопил Гарька. В глубине своего ящика нерешительно вякнул Родька.

— Красавица моя... — плаксиво сказала бабка Наташа, укрываясь за кадкой.

«Красавица» гордо тряхнула бородой, встала на задние ноги, развернулась, как танцовщица, и бегом отправилась на исходную позицию.

Борька, срывая через голову рубашку, метнулся к взбесившейся козе. Коза метнулась к

двери. Они сползли на полпути. Падая, Борька забросил рубашку Липе на рога. Клетчатый лосот закрыл козью морду. Липа по инерции пробежала почти до сарая и остолбенело застыла.

— Ма? — верешительно спросила она.

Поклопоча Вика и покрепче укутала рубашкой Липину голову.

Бабка Наташа выбралась из укрытия.

— Это что же? — спросила она со сдержанным упреком. — Значит, так оно и будет с по-настоящему дня?

— А мы при чем? — огрызнулся Борька. Он ладными растирал на голом боку кровоподтеки от Липиных рогов. — Дура бешеная! Большая, что ли?

— «Большая»! — обиделась бабка. — Да сроду она не болела! Вот что! Сымайте-ка вашу дверь, мне коза дорожел!

— Ну и... — со злостью начал Борька, но Сережка одними губами произнес: — Тихо... — И повернулся к бабке.

— Дверь снять недолго, — покладисто сказал он. — Только как вы без двери будете? Старая-то совсем рассыпалась. Украдут ведь козу, бабушка. Или сбежит.

Бабка открыла рот, чтобы обрушить на Сережку гром и молнии... и не обрушила. Потому что без двери в самом деле как?

— Ироды, — плаксиво сказала она.

— Да вы не расстраивайтесь, бабушка, — утешал Сережка. — Ну, разволновалась коза немножко. С непривычки. Бывает... А может быть, у козы вашей какая-нибудь испанская порода? Как у быков. Знаете, испанские быки на все такое яркое кидаются.

— Сам ты порода-урода! — опять взвилась бабка. — Значит, так и будет она кидаться?

— Да перекрасим дверь, — спокойно объяснил Сережка. — О чем разговор! В зеленый цвет перекрасим. Не будет она кидаться на зелень. Ведь на траву она не кидается.

Бабка подозрительно молчала. Но, подумав, решила, видно, что нет Липе никакого резона кидаться на зеленую дверь.

— А когда перекрасите?

— Ну, сперва пусть эта краска высохнет... А пока мы Липушку в овраге попасем, — сладко пообещал Сережка. — Раз уж так получилось... Главное, вы не беспокойтесь. Мы ей дверь показывать не будем. Уведем и приведем аккуратненько. Там и травка густая, сочная, не то что здесь....

Когда Липу вывели за калитку, Борька в сердцах саданул ей коленом в худые ребра.

— У, кляча испанская!

— Вот и нашлось дело. А боялись, что закупаем, — ехидно заметила Вика.

— Зачем связались? — возмущенно спросил Стасик. — Ну и пускай разносит сарай! Мы-то при чем? — И он треснул Липу с другой стороны.

— Не тронь дживотное, — сердито сказал Джонни.

— А в овраге нас викинги живьем возьмут, — заметил Стасик.

— Не возьмут. Мы за поворот уйдем, они туда не полезут в своих доспехах, — объяснил Сережка.

— Звено козопасов, — сказала Вика и вздохнула. — Да еще зеленую краску добывать надо. Предупреждаю: у меня нет.

— Зеленая подождет, — сказал Сережка. — Надо оранжевую. Осталась?

— А зачем?

— Осталась?

— Немножко, — сказала Вика. — А...

— Пока хватит немножко. А вообще... Фанера есть?

— Есть! — откликнулись Дорины...

— В чем дело, Сергей? — строго спросила Виктория.

Сережка зорко глянул по сторонам и шепотом сообщил:

— Есть одна мысль...

В тот же день Джонни появился в детском саду. Он пришел на площадку независимой походкой вольного человека. Бывшая Джоннина группа хором вздохнула, завидуя его свободе и ослепительной форме. Вера Сергеевна сказала:

— Не понимаю, Воробьев, что тебе здесь нужно.

Джонни ответил непочтительно и отправился к малышам. В тенистом уголке за деревянной горкой Джонни собрал верных людей.

— Вот что, парни, — сказал он. — Есть важное дело.

Малыши часто дышали от внимания и почти-тельности.

— Кто знает, что такое ремонт?

— Это когда папка мотоцикл чинит, — сказал крошечный Юрий Молчанов.

— Молодец, — сказал Джонни. — А еще?

— У нас был ремонт холодильника, — сообщил толстый Мишка Панин. — Только это плохой ремонт, потому что холодильник все равно не работает.

Два голоса вместе сказали, что бывает еще ремонт телевизоров.

— Правильно, — терпеливо согласился Джонни.

— А у нас дома везде ремонт, — слышался голос у него за спиной.

Джонни обернулся, как охотник, услышавший зверя.

— И пол красят?

— Ага, — сказал стриженный малыш Дима.

— Вот! Это самое главное! — торжественно объявил Джонни. — Нам такой ремонт и нужен. Там, где есть оранжевая краска.

— Какая? — спросил Юрий Молчанов.

— Оранжевая. Ну, которой полы красят... Ну, вот как штаны у Димки.

Все с уважением посмотрели на Димкины штаны с вышитым на кармане цыпленком.

— У нас есть такая!

— И у нас! — раздался голоса.

Джонни рассчитал правильно: летом хозяева деревянных домов всегда стараются заняться ремонтом — белят, шпаклюют, крыши чинят. Полы красят. Три Джонниных агента сразу пообещали добыть краску. Остальные сказали, что разведают у соседей.

— Принесите утром, — велел Джонни. — Каждый по консервной банке. И спрячьте там, под... Ну, вы знаете, где.

— Ага. А зачем? — спросил Мишка Панин.

— Потом скажу. Пока военная тайна.

Утром викинги снова ступили на тропу войны. Пестрые флажки реяли на ветру. Шлемы блестели и грозно брякали. Викинги шли на поиски подвигов и славы.

Но, чтобы совершить подвиг, надо победить врага. А врагов не было.

— Внимание! — тонким голосом поддержал его верный адъютант. — Впереди вражеский Джонни, по прозвищу Карпуз!

Никогда не было у Джонни такого прозвища! И все это знали. Но Толька на ходу приказал:

— Полк, слушай боевую задачу! Изловить подлого Джонни-Карпуза, взять его в заложники и выведать все военные секреты!

— Ура! — рявкнули воодушевленные викинги.

Джонни, однако, не хотел, чтобы его изловили. Он заметил врагов и поднажал, стараясь успеть к своей калитке раньше викингов.

Рогатое войско тоже поднажало.

Джонни был не такой противник, на которого надо идти сомкнутым строем. Викинги сломали ряды и кинулись за добычей наперегонки. Но быстро бежать им не давали щиты и копья.

Местные собаки заранее убирались с дороги и гавкали за крепкими заборами. Кошки смотрели с крыш зелеными глазами и тихо стонали от ненависти. Куры, услышав мерный шаг, разлетались по палисадникам, и даже заносчивый Маргарин поспешил исчезнуть в чужой подворотне.

Сомкнутый четырехугольник воинов прошел уже пол-улицы. Подвигов не предвиделось. Под рогатыми кастрюлями и чайниками начинали шевелиться недовольные мысли. Шаг стал сбивчивым. Кое-кто за спиной предводителя стянул со взмокшей головы шлем и взял его под мышку. Дисциплина падала.

Но зоркие глаза вождя разглядели впереди сине-голубую фигурку.

— Внимание!! — взревел обрадованный ярл. — Впереди вражеский лазутчик!

А Джонни мешало бежать ведро с краской. Он тащил его из дачада. Малыши постарались, и ведро было полное. И тяжелое. Оно цеплялось липким боком за ногу, краска плескалась через край, и за Джонни по асфальту тянулась рваная оранжевая цепочка.

Наверно, поэтому Джонни не успел к калитке. Викинги опередили, и казалось, что спасения нет.

Но спасение было. Джонни затормозил и юркнул в проход между заборами.

Это был очень узкий коридор. Если бы Джонни развел руки, он коснулся бы того и другого забора. Проход вел к ручью, который убежал из оврага и журчал позади огородов. Зимой хозяйки ходили на ручей полоскать белье, а летом здесь никто не ходил, и проход зарос лопухами.

Джонни вошел в лопухи, повернулся и стал ждать.

Надо сказать, что, кроме ведра, у Джонни были две мочальные кисти, которыми белят стены. Ведро он поставил перед собой, а кисти взял, как гранаты.

Грозная щитами и шлемами, полезли в проем викинги. Впереди были Самохин и Пескарь.

— Только суньтесь, коровы,— холодно сказал Джонни. И по самый корень окунул кисть.

Это непонятное движение слегка смутило грозных воинов. Они остановились.

— Славайся,— неуверенно сказал Пескарь.

Свободной рукой Джонни показал фигу. На этот возмутительный жест викинги ответили нестройными угрозами. Но не двинулись. Краска падала с кисти, и ее тяжелые капли щелкали по лопухам.

спасать свой авторитет. Они опять склонили копыя.

Бамм! Вторая кисть разукрасила щит Пескаря и щедро окропила других викингов. Джонни, не теряя секунды, схватил с земли гнилую палку, перешиб о колено и оба конца макнул в краску. Палки полетели вслед за кистями. Викинги яростно взревели. Безоружный Джонни подхватил ведро и пустился к ручью.

Путаясь в лопухах, цепляясь друг за друга копыями и рогами, грозные покорители северных морей кинулись в погоню. Жажда мести подхлестывала их. Они догоняли беднягу Джонни.

Что делает охотник, когда его настигает разъяренный медведь? Он бросает по очереди зверю одну рукавицу, вторую, потом шапку... Рукавиц у Джонни не было, а новенькую пилот-

Грозные покорители северных морей кинулись в погоню. Они уже почти настигали беднягу Джонни...

— А ну, положи свою мазилку,— устрашающим голосом сказал Самохин.

Джонни дерзко хмыкнул.

— Взять шпиона! — приказал Толька. Склонил копье и двинулся на противника.

Джонни изогнулся и метнул кисть в щит предводителя.

Бамм! Фанера тяжело ухнула, и на ней расцвела оранжевая клякса величиной с кошку. Кисть рикошетом ушла в задние ряды и зацепила еще несколько щитов.

— Я так не играю, у меня рубаха новая,— сказали оттуда.

— Молчать! Не отступать! — крикнул Самохин.

Джонни обмакнул вторую кисть.

— Джить надоело?

Викингам не надоело жить, но надо было

ку он не отдал бы даже Змею-Горынычу. И Джонни бросил врагам ведро. Вернее, не бросил, а оставил в лопухах.

Неожиданный трофей на минуту задержал орущих викингов. Джонни оторвался от погони. Он, не снимая сандалий, перешел ручей, угрозил с того берега кулаком и по чужим огородам вернулся к своему забору.

Там его ждали.

— Получилось? — спросил Сережка, бледнея от нетерпения.

— Железно,— сказал Джонни.— Сейчас увидите.

Они повисли на заборе.

Викинги выбирались из прохода и смыкали ряды. К забору они подошли уже неприступным ромбом. Их щиты сверкали оранжевыми заплатами всех размеров.

— Вашего Джонни мы все равно поймаем,— сказал Толька, сдвигая на затылок чайник.— Оторвем ноги и приставим к ушам.

— Самохин, ты грабитель,— с достоинством ответил Сережка.— Вы не викинги, а мародеры. Такая банда — на одного первоклассника! Краску отбрали!

— Он ее сам бросил! — возмутился Толька.

— Сам! — хором подтвердили викинги.

— Вы бы не лезли, я бы не бросил! Джулье! — вмешался Джонни.

— До тебя мы еще доберемся,— пообещал Пескарь.

— Отдавайте краску! — потребовала Вика.

— Да? А сметаны не хотите? — язвительно спросил Толька.

А услужливый Пескарь захохотал.

— Ну, послушай, Толька,— сказал Сережка с неожиданным миролюбием.— Ну зачем она вам? А нам она правда нужна.

Самохин удивился: противник не ругался, а просил. Но Толька уступать не хотел.

— Сами виноваты,— непреклонно ответил он и нахлобучил чайник.— Зачем ваш Джонни нам щиты залапал? Думаешь, мы такие ляпанные ходить будем?

— А что будете? — с подозрительным нетерпением спросила Виктория.

Толька мстительно сказал из-под чайника:

— Будем вашей краской наши щиты красить. Чтоб пятен не было. Чтоб одинаковые были. А остаточек вам вернем, так и быть.

— Чтоб вы подавились этим остаточком! — с восторгом в душе воскликнула Вика. И друзья посыпались с забора, чтобы враг не заметил их ликования.

Но они еще не были уверены до конца. Они сидели на Викином крыльце и ждали, и грызла их тревога.

В два часа дня появились в калитке два Джонниных пятилетних разведчика. Джонни, сдерживая нетерпение, пошел навстречу.

— Ну?

— Красят! — отчеканили разведчики.

— Красят,— небрежно сообщил Джонни, возвратившись на крыльцо.

— Джонни, ты великий человек! — проникновенно сказал Сережка.

— Мы подарим тебе Меркурия,— снова пообещал Борька.

Стасик в немом восторге встал на руки. А Вика... Ну, что возьмешь с девчонки! На радостях она чмокнула героя в перемазанную краской щеку. Джонни шархнул и покраснел...

— Ой! — спохватился Стасик и встал на ноги.— Борька, пора!

— Куда вы? — спросил Сережка.

— Липушку на выпас,— сказал Борька.

— Липушку на тренировочку,— нежно добавил Стасик.— Тренировка — залог победы.

— Вы там не очень,— предупредил Сережка.— А то как снизит удои, да как запрет ее от нас бабка...

— Снизит?! — возмутился Стасик.— У нас режим! Программа! Распорядок. Все по-научному!

В тот же вечер Стасик Дорин бесстрашно явился во двор к Самохиным. В одной руке он держал пакет с пластилиновой печатю, в другой — лыжную палку с белым полотенцем.

— Что надо? — нелюбезно спросил предводитель викингов, появляясь на крыльце.

Стасик повыше поднял флаг и протянул пакет. Толька с сожалением поглядел на полотенце. Никакие законы не разрешали отлупить посла. А так хотелось! Он вздохнул, разорвал пакет и вынул бумагу.

«Вызываем на бой!!! Послезавтра. В четверг. В девять часов утра», — прочитал он. Придраться было не к чему: ни одного оскорбительного выражения.

— Будет ответ? — вежливо спросил Стасик.

— Будет,— сказал Самохин.— Послезавтра в девять. Вам понравится.

— Вот и хорошо,— сказал Стасик.

Утро решающей битвы было безоблачным, синим, ослепительным, не воевать бы, а радоваться. Но суровые покорители северных морей, повелители фиордов, грозные бойцы в рогатых шлемах созданы не для мирной жизни. Их дни проходят в боях... Правда, на этот раз они знали, что больших подвигов совершить не удастся. Велика ли заслуга — обратить в бегство маленький, почти беззащитный отряд! Но прочитав непокорного врага следовало, и ровно в девять боевой четырехугольник викингов показался на улице. Заполыхали на солнце оранжевые щиты.

И вот викинги увидели противника.

— Тихо! — сурово сказал Самохин, потому что в рядах началось неприличное, подрывающее дисциплину веселье.

Ну, а как было не веселиться? Противник был такой беспомощный, потешный! Пять человек стояли поперек дороги, вооруженные чем попало. У девчонки вместо щита была деревянная крышка от бочки. Джонни-Карапуз держал игрушечный автомат, бесполезный в настоящем бою. У Сережки Волошина вообще не видно было оружия. Лишь братья Дорины укрылись за настоящими, как у викингов, щитами. Пятерка эта растянулась в редкую шеренгу, только Борька и Стасик стояли рядом, сдвинув некрашенные щиты.

— Сейчас побегут,— пропищал Пескарь.— Не будет никакого боя.

Но противник не бежал.

— Может быть, они решили героически погибнуть? — с опаской спросил Пескарь.

— Помолчи,— обрезал предводитель. И не оглядываясь, приказал: — Пленных заприте до вечера в нашем штабе. А Джонни — сразу ко мне. Я из него сделаю тучело...

...А Сережкин отряд молча ждал врага.

— Не тяни,— прошептал наконец Стасик.— Оставь место для разбега.

— Давай,— попросила Вика.

Викинги надвигались, как рыжий танк.

— Внимание...— сказал Сережка.— Старт! Братья Дорины раздвинули щиты и убрали руки с Липиных рогов.

Липа глянула вдаль, и ее затрясло, как вентилятор со сломанной лопастью. Еще бы! Раньше она воевала только с одной отвратительно-оранжевой дверью, а сейчас такие двери двигались на нее толпой.

Липа коротко замычала. Вернее, это было не мычание, а глухой звук, похожий на стон раненого льва. Потом она тяжело встала на дыбы, оттолкнулась задними копытами и ринулась на врага, поднимая над дорогой клочковатые дымки пыли.

— Ха-ррашо идет,— сказал Сережка.

Викинги замедлили шаг. Едва ли они испугались. Скорее просто удивились. А потом, разглядев, что мчится на них не носорог, не дикий бык и не баллистическая ракета, со смехом опустили щиты и склонили копыя.

Ох, как это опасно — недооценивать врага! Что были тонкие копыя для разъяренной Липы! Остановить ее удалось бы, пожалуй, только прямым попаданием из пушки.

Раздался сухой треск фанеры и нестройный крик растерявшихся викингов. Строй дрогнул и развалился. Липа исчезла в гуще копий, шлемов и щитов. Она бесновалась в середине толпы рогатых воинов.

В армии викингов стремительно нарастала паника.

— Бешеная! — раздался крик, и это было как сигнал.

Бойцы кинулись в калитки, на заборы и в подворотни, устилая поле брани рогатыми кастрюлями и огненными прямоугольниками щитов. Правда, четыре человека сомкнули ряд и хотели встретить грудью дикого врага, но пустились в бегство, едва Липа обратила на них горящий взгляд.

Не бросил оружия только ярл. Грозный вождь викингов не мог покинуть место битвы, оставив на нем меч и щит. Копье он тоже не хотел оставлять. Закинув щит за плечи и взяв копые под мышку, Самохин крупной рысью помчался к своей калитке. Блестящий шлем слетел с него на дорогу и несколько метров, брэнча и прыгая, катился за хозяином. Потом застрял в травянистом кювете.

Если бы Толька догадался повернуть щит крашеной стороной к себе, он легко спасся бы от погони. Но фанерный квадрат прыгал у него на спине, сверкая оранжевой краской, и Липа расценила это как издевательство. Набирая скорость, она пустилась за последним викингом, настигла и атаковала с тыла. Щит рогатами она не достала и ударила несколько ниже, но Тольке от этого было не легче.

Получив еще два удара, Толька понял, что не уйдет. Он бросил снаряжение у кривого тополя и с цирковой ловкостью взлетел на толстый сук.

Липа остановилась. Ее клочкастые бока взлетали и падали от яростного дыхания. Она ударила копытом брошенный щит и с отвращением сказала:

— М-мэ!

Очевидно, она хотела сказать: «М-мэрзость!» Толька смотрел на нее с тоскливой безнадежностью.

Победители окружили тополь.

— Сидишь? — ласково спросила Вика.— Ну и как там? Удобно?

— Да ничего,— уклончиво ответил Толька. Он немного пришел в себя. Все-таки сейчас он был не один на один с бешеным зверем.

— Слезай, джаба с рогами,— потребовал Джонни.

— Фиг,— сказал Толька.

— Хуже будет,— предупредил Борька.

— За штаны стянем,— пообещал Стасик.

— Попробуй. Как врежу каблуком по носу.

Сережка молчал. Он считал, что побежденный враг не стоит разговоров. Он глядел Липу и чесал у нее за ухом. Липа хрипела и косилась на щит. Сережка повернул его краской вниз. Потом взглянул на Тольку и спросил у ребят:

— Что с ним делать?

— Дать ему джару, чтоб запомнил,— мрачно сказал Джонни.

— Десять раз по шее,— предложил Стасик.

— Точно,— откликнулся Борька.

— Нельзя,— с сожалением сказал Сережка.— Пленных лупить не полагается.

— А хоть два разика по шее можно пленному? — с надеждой спросил Стасик.

— Я еще не пленный,— подал голос Толька.— Вы меня сперва достаньте.

— Очень надо,— сказала Виктория.— Сиди. А мы здесь посидим. Спешить некуда. Кто кого пересидит?

Толька вдруг почувствовал, что сук очень твердый и не такой уж толстый. Он при каждом движении скрипел и потрескивал.

— Драться будете, если спущусь?

— Не будем,— сказал Сережка.— Нужен ты нам такой...

— Хватит с тебя козы,— усмехнулась Вика.

— Уберите ее,— хмуро сказал Толька.— И где нашли такую сатану...

Вика отвела Липу. Толька уцепился за сук, повис и прыгнул в траву.

— Забирай барахло и топай,— сказал наконец Сергей.

Толька поднял копые, меч и щит. Вика закрыла Липины глаза ладонями.

— Столько рогатых не могли с одной козой справиться,— хмыкнул Джонни.

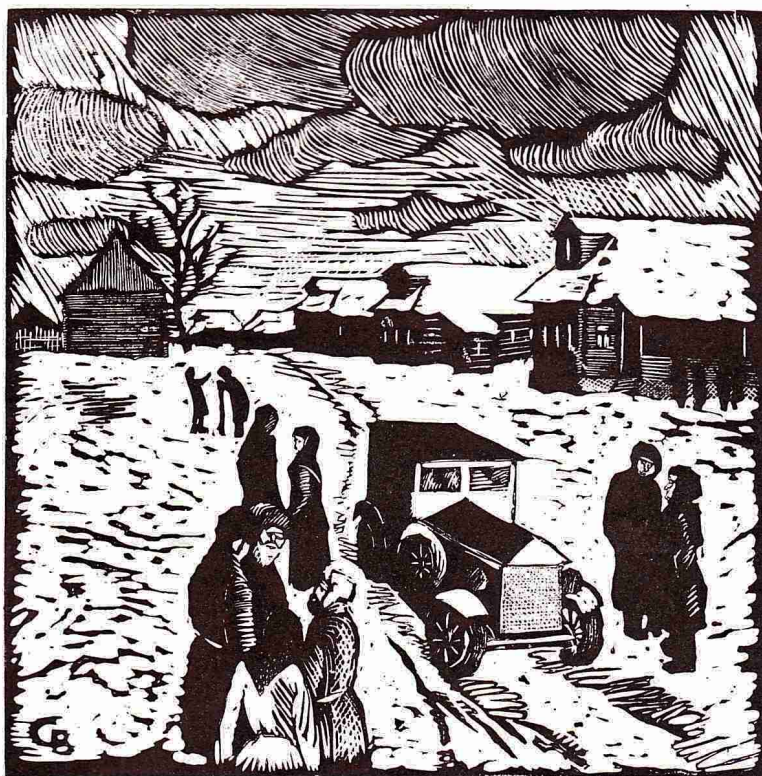
— Еще полезете — четырех боевых козлов выставим,— пообещал Сережка.

Конечно, сгоряча он прихвастнул. Четырех козлов не нашлось бы на всех окрестных улицах. Но Толька ничего не сказал. Волоча снаряжение, он уходил к своему дому.

История викингов кончилась.

Мы идем по ленинским местам

О РИСУНКАХ РЕБЯТ,
ПРИСЛАННЫХ
НА ВСЕРОССИЙСКУЮ
ВЫСТАВКУ
«ОТЕЧЕСТВО»,
мы рассказали
в первом номере
«Пионера».
Вот еще две гравюры
с этой выставки.
Юные художники
из города Электроугли
сделали их
во время похода
по ленинским местам.
На гравюре
Серрежи Давыдова
(ему 13 лет)
ты видишь
дом на улице Грибоедова
в Москве,
в котором бывал
В. И. Ленин.
Гравюра Вовы Сучкова
(Вове 14 лет)
рассказывает о приезде
В. И. Ленина
в деревню Решетниково
в 1920 году.

Боевое знамя сванов

Из музея выносятся знамя,
Наше старое сванское знамя!
И мальчишке, что в галстукe красном,
Говорят: «На, прими его, парень».

Он возьмет загорелой рукою
Знамя сванов, тряхнувши вихрами.
И как опытный, славный наездник,
Тронет радостно он вороного.

Тронет радостно он вороного,
Ветер кинется следом со свистом,
Пыль музейную, сонную сдует,
И наполнится знамя восторгом,

Солнцем, воздухом, буйною силой,
И тряхнет оно львиною гривой,
Львиной гривой, а как же иначе!
Облик льва это знамя являет.

Нынче скачки, и маленьким сваном
Этот лев лишь тому будет отдан,
Кто других в состязанье обгонит
И до Местии первым доскачет.

Будь то львиная лапа иль древко,
Победителю это не страшно,
Лишь бы ловко схватить это знамя,
Поднесенное маленьким сваном.

Тут захлопают шумно ладони
И подковы, сверкнувшие солнцем,
Вороной же, узду свою рвавший,
Будет рвать ее вдвое сильнее.

Но награду, что львом обернулась,
Смелый всадник себе не оставит.
Насладившись борьбой и победой,
Он вернет ее тут же музею.

Знамя старое, славное знамя
Будет год в том музее пылиться,
Чтоб, поднявшись на львиные лапы,
Снова встретиться с маленьким
сваном.

Перевел с грузинского
Александр ФЛЕШИН.

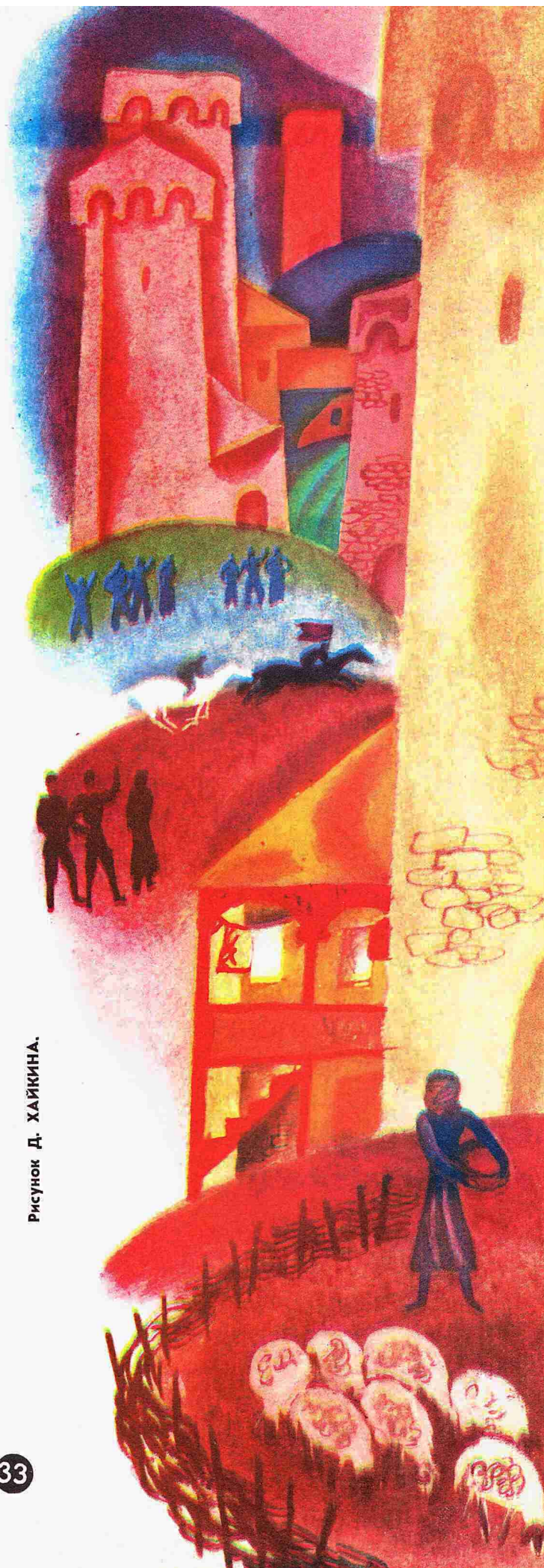

Рисунок Д. ХАЙКИНА.

Торопитесь!
Торопитесь!
Торопитесь!

Только одно
представление
всемирно известной сказки

принцесса на горошине

ПРИНЦ. Папа, я хочу жениться.

КОРОЛЬ. Ну разве можно так, сын мой? Такой важный государственный вопрос, а я без скипетра, без орденов... Подожди, а я сяду на трон, соберу государственный совет, издам манифест... Хотя, впрочем... Дело это отчасти личное, конечно... И я, как отец семейства... Она что, хорошенькая?

ПРИНЦ. Не знаю. Наверно, очень.

КОРОЛЬ. Блондинка или брюнетка?

ПРИНЦ. Не знаю.

КОРОЛЬ. Значит, она была под вуалью? Ну, хоть какого она роста?

ПРИНЦ. Да не знаю же!

КОРОЛЬ. Но хоть что-нибудь ты должен знать, если хочешь на ней жениться?

ПРИНЦ. Да нет же, папа! Я знаю, что я хочу жениться, а на ком, совершенно не знаю. Вот я и прошу тебя, чтобы ты посоветовал мне, как выбрать невесту.

КОРОЛЬ. Дитя мое! Я могу посоветовать тебе, как выбрать лошадь, но невесту ты будешь выбирать сам, тут тебе никто не поможет!

ПРИНЦ. Но я же ничего не понимаю в невестах...

КОРОЛЬ. Я сам смыс-

лил в невестах не больше, чем в китайской грамоте, когда познакомился... Впрочем, это долгий разговор, а мы еще не завтракали. Подать сюда кресла, стол и чего-нибудь закусить! Так вот, когда мы с тобой матушкой...

Появляются Турок и Звездочет. Откуда они взялись? Да очень просто: мы их вставили в сказку, чтобы было интереснее.

ЗВЕЗДОЧЕТ. О, ваше высочество...

ТУРОК. Высокоchtимый принц!..

ЗВЕЗДОЧЕТ. Для того, чтобы жениться, нужно прежде всего...

ТУРОК. Спуститься в подземелье...

ЗВЕЗДОЧЕТ. Подняться на башню...

ТУРОК. Открыть дверь за семью печатями.

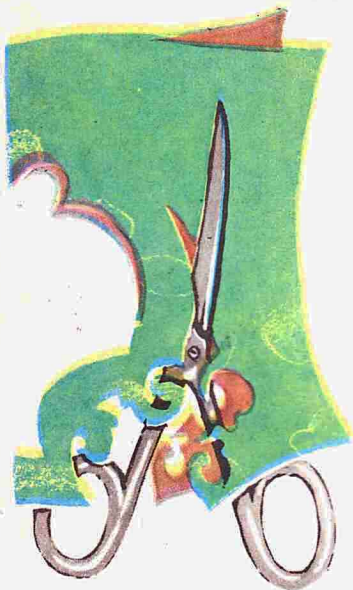
ЗВЕЗДОЧЕТ. Открыть дверь в обсерваторию...

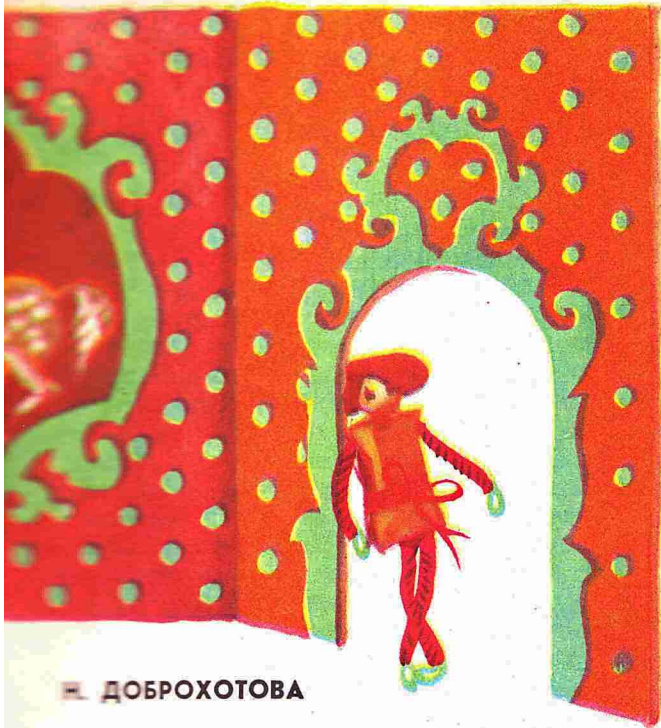
ТУРОК. Найти ларчик без замка и без ключа.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Взять астролябию...

ТУРОК. Который, однако, легко откроет каждый, кто знает волшебное слово царя Соломона...

ЗВЕЗДОЧЕТ. Подождите, почему вы все время перебиваете? При чем тут ларчики и волшебные слова? Все это сказки, в которые не верят даже дети. В таком важном деле нужно придерживаться строго научного метода. Прежде всего определите, где сейчас находится Солнце, соеди-

Н. ДОБРОХОТОВА

Рисунок автора.

ните воображаемой линией созвездие Девы с... ведь вы, ваше высочество, кажется, Козерог?

ПРИНЦ. Кто?

ЗВЕЗДОЧЕТ. Козерог, ваше высочество. Затем подождите, пока знак Весов...

ТУРОК. Не слушайте его! Женятся не по науке, а по склонности сердца. Открыв марчик, вы обнаружите в нем портрет красавицы, в которую вы безумно влюбитесь...

ПРИНЦ. А если нет? Может, она мне не понравится.

ТУРОК. Так не бывает. Понравится.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Поскольку принц родился, когда Марс чуть-чуть не дошел до знака Водолея, а Луна выходила из созвездия Рыб, то понравиться ему может только та девушка, которая родилась в тот самый день, час, минуту и секунду, когда Венера находилась на расстоянии четырех градусов от Близнецов, Сатурн был в перигее, и при этом происходило полное солнечное затмение. Помнится, столь редкое сочетание светил наблюдалось четыреста лет назад, в 3 часа, 14 минут и 6 секунд 29 февраля. Если в это время в какой-нибудь семье родилась девочка...

КОРОЛЬ. Моя пра-пра-прабабушка...

ЗВЕЗДОЧЕТ. Что вы сказали, ваше величество?

КОРОЛЬ. Я говорю, пра-пра-прабабушка моя родилась 29 февраля. Четыреста лет назад. И затмение тогда было.

ТУРОК. Я же говорил, наука до добра не доведет. Всегда лучше придерживаться традиции. Итак, вы полюбите красавицу, вам расскажут, что она дочь могущественного злого волшебника и сестра восемна-

дцати братьев-людоедов. Живет она в хрустальном замке на краю света...

ПРИНЦ. Простите, а кто мне это все расскажет?

ТУРОК. Ну... кто-нибудь. Всегда в нужный момент под рукой окажется кто-нибудь, кто все знает.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Чушь! Всего никто не знает! Никто не объедет необъятного!

ТУРОК. Замолчи, ты... Водолей!

ЗВЕЗДОЧЕТ. Сам замолчи, нечестивец! Язычник!

ТУРОК. Неверный! Мракобес! Профессор кислых щей!

КОРОЛЬ. Ну что вы, господа! Перестаньте! Как маленькие, честное слово! Вы, господин турецкий посол, рассказали очень милую сказку, а наш высокоученый друг поделился с нами интересными сведения-

К постели подвигают стол и кресло. Принцесса влезает на кресло, потом на стол, оттуда на кровать.

КОРОЛЬ и ПРИНЦ. Спокойной ночи, ваше высочество!

Выходят на середину сцены и говорят шепотом.

КОРОЛЬ. Вот и весь опыт. Ты видел, как я спрятал горошину? Теперь, если она настоящая принцесса, она почувствует эту горошину даже через двадцать пуховых подушек. Какая-нибудь судомойка будет дрыхнуть, как убитая, а настоящая принцесса глаз сомкнуть не сможет. Ей покажется, что она лежит на булыжниках. Утром она будет вздыхать и стонать. Тогда ты можешь жениться на ней с легким сердцем. Ну, а если она всего-то какая-нибудь жеманная герцогиня, мы ее сразу в шею...

ПРИНЦ. Не надо в шею...

КОРОЛЬ. Ну что ты, я фигурально. Итак, утром мы все узнаем. Иди-ка и ты спать. Свет погаси, не забудь. *(Уходит.)*

ПРИНЦ. Бедная девочка! Промокла, замерзла, устала, а теперь ей предстоит лежать на булыжниках, не спать всю ночь. Глаза у нее покраснеют... А они у нее такие красивые!

Гаснет свет. Занавес опускается. Принц выходит и становится перед занавесом, к нему подходят с разных сторон Звездочет и Турок.

ЗВЕЗДОЧЕТ. Ваше высочество! Я рассчитал, исходя из вашего гороскопа, когда наступит самый благоприятный день для вашей свадьбы. Не вдаваясь в детали расчетов (без высшей математики их не понять), скажу, что нужное сочетание светил будет ровно через 26 лет, 8 месяцев, 12 дней, 9 часов, 43 минуты и 1 секунду!

ТУРОК. Это все научно-фантастический бред! Принц может жениться, как только ему пригонят скотину для выкупа, а это произойдет не позже, чем через три месяца.

ПРИНЦ. Спасибо, но я женюсь завтра.

Тут следует сказать важным голосом «Ночь прошла», зажечь настольную лампу и поднять занавес. На сцене та же комната. Принцесса просыпается, встает на стол, на кресло и на пол. Входят Король и Принц.

КОРОЛЬ. Доброе утро! Как вам спалось, ваше высочество?

ПРИНЦЕССА. Спасибо, чудесно! Было так мягко, тепло!

КОРОЛЬ. Хм, да? Поздравляю. Я очень рад, ваше высоко... Очень приятно слышать, что вам хорошо спалось, моя милая. Чрезвычайно приятно... я, конечно...

ПРИНЦ. Папа, ты не думай. Она, правда, настоящая... Горошину-то я еще вечером вынул. Вот она...

Прошу вас... нет, не сюда. Это вход в зрительный зал, а мы с вами пройдем вот по этому коридорчику — за кулисы. Здесь вам будет очень хорошо все видно: вы можете и пьесу посмотреть, и разглядеть, так сказать, изнанку театральной жизни, как это все получается. Видите ли, нам прислали очень много писем ребят, которые смотрели первое представление «Театра на столе», и почти все они просят объяснить подробнее, как делать декорации и актеров. Вот мы и пригласили вас посмотреть спектакль из-за кулис. Занавес еще закрыт, а вам хорошо видна вся сцена. Декорация изображает комнату во дворце. Это ширма — три картонных стенки, оклеенные ситцем, с прорезанными входами. Нашу декорацию легко сложить и убрать, например, на книжную полку, между учебников.

Можно вместо ширмы сделать комнату-коробочку.

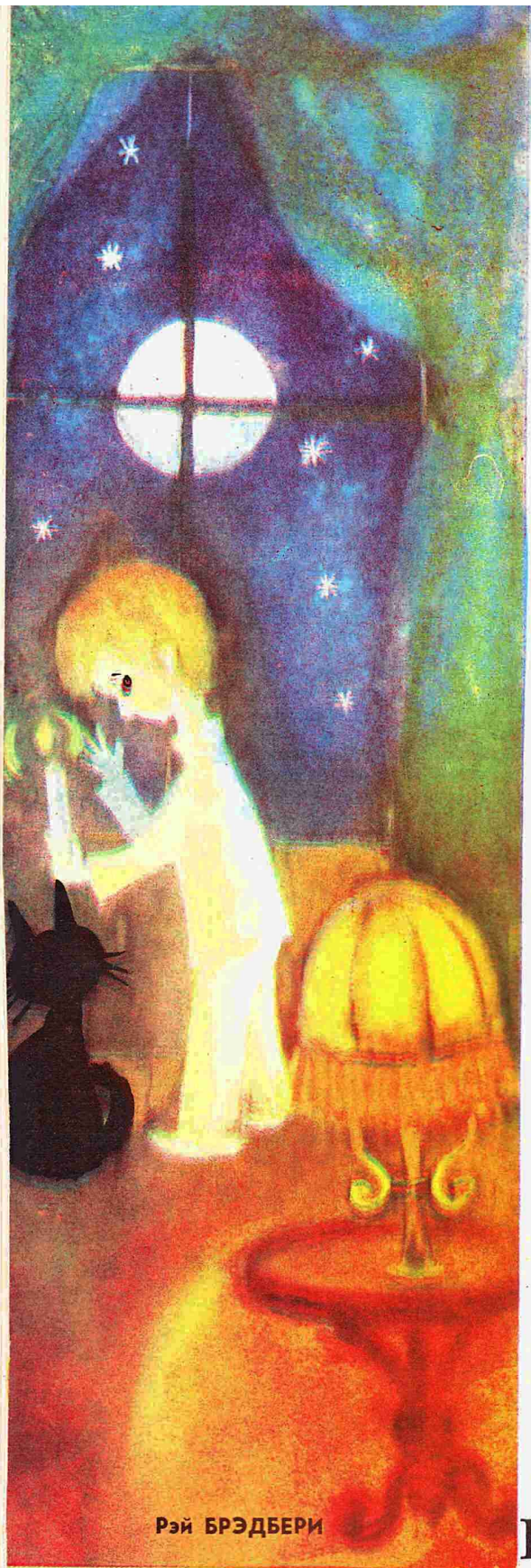
Недавно Катя сделала для одной пьесы очень красивый задник-пейзаж: наклеила на голубую бумагу засушенные растения. А еще мы собираем и храним картинки из старых журналов, там есть много полезных вещей — то подводный пейзаж, то тропический лес, то какой-нибудь забавный городок. А если нужно во дворец фреску или картину, мы тоже ищем что-нибудь подходящее и приклеиваем.

Но, смотрите-ка, пока мы изучали декорации, спектакль уже начался! На сцене один артист, и сразу видно, что он изображает короля. Симпатичный такой, пожилой, добродушный король, и кто бы мог подумать, что еще вчера он был отрезком мягкой проволоки длиной в 80 сантиметров. Приложенный чертеж объяснит вам это волшебное превращение, а заодно и изготовление нового платья короля, которое этот скромный властелин будет носить всю жизнь, не снимая. Он в нем будет и пировать, и на охоту ездить, и спать. Переодевать своих актеров мы не умеем. Вот, кстати, некоторые ребята спрашивают, не делаем ли мы для одного персонажа двух-трех кукол в разных костюмах, как в настоящем кукольном театре. Там ведь, если герой должен переодеваться, делают куклы с одинаковым лицом, но в разных костюмах. Нет, мы так не делаем. Довольно странно, согласитесь, если две куколки будут одна и та же принцесса. Раздвоение личности какое-то!

Слуги у нас готовые, из другой пьесы, а мебель специально для этого спектакля, видите, она в стиле этой комнаты. Стол — две спичечные коробки, одна на другой, но он покрыт скатертью, и никаких коробок, конечно, не видно. Посуда на столе из фольги — как будто серебряная.

Как видите, чтоб поставить нашу пьесу, надо иметь под руками несколько лоскутков, пустые коробочки, обрезки цветной бумаги и проволоки и много фантазии. И, конечно, в спектакле могут принять участие не только провололочные или картонные актеры. Разве вы сами не можете сыграть «Принцессу на горошине»? И вообще не торопитесь забывать старые сказки: почти все они готовые пьесы.

Рэй БРЭДБЕРИ

КАК ВКЛЮЧАЛИ НОЧЬ

Жил однажды маленький мальчик, который не любил Ночь.

Он любил

*фонари и фонарики,
камин и костры,
люстры и лампы,
торшеры и бра.*

А вот Ночь он совсем не любил.

Везде он бывал:

*в столовой и в спальне,
в кладовой и в зале,
и в погребе был,
и на чердаке.*

Но на улице, НОЧЬЮ, он никогда не бывал.

И еще он не любил выключатели, потому что выключатели выключали

*желтые лампы,
зеленые лампы
и белые лампы тоже.*

Они выключали огни во всем доме:

*огни во всех комнатах,
огни на крыльце.*

Он даже притрагиваться не хотел к выключателям.

И еще он не хотел играть на улице, когда становилось темно.

Ему было очень грустно.

И очень невесело.

Потому что из своего окна он видел, как другие дети играли вечером на полянке, как они бегали там в темноте при свете фонарей.

Им было очень весело!

А где же был в это время наш маленький мальчик?

В своей комнате.

Окруженный

*фонарями и фонариками,
лампами и лампочками,
свечами и канделябрами,
совсем один.*

Он любил только Солнце, желтое Солнце.

А Ночь он совсем не любил.

И когда наступало время и папа с мамой гасили все огни,

*один за другим,
один за другим,—
огни на кухне,
огни в кладовой,
огни в гостиной
и на крыльце,—*

тогда наш мальчик прятался в своей кровати.

И до самой поздней ночи в целом городе только в его окошке горел свет.

И вот однажды, когда его папа уехал по делам, а мама рано легла спать, мальчик бродил один (совсем один!) по всему дому и везде зажигал свет.

*Ух, как ярко горели все огни!
В прихожей горели*

и на крыльце,
в кладовой горели,
горели на кухне,
в зале горели
и даже на чердаке!

Яркий огонь и огонь тускловатый!
Белый огонь и огонь красноватый!
Весь дом как будто горел в огне.

И все же ему было очень грустно.

А другие дети в это время играли на
темной лужайке.

И смеялись
там, на темной лужайке.
И вдруг он услышал
тихий стук в окно!

Что-то темное притаилось за окном.
Стук погромче в парадную

дверь.
Что-то темное притаилось за
дверью!

Снова стук — на заднем
крыльце.

Что-то темное было на крыльце!

И кто-то сказал: «Здравствуй!» И тут
он увидел маленькую девочку. Она стоя-
ла среди огней —

слабых и ярких,
холодных и жарких,
белых огней и огней

красноватых.

И она сказала: «Меня зовут Темнота».
У нее были темные волосы и темные гла-

за. На ней было черное платье и черные
туфельки. Но лицо у нее было белое-бе-
лое, как луна, а в глазах у нее горели
светлые огоньки, как звезды!

«Ты совсем один», — сказала девочка
Темнота.

«Мне хочется бегать с детьми на ули-
це, — сказал мальчик, — только я очень не
люблю Ночь».

«Я познакомлю тебя с Ночью, — сказала
Темнота, — и вы подружитесь». Она вы-
ключила свет у входа. «Вот видишь, — ска-
зала она, — мы вовсе не выключаем свет.
Совсем нет! Просто мы включаем Ночь.
Ведь Ночь можно включать и выключать,
совсем как свет. Одним и тем же выключе-
телем!»

«Я не знал об этом», — сказал тогда
мальчик.

«А когда включают Ночь, знаешь что
включается? СВЕРЧКИ!»

И ЛЯГУШКИ включаются! Включаются
ЗВЕЗДЫ —

звезды ласковые, голубые,
звезды яркие, большие.

Ведь небо — словно дом с огнями,
с огнями в гостиной,
огнями в столовой,
огнями в кладовой и на

крыльце,

с огнями в камине,
огнями в окошках,

огнями в подвалах и на чердаке.
Есть там огоньки
холодные и жаркие,
слабые и яркие,
желтые, красноватые,
зеленовато-голубоватые.

Разве услышишь сверчка, когда горит свет?

Нет.

Разве услышишь лягушек
в пруду, если горит свет?

Нет.

Разве увидишь звезды, если горит свет?

Нет.

Разве увидишь луну, если горит свет?

Нет!

А ты и не знал ничего! Разве мог ты
раньше подумать о том, чтобы
включить сверчков,
включить лягушек,
включить звезды,
включить

большую-пребольшую луну?»

«Нет»,— сказал мальчик.

«Так давай ее включим»,— сказала Темнота.

И они пошли по лестницам
и включили всюду Ночь,
и включили всюду Тьму,
и впустили Ночь в каждую
комнату.

И лягушек включили,
и сверчков включили,
и звезды включили.

И включили Луну, большую и белую,
как мороженое.

«Ого, мне это нравится!— сказал маленький мальчик.— А можно я всегда буду включать Ночь?»

«Ну, конечно, можно»,— сказала девочка Темнота.

И исчезла.

А наш маленький мальчик теперь счастлив. Он полюбил Ночь. У него в комнате теперь не выключатель света, а выключатель Ночи. И теперь он совсем не боится выключателей. Ему не нужны уже

*свечи и подсвечники,
фонари и лампочки.*

И если вам захочется повидать его летним вечером, вы увидите,

*как он включает белую луну,
как он включает красные*

*звезды,
как он включает синие звезды,
звезды зеленые, белые,*

*желтые,—
всякие звезды,—*

*как он включает лягушек,
сверчков и Ночь.*

И как он бегает в темноте по полянкам и лужайкам и веселится вместе с другими детьми.

И смеется!

Приветствую тебя, козел на веревке!

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

Рисунки И. ГАЛАНИНА
и С. ОСТРОВА

Козла берут в актеры

Тебя привязали, чтобы ты не залез в огород, и ты стоишь на лужайке и щиплешь траву. В детстве мы знали, какую траву ты любишь: короткую, с мелкими листочками, в ней водились маленькие крепкие жуки, похожие на сине-зеленые зерна. Впрочем, тебе до жуков не было дела. Ты так всегда озабочен найти и сжевать какое-нибудь растение, что о тебе пошла дурная слава.

Говорят: «Пусти козла в огород», «Грецию съели козы» и многое другое. Обрати внимание, в поговорках указаны только твои недостатки, никогда не говорится о твоих безмерных достоинствах. Как жаль!

Мне хочется восстановить справедливость и воздать тебе по заслугам.

Я не буду говорить о том, что не было в Европе и на Ближнем Востоке животного более покладистого и удобного. Молоком коз питались бедные семьи и целые народы. Козье мясо варилось над каменными очагами, и козья шерсть шла на платки женщинам, носки детям, плащи мудрецам и юбки старухам. Пастухи набрасывали на плечи козлиные шкуры, и долгое время козьи шкуры заменяли перины и одеяла, а в желудке козла находили камни, из которых, говорят, делали лекарство.

Еще считали, что козы быстро плодятся, а козлята очень скоро растут. В хозяйстве это было, конечно, полезно, но быстрота, с которой множились козы стада, вызывала подозрения, не связан ли козел с таинственным и грозным подземным миром. Поговаривали, что у козла

завелись какие-то подозрительные тайны и что козел совсем не так прост.

А некоторые уверяли еще, что, если взгляды в его морду, можно вдруг увидеть черты человеческого лица, лица лукавого и печального, с загадочной усмешкой. И вроде бы на него надета звериная маска с бородкой и рогами.

Вот как!

И говорят, потому-то люди стали во время праздников надевать на себя козлиные маски.

А где маска — там быть театру. И театр был. Есть множество разных преданий, а также научных теорий о том, где и когда зародился театр. Одни считают родиной первого театра Египет, другие — Индию, третьи — Вавилон. Пять тысяч лет назад в Вавилоне справляли праздник зимнего солнцестояния. В этот день по водам Евфрата в столицу приплывал огромный нарядный корабль, на корабле должен был прибыть бог Эа, великий Эа, творец всего, что есть на земле, и на небе, и под водой, творец всех прочих богов и покровитель искусств.

И знаете, кто считался священным животным такого замечательного и всеильного бога? Козел, конечно. Никто не знал точно, как выглядит Эа, но думали, что он как две капли воды похож на козла. Потому изображение козла везли на корабле, но то был не простой козел, а с хвостом рыбы. А на палубе корабля борцы и актеры изображали сцены из жизни и деятельности Эа и после приносили ему жертву, зарезав живого козла.

Полагают, что корабль Эа мог быть первым театром, жрецы Эа — первыми актерами, а священный козел Эа — жертвой, которую приносили, разыгрывая это представление.

С тех пор прошло много лет, много гроз разразилось над Вавилоном, слава его стала мерк-

нуть, и его боги теряли свою силу. А к западу от Вавилона лежала древняя Иудея, где был свой праздник...

Вам, может, приходилось слышать, когда хотят сказать, что один расплачивается за всех, его называют «козлом отпущения»? Вот этот самый козел отпущения и играл ведущую роль в день осеннего праздника Йом-кипур. Когда созревал виноград, в городе Иерусалиме отбирали двух козлов, которых ни за что нельзя было отличить друг от друга. Их шерсть расчесывали гребнем, их рога повязывали альми лентами. И один из них шел в жертву богу, а другой предназначался злобному демону пустыни Азазелу. На этого козла возлагали большие надежды: он должен был отнести демону все грехи людские, и с ним-то и разыгрывали длинный спектакль с печальным концом.

Главный священник с силой давил ладонями на его рога и говорил: пусть на его голову лягут все грехи. Тут к козлу подходил провожатый, и вел его в дальний путь, а по дороге далеко друг от друга стояли шалаши. Их строили для самых знатных семей, и они переезжали сюда в день праздника, ибо полагалось оказать почести козлу у порога своего дома. Эти шалаши были вроде бы декорациями, в которых разыгрывалась одна и та же сцена: хозяева выходили навстречу козлу и говорили: «Вот еда и вот питье». А ведущий увлекал его дальше, ибо козел не должен был есть эту еду и пить это питье, как в театре актер не может есть бумажное яблоко. Он уводил его в горы, все выше и выше и сталкивал козла в пропасть, и часовые, стоящие по склону от вершины до самого дна, кричали друг другу снизу вверх: «Козел достиг пустыни!». И когда весть доходила до города, начинался праздник. Все веселились, и девушки в белых платьях пели и плясали в виноградниках. Потому что все думали: Азазел, грозный демон пустыни, принял жертву, и теперь он будет довольствоваться козлятиной вместо того, чтобы охотиться за грешниками. Потому что исполнен ритуал, потому что сыгран спектакль. Всем было весело, и никому не было жаль козла. А между тем роль его была поистине трагична.

Кто должен погибнуть?

Теперь двинемся еще дальше на Запад, пересечем море и остановимся у холмистого зеленого берега. Это Греция. К берегу сбегаются люди и толпятся вокруг корабля, который только что приплыл из Фракии. Темные рабы опускают с борта на землю широкие доски, и на берег сходят диковинные животные, которых никогда еще не видели греки. Они ростом с большую собаку, у них длинная волнистая

шерсть, узкие, странные бородатые морды, и между ушами торчат длинные волнистые рога. Молча обступали греки пришельцев, удивлялись, качали головами. Кто-то дернул зверя за бороду, на него закричали, замахали руками, и он отступил в испуге, ибо гость из Фракии считался у себя на родине особенным и связывали его с богами куда больше, чем с обычными животными.

Скоро общительные и любопытные греки уже знали, как надо доить коз, стричь шерсть и какие знаки внимания им оказывать, поскольку они священны. Козы тоже были общительны и любопытны и быстро освоились с новыми хозяевами. В Греции стали говорить и даже божиться, что в рощах завелись существа, которые до пояса напоминают человека, а ниже пояса — козла с мохнатыми ногами и копытами. Их называли сатирами и уверяли, что сатиры отлично играют на свирели и что они гораздо ближе к богам, чем люди, и вообще они, если уж на то пошло, скорее полубоги-полукозлы.

Недолго думая, греки приписали заморского гостя — козла к одному богу, тоже новому и тоже завезенному из Фракии. В дикой Фракии в его честь справляли страшные и жестокие кровопролитные праздники. Но греки восприняли его более добродушно, и, поселившись на новой земле, он стал совсем другим, этот бог.

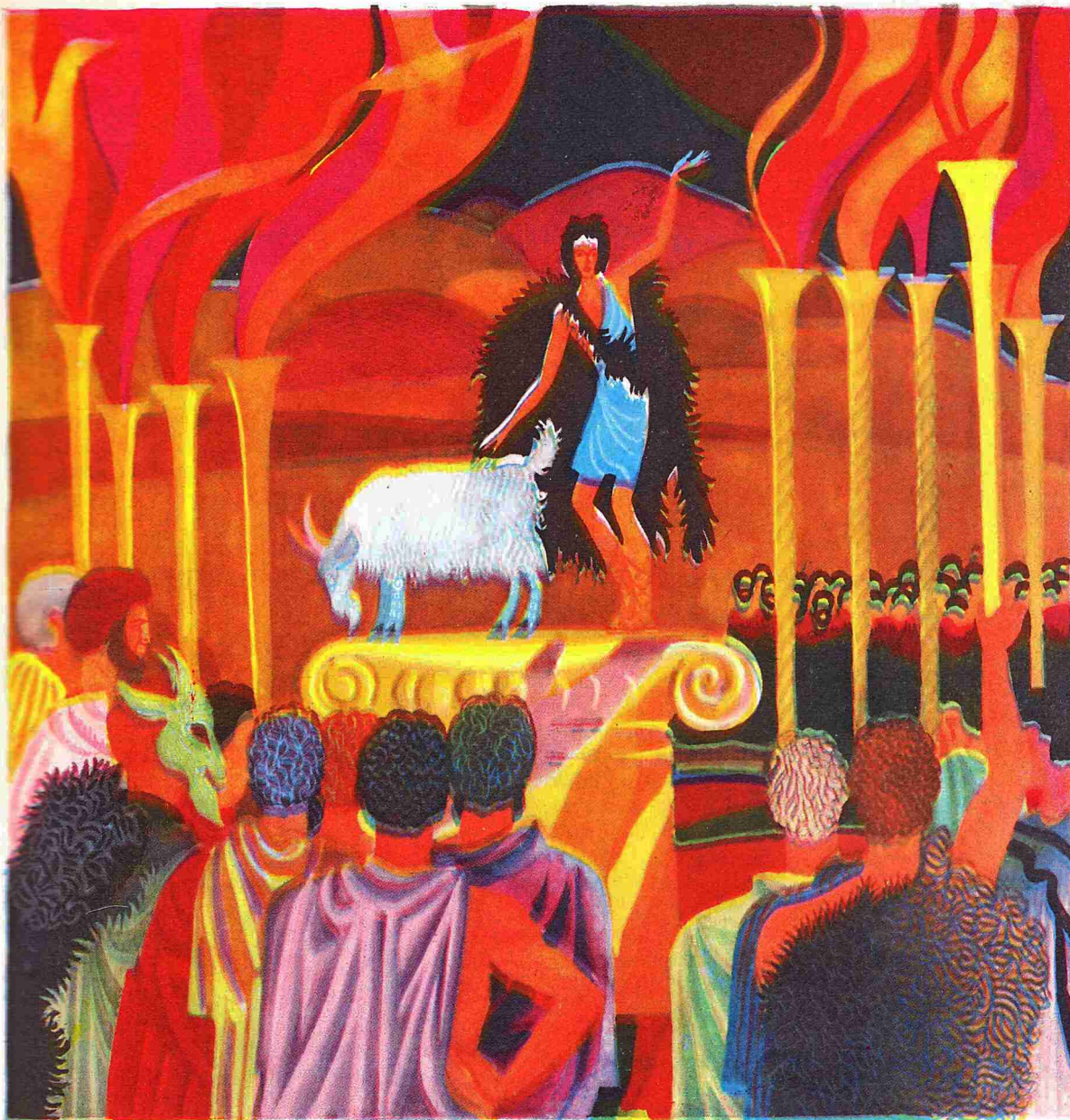
Звали его Дионис, и греки составили ему греческую биографию: он получался сыном бога Зевса-громовержца и дочери коринфского царя Семеллы. Семелла означает туча. Потому сын ее стал божеством влаги, орошающей землю и сулящей урожай. Одни называли его Дионис, а другие — Вакх. Жизнь ему выпала трудная и трагичная. Его отдали на воспитание куда-то в Азию, к нимфам — лесным русалкам, но кровожадные титаны напали на ребенка и разорвали его на куски, а кровь его красным дождем пролилась на землю. Всякий на месте Диониса погиб бы, но Дионис был сыном бессмертного бога, потому он воскрес.

В сущности, с ним произошла та же история, что и с обыкновенным зерном: зерно «убили», оторвали от колоса и похоронили в земле. Но весной оно проросло, и все началось сначала: зеленые нивы, осенние жатвы и урожай. Потому в честь Диониса вязали длинные и тонкие снопы из спелых колосьев.

Считали, что Дионис и его козел часть жизни проводят под землей, в царстве теней.

Но Дионис был не только «богом плодородия», не только «владыкой душ умерших». Он был еще и богом безудержного веселья, и считалось, что он подарил людям вино.

Было это так. В хижину крестьянина по имени Икарий пришел однажды смуглый юноша. Лицо его было темно от загара, и черные кудри тучей стояли вокруг маленькой головы, и на худые плечи его была накинута черная козья шкура. А рядом с ним брел козел. Икарий принял гостя как умел, а гость научил крестьянина делать из винограда вино. Ничем хорошим для Икария эта наука, естественно,

не кончилась; он напоил друзей вином допьяна, а в деревне подумали, что они сошли с ума от напитка, и убили Икария. Это была горестная и длинная история, но нас сейчас интересует не Икарий, а его учитель. Это и был Дионис.

Много было богов в Греции, но такого, как Дионис, не было. Он был со странностями, но прост в обращении, скорее жесток, но и достаточно великодушен, на лице его лежала тень печали, но он учил людей веселиться. Во всяком случае, он не спускался с неба, но приходил весной и поздней осенью, неизвестно откуда. Он вдруг появлялся из-за поворота пыльной дороги, и козел брел за ним по пятам, как

собака. Он приходил просто, как человек, а не как бессмертные боги. И люди ждали его прихода осенью и знали, что он умрет к зиме, и вновь возродится весной, с первыми ростками будущих колосьев. Слово Дионис (так же, как и слово козел) стали понимать как «плодородие». В честь него справляли праздники — дionисии — весной, осенью и в январе.

Его ждали. А раз он не приходил, его нужно было заменить каким-либо человеком, и тогда уже этот человек в козьей шкуре и с козлом на веревке в сумерках появлялся из-за поворота дороги. Люди кричали и бежали ему навстречу, за ним увязывался целый хвост его почитателей, это были мужчины и женщины, и

они в его честь наряжались в козьи шкуры, а на лицо надевали козлиные маски.

Зажигались факелы, громадные, как телеграфные столбы. Причудливые тени черными пятнами ложились на неистовую толпу, и красные отблески гуляли по возбужденным лицам.

Расчищали место для пляски и ставили высокий алтарь, а перед ним — стол. Спутники Диониса собирались в хор. Из хора выступал человек (его называли корифеем). Он рассказывал о похождениях и страданиях Диониса и славил его подвиги. Это называлось дифирамбом. А хор отвечал ему пением, вздохами, рыданиями и пляской и изображал то, о чем он рассказывал.

— Дионис, рожденный тучей при ударах грома и сверкании молний! Дионис, растерзанный и воскресший! Дионис, подобно зерну, вернувшийся к нам из царства мертвых! Дионис, подаривший растению жизнь, а людям вино! Дионис, владыка душ умерших, Дионис, источник жизни, вновь отправляется в царство теней...

И тогда смуглый юноша поднимался на стол перед алтарем. И его убивали. Убивали, потому что думали: если не принести его в жертву, остановится круговорот жизни. Думали, что приводят в исполнение приговор богов. И самой природы. Думали, что он все равно воскреснет и вернется к ним опять.

Слава Дионису!

Стол перед алтарем был первой сценой, и первая сцена была полита кровью.

Позже научились хитрить. Вместо Диониса убивали его козла: нравы стали мягче. Но еще это означало, что появились люди, исполняющие роль Диониса столь хорошо, что их следовало приберечь на другой год. А козел? Ну, зачем же беречь козла на другой год! Он послушно шел под нож, не чуя беды.

И хотя козлоприношения сыграли такую большую роль в возникновении театра, театра, который составляет такую большую и важную часть нашей жизни, мне все равно безмерно жаль козла.

Впрочем, еще говорят, что позже дело происходило не на столе и даже не на алтаре, но что разъезжала в дни праздников телега, украшенная лентами и цветами, и на телеге было представлено все действие.

Такое действие называлось трагедией, потому что «трагос» по-гречески — «козел», а «оде» — песня. Трагедия — это когда кто-нибудь обязательно должен погибнуть. Человек, герой трагедии, совершал подвиг, но обречен был на страдания и гибель. Поначалу песни, сопровождавшие Диониса, называли козлогласием. Сохранилось предание, что первый человек, который организовал такую повозку, подобрал хороший хор и сочинил стихи, был поэт по имени Феспис. Его называют отцом театра. Телегу свою Феспис украшал лентами и цветами, и она, наверное, была похожа на ярмарочные балаганы, которые до сих пор помнят старые люди, видевшие их в детстве. То была «трагическая повозка греков».

Греки так полюбили праздник в честь Диониса, что выстроили каменное круглое здание без крыши, куда могло собраться множество зрителей. Актеры, которых называли «ремесленниками Диониса», уже одевались в великолепные одежды и кутались в роскошные пурпурные, синие и лиловые плащи, шитые золотом.

Теперь театр стал уже столь богат и важен, что вряд ли хотел знаться со своим родоначальником — добродушным козлом, который преданно брел по пятам своего хозяина Диониса по пыльным дорогам.

Неумирающий Дионис

А в деревнях еще долго справлялись буйные и веселые самодеятельные представления. Здесь на телегах разъезжали ряженые, «передразнивали» трагедию и отпускали всяческие шутки, надевали потешные козьи маски и вообще веселились как могли.

Говорят, такие праздники стали называть «комедиями» потому, что «комэ» по-гречески — «деревня». Но еще говорят, что слово «комедия» могло произойти от «каррус навалис», что означает «шестивия с телегой или кораблем».

...Корабль? Значит, опять возникает корабль, как в Вавилоне, когда приплывал бог Эа в козлином облике?

Странное совпадение. Но странные совпадения на этом не кончаются. Прошло пять тысяч лет со времени вавилонского праздника и бо-

лее двух тысяч лет со времени возникновения греческого театра.

И вот не на берегах Евфрата и не на побережье Эгейского моря, а в Пензенской губернии в конце прошлого века было обнаружено, что на зимние праздники — рождество, Новый год, крещение — народ снаряжал большую лодку. Лодку ставили на сани, в сани впрягали несколько пар лошадей, и они тащили «санную лодку» по обледенелой дороге. В лодке приплясывали, кривляясь и гримасничая, шуты, разыгрывали целые сцены. Нет, вы вряд ли сумеете догадаться, как называли в России, в народе этих шутов: их называли халдеями. А как известно, халдеями называли жителей Вавилона.

Такой праздник был еще и в Симбирской губернии, а также в городе Тихвине.

Но как и почему получилось, что отблески вавилонских праздников и сельских дионисий дошли до наших времен, перекочевав в иные страны?

И почему коза или козел — обязательные участники зимних игр и веселых представлений, которые до сих пор можно встретить под Новый год в русских селах, на Украине, в Молдавии, а также в Швейцарии и некоторых других местах?

На эти вопросы ответить очень трудно. Ученые, исследователи истории театра, ответят вам по-разному, а некоторые скажут, что ответ потерян в глубине веков и нам его не найти.

Конечно, сегодняшний театр так далеко ушел от своих предков, что ничего общего найти между ними уже нельзя. Никакого козла, разумеется, уже в театре не встретишь, разве что самые маленькие еще ходят смотреть «Волка и семерых козлят», но это уже совсем другая сказка.

Театр, в который мы приходим сегодня, живет в нарядных зданиях, обычно они самые лучшие в городе. Хлопают парадные двери, впуская зрителей, гаснут люстры, и раздвигается бархатный занавес... Но тот театр, который вырос из древних праздников, из того времени, когда весь народ ждал, не появится ли из-за поворота дороги юноша с козлом на веревке, или нарядная телега, на которой стоит актер в козлиной маске, или корабль, торжественно плывущий по широкой реке, — этот театр совсем особого свойства.

Он продвигается сквозь века и тысячелетия, по материкам и странам, по морям и сушам. Он исчезает надолго и возникает внезапно, вдруг, в самых неожиданных местах.

Странная жизнь зарождается в глубине этого необычного ковчега. Встречаясь с ним, люди попадают во власть его чудесной силы и становятся другими. И никто из могучих — ни Эа, ни Азazel, ни Дионис — никогда не имел такой власти над людьми, как этот бродячий ковчег с козлом на борту.

Вот почему, раз уж речь зашла о происхождении театра, о том самом глубоком корне, от которого он пошел и вырос, мне захотелось

воздать должное рогатому трагосу, старому нашему другу козлу.

Мы с вами еще вернемся к тем приключениям, которые пережил театр в разные времена. Но, кончая сегодня первый рассказ об этом театре, я хочу обратиться ко всем вам с большой просьбой.

Может быть, где-нибудь в селах или городах сохранились еще народные праздники с масками, играми, костюмами и, может быть, кому-нибудь из вас даже посчастливилось быть зрителем этого веселого народного представления, только вы и не думали, конечно, что зрелище — это тоже театр, очень древний театр. Если вы встретитесь с ним, пожалуйста, напишите нам об этом.

Т. БЕЛОЗЕРОВ

С покоса

Еду,
Еду я с покоса,
Ночь осенняя темна.
В сене возятся колеса,
Нюют руки и спина.
Еду, лежа на возу,
Лошадь
 фыркает
 внизу.
Вот и щами потянуло
Из протопленной печи,
Осветили переулочек
Прясел
Белые
Лучи.

На гаче

Приехал я на дачу,
Живу среди берез.
Хочу — сижу рыбаку,
Хочу — ловлю стрекоз.
На солнечной опушке,
В ладонях гамака,
Сочувствую кукушке,
Смотрю на облака.
Другим — учить уроки,
А я в березняке
Личинкой лежебоки
Качаюсь
В гамаке!

Другу читателю

Если я
Писать стихи
Для тебя устану,
То подамся в пастухи
В Русскую Поляну.
Выйду поутру
с рожком
Заломлю папаху,
Опояшу ремешком
Белую рубаху.
Уроно
на лебеду
Кнутика шелковье,
Заиграю на ходу
Что-нибудь
коровье...
И пробудится народ
И начнет дивиться,
И телята у ворот
Навострят
Копытца.

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

ЧТО У НЕЕ В СЕРЕДКЕ

Е. РЯБОВА

Средневековые судьи в черных бархатных мантиях... Короли, герцоги и принцессы в горностаевых мантиях... Если у тебя спросить, что значит мантия, ты, наверное, скажешь, что это такая одежда, вроде как плащ-накидка, и надевают ее поверх всего остального. Правильно, у людей так.

А вот у Земли, наоборот, мантия не снаружи, а внутри, в глубине, под земной корой. Так почему же ученые назвали ее мантией? А потому, что мысленно они смотрели в глубь, в самую сердцевину планеты, где, укутанное мантией, скрыто земное ядро. Значит, Земля вроде сливы или абрикоса? Внутри косточка, потом мякоть, потом кора-кожура? Да, если уменьшить Землю до размеров сливы, было бы очень похоже: и косточка-ядро, и мантия-мякоть, и даже земная кора, у

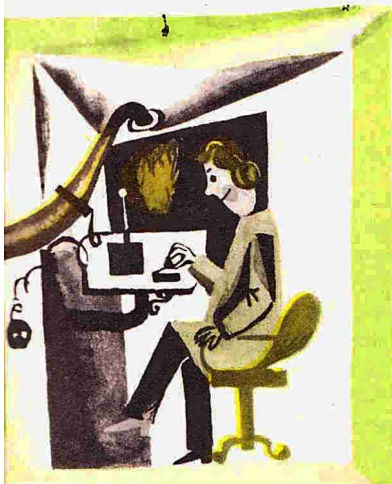

которой на материках толщина от 20 до 70 километров,— даже она вроде сливовой кожурки, если сравнить эту каменную кожурку Земли с размерами самой планеты. На этом сравнение и кончается. Земной шар не разламается на половинки, как сливу, чтобы заглянуть внутрь. Человеку оказалось легче заглянуть на обратную сторону Луны, измерить температуру под облачным покрывалом Венеры, рассмотреть даже самые далекие звезды. А Земля под ногами — загадочная дама в мантии. И ее мантия — главная загадка. Однако...

В русских сказках среди дру-

Рисунок А. РЮМИНА и А. БОРИСОВА.

1. Атмосфера, воздушная оболочка Земли.
2. Стратосфера.
3. Тропосфера (основная часть земной атмосферы).
4. Гидросфера, водная оболочка Земли.
5. Гранитный слой земной коры.
6. Базальтовый слой земной коры.
7. Поверхность Мохоровичича.
8. Внутренняя оболочка Земли, мантия.
9. Ядро Земли.

4. «Пионер» № 4.

гих волшебных персонажей есть зоркий Верлиока, умеющий видеть даже то, что скрыто под землей. Он помогает доброму Иванушке разгадать тайны Кащея. Чтобы проникнуть в тайны планеты, ученые Земли тоже нашли в помощь себе Верлиоку. Этим Верлиокой для них стал сейсмограф — чуткий прибор, улавливающий волны от землетрясений — сейсмические волны. Он рассказывает, как меняются их скорость и направление, проходя через вещество планеты. Эти перемены помогают увидеть невидимое. Они словно делают Землю прозрачной для ученых. Так, «увидели», что у земной коры не всюду одинаковая толщина, что у огромных горных громад Гималаев, Памира, Кавказа в мантию погружены гигантские выступы, словно корни. Узнали также, что на дне океанов самая тонкая кора — всего 5—6 километров. Нащупали границу между корой и мантией — «раздел Мохоровичича», названный так по имени югославского ученого, который впервые обнаружил его. Нащупали «раздел Конрада» между гранитным и базальтовым слоем земной коры. Обнаружили границу земного ядра. Узнали, что мантия неоднородна и что даже верхний восьмисоткилометровый ее слой, называемый «верхней мантией», очень сложен по строению и другим свойствам. Конечно, не только Верлиока-сейсмограф, но и другие приборы, а главное, математические расчеты помогали ученым.

Выяснилось, что вещество мантии находится в удивительном состоянии. Разогретое до температуры 4000°, оно должно было бы быть жидким, сжатое давлением в миллионы атмосфер, оно должно было бы быть сверхтвердым, но оно и не жидкое и не твердое. Такого в природных условиях на поверхности Земли и даже в лабораториях не существует. Оно упругое, как сталь (вспомните, как прыгает ударный об пол шарик от подшипника!), и оно вязкое, текучее, как гудрон или воск. Случалось вам видеть, как растекается кусок гудрона, если долго лежит на месте?

В твердом, текучем веществе верхней мантии оказался на некоторой глубине слой с повышенной температурой — астеносфера. В этом слое легкоплавкие вещества, входящие в мантию, расплавляются, размягчаются, превращаются в магму и постепенно поднимаются все выше и выше, пока не достигнут подошвы земной коры.

Этот сложный процесс не простое всплывание, это зонная плавка. За счет этого кора все время растет, утолщается снизу. Иногда наростшие тяжелые глыбы отрываются от нее и медленно тонут в упругой, как сталь, и вязкой, как смола, мантии. Это базальты.

Иногда расплавленная магма по трещинам поднимается в кору и, застывая под давлением, рождает минералы. Из нее же состоят корни вулканов, возникают очаги вулканизма.

И все-таки из чего же она, верхняя мантия?

Геологи называют в ответ каменную породу: перидотит. И тут же добавляют: мы почти уверены, что это так. Почти? А чтобы знать наверняка, не почти? Для этого нужно добыть образчик верхней мантии. Для этого надо добраться до нее, просверлив насквозь земную кору. Легко сказать! Самая глубокая буровая скважина чуть больше семи километров. А кора на материках — самое меньшее двадцать километров. Правда, под океанами она всего в пять-шесть километров толщиной, но зато над ней зыбкая, непокорная толща воды.

Добраться до мантии нечеловечески трудно. Это можно сделать лишь общими силами. Как в песне поется: «Если бы парни всей Земли...»

Ученые разных стран уже не раз действовали, как в песне, и сообща решали разные трудные задачи: изучали Солнце, Антарктиду, океан и многое другое на Земле и на небе. Получалось куда лучше, чем если работать по-врозь.

Вот почему возник проект верхней мантии.

По этому проекту высокоразвитые страны всеми возможными способами прощупывают, прослушивают, просвечивают Землю. Но сверхглубокое бурение, прямую атаку мантии, взяли на себя СССР и США. Работа будет вестись как бы в два этажа: нижний этаж коры, семикилометровый слой базальта на дне Тихого океана, просверлят американцы близ своих берегов. А мы на Кольском полуострове, где выходит наружу один из самых древних участков земной коры, пройдем семнадцатикилометровую толщу гранита — верхний этаж, ограниченный от нижнего «разделом Конрада».

И то и другое несказанно трудно. Правда, семикилометровые скважины уже существуют, но не под водой. А семнадцатикилометровых мир еще и не знает. Тут даже сила тяжести оборачивается врагом исследователей. Приходилось ли вам видеть, как вытягивается и рвется скатанное в колбаску тесто, если подержать его на весу? Вот так будет рваться под собственной тяжестью длинная стальная нить свинчатых обсадных труб. Нужны будут другие металлы, другие сплавы, а ведь, кроме тяжести, на пути встанет и высокое давление и высокие температуры. Но наша страна, первая вырвавшаяся в космос, первая взглянувшая на Землю со стороны, сумеет пробиться и в глубь планеты.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С АСЕЕВЫМ

Бор. СЛУЦКИЙ

КОГДА Я — в пионерском возрасте — начал читать Асеева, сразу и навсегда влезли в память строки:

Мне никогда не будет сорок!

И еще:

Да здравствует революция,
Сломившая власть стариков!

Когда — уже после войны — мы сошлись с Асеевым дружески, ему было за шестьдесят. Я знал Асеева-старика, властного и редко терпевшего возражения. Он ничего не редактировал, нигде не заседал, появлялся на люди очень редко. Но у него была большая власть большого таланта. Асеевское слово много весило — хвала и хула — и многое решало.

Другим досталось видеть Асеева молодым. Маяковский называл его Колькой, правда, только в стихах. В жизни они были на «вы», изысканно вежливы друг с другом. Сельвинский звал Асеева Колечка, Кирсанов — Коля.

А для меня Николай Николаевич всегда был Николаем Николаевичем. Ровно трид-

цать лет разделяли даты нашего рождения, и мы оба не забывали об этих трех десятилетиях. Естественно, Асеев больше говорил, я больше слушал.

Другие поэты расскажут про Асеева-юношу, зачитывавшего поэзией и словарями старославянского языка, расскажут о фронтовике первой мировой войны, отравленном газами и до конца дней своих выкашливавшим это отравление, о газетчике, писавшем листовки для подпольщиков Владивостока в годы японской оккупации, о кумире литературных эстрад, о лыжнике, о задире, которому Алексей Николаевич Толстой укоризненно говорил: «Жестокий вы человек, Асеев».

Я знал другого Асеева — старика.

Правда, это был совсем особый старик. Он был сед как лунь, прекрасной, цвета старого серебра, сединой. Как лунь, он хохлился над письменным столом, жаловался на болезни. Но когда я напечатал стихи, где сравнил его не с лунем, а с другой хищной птицей — с ястребом, Асеев обиделся, распрямился, расправил плечи,

Рисунки В. ЛОКШИНА.

Н. АСЕЕВ

ВСТРЕЧА

Ах, какого парня
я встретил в январе:
шинель кавалерийская
и шашка в серебре.
Шинель кавалерийская —
широкая пола —
на все крючки застегнута,
подтянута была.
Походкой непривычной,
тяжелой стопой
вошел он в дверь
уверенно,
как паровоз в депо.
И, может, новой песни
природа такова,
но стало сразу празднично
в трамвае буквы А.
Шел вагон, тянулся
до Сретенских ворот...

Ко мне он повернулся
вполуоборот.
Скул его добротный,
устойчивый загар,
должно быть, начинал еще
обветривать Чонгар.
А шашку, что любовно
и бережно он нес,
как будто в искры
крупные
облицевал мороз.
Его фигуры складной
осанистый отвал,
должно быть, проверяли
позиции ОДВА.
Уверенно и крепко
сидел он, туг и прям,
и лишь над белой бровью
змеился рванный шрам.
К нему со словом
ласковым
хотел я подойти,
чтоб ближе познакомиться

нахлобучил на седину шапку, и вдруг из-под шапки глянули зоркие, уверенные глаза, осветившие твердо очерченный профиль спортсмена, солдата и забияки.

ИНОГДА я встречал у Асеева старичка еще более старого, чем он сам. Он являлся с тощей брошюрой, изданной московским ипподромом. Разговоры о людях и стихах временно прекращались. Начинались разговоры о лошадях. Николай Николаевич перелистывал расписание заездов, вчитывался, вдумывался, делал пометки. Старичок (он именовал себя секретарем Асеева) кое-что оспаривал, кое с чем соглашался. Врачи месяцами не выпускали Асеева из дому. Секретарь, сам старый лошадиник, смотрел за Асеева скачки, потом приходил и рассказывал. Кровь снова играла у Асеева по жилушкам.

Я листаю асеевские страницы, и по всем пяти его томам скачут кони — не замученные коняги с кроткими глазами, а веселые кони эскадронов и ипподромов.

С неба полуденного
жара, не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.

Или:

Жизнь отходит как скорый —
на коня!
Стисни зубы и шпоры:
нагоняй!

Нет, недаром ходил Асеев на бега!

КАК ЭТО ни странно, одна из книжных полок Асеева напоминала полку любого читателя «Пионера». Там стояли Брет Гарт и Стивенсон, изрядно залистанные и зачитанные. О Брет Гарте, на его темы были даже написаны стихи.

Но у Асеева были и другие полки.

Зная русскую литературу, как свой дом — со всеми углами и закоулками, Асеев решительно предпочитал Гоголя и Достоевского. О Гоголе написал поэму. Достоевского перечитывал всю жизнь. Почему Достоевского, а не, скажем, Толстого или Чехова? Интересно, что Маяковский тоже был связан с Достоевским особо прочными связями. Может быть, потому, что непрекращающийся спор, идущий во всех романах Достоевского, спор о самых важных вещах: о жизни, о смерти, о России, о предназначении писателя, — спор, где всем дадут выговориться до конца, совпадал с предреволюционной и революционной молодостью Асеева и Маяковского. Оба они были, как сказал бы Достоевский, «русские мальчики». Оба решали — и на долгие годы решили — судьбы мира.

Были еще ученые книги по языкознанию. Одна из них «замотана» у меня, что представляет предмет моей гордости.

Я НИКОГДА не видел у Асеева поэтов его поколения. В самом деле, восьмой этаж, лифт работает не так уж часто. Кроме того, поэты так усердно предаются культуре дружбы в юности, что рано

в коротеньком пути.
Да только растерялся
в подборе нужных слов,
пока трамвая скрежетом
нас к Сретенке несло.
Ну, чем его почту я
и что ему спою,
все песни отстоявшему
в решительном бою?
А что до этой повести,
он знает — видит сам,
какие взмыли новости
к советским небесам.
Но если б эту встречу
опять бы мне в глаза,
я — руки бы на плечи
и так ему сказал:
«На свете есть другие
знамена и полки,
туземных легионов
тяжелые белки.
Шотландские волынки,
нашивки и шеврон,

угрюмой дисциплины
казенное тавро.
Но те, чьи руки знают
рабочий толк в вещах,
повсюду в мире помнят,
кого ты защищал.
И этот шрам надбровный
и твердая шинель
погонов и шевронов
им ближе и ценней.
А ты — правофланговый
тех армий навсегда,
чье вечное сиянье —
алая звезда».
И, может, новой песни
природа такова,
что нужно ей отыскивать
особые слова,
что хочется приветствовать
теплее и добрей
шинель тяжелополюю
и шашку в серебре.

1931 г.

устают и выдыхаются (в этом отношении). Зато молодых поэтов, начинающих и начавших, он привечал. Иногда Асеев звонил:

— Я хорошо себя чувствую. Присылайте побольше.

На балкон восьмого этажа асеевской квартиры взобралась молоденькая ива, прижилась и росла высоко над уличным грохотом, над обыденностью.

Когда на этот же восьмой этаж взбиралось нечто молодое, зеленое, неумелое, его встречали честью.

Пришел однажды неустроенный студент и стал собирать по забытым журналам забытые самим Николаем Николаевичем статьи...

И насобирал целую книгу, целый том собрания сочинений.

Сейчас он критик и литературовед.

Пришел поэт и сразу понравился двумя строками:

Я на березе месяц вырезал.
Я целый месяц этим выразил.

Если бы собрать в один зал всех поэтов СССР — а ведь только для поэтов с членскими билетами Союза писателей понадобился бы зал тысячи на полторы человек, — и спросить: «Кому Асеев помог делом?» — встало бы, наверное, сто — сто пятьдесят человек.

А если бы спросить: «Кому Асеев помог словом, своей поэзией?» — встали бы, наверное, почти все.

КОНЕЧНО, больше всего Николай Николаевич любил стихи, и особенно стихи Маяковского.

Много лет, а точнее лет восемь после возвращения Николая Николаевича в Москву с Дальнего Востока, они вместе жили, встречались почти ежедневно, вместе сочиняли, вместе обдумывали многое и рядом, плечом к плечу, стояли во всех литературных драках — за новую поэзию — и во всех политических драках — за Советскую власть.

Однако, рассказывая о Маяковском истории, подчас смешные, Николай Николаевич никогда не забывал, что дружил он не только с человеком, и поэтом, и неумолимым путешественником, но и с чем-то похожим на молнию, на ураган.

Я видел едва ли не все памятники, фотографии, живописные портреты Маяковского, но больше всего — если не считать стихов — мне помогло понять, кем он был, пламя, загоравшееся в глазах его друзей, когда речь заходила о Владимире Владимировиче. Зажженные им и опаленные им, они до конца несли частицы этого пламени.

Однажды Николай Николаевич сказал: — Перечитайте Маяковского. Там нет и двух стихотворений, написанных на одну и ту же мелодию. С одной и той же интонацией. Всегда заново, словно в первый раз.

Они были совсем разные поэты, с разными характерами, разными тембрами го-

МАРШ БУДЕННОГО

С неба полуденного
жара, не подступи,
конная Буденного
раскинулась в степи.
Все, что мелкой пташкой
вьется на пути,
перед острой шашкой
в сторону лети.
Не сынки у маменек
в помещицьем доме,
выросли мы в пламени,
в пороховом дыму.
И не древней славою
наш выводок богат —

сами литься лавою
учились на врага.
Пусть паны не хвастают
посадкой на скаку, —
смелем рысью частою
их эскадрон в муку.
Будет белым помниться,
как травы шелестят,
когда несется конница
рабочих и крестьян.
Не затеваем бой мы,
но, помня Перекоп,
всегда храним обоймы
для белых черепов.
Пусть уздечки звякают
памятью о нем,
так растопчем всякую
гадину конем.
Никто пути пройденного
назад не отберет,
конная Буденного,
армия — вперед!

1925.

лоса, разными судьбами. Много раз мне встречались люди, предпочитавшие тенор Асеева басу Маяковского. Но Николай Николаевич не хотел об этом слушать. Как ветвь, захваченная ураганом, он сохранил верность урагану.

С УТРА, сев за стихи, почитав Голя или Брет Гарта, Асеев в добром расположении духа наносил длительные визиты (по телефону). В его звонках не было никакого конкретного дела. Это были беседы, споры, диспуты, перемежаемые легким ворчанием.

Я запомнил содержание одного такого звонка, может быть, из-за его длительности — сто минут. Сначала Николай Николаевич сообщил мне, что ему пришла в голову важная мысль: объем строфы — и обычного четверостишия и редкостной октавы — связан с объемом грудной клетки поэта.

Ведь строфа — с трибуны — читается, как правило, от вдоха до выдоха. Естественно, широкогрудый Маяковский мог уместить в строфу много больше, чем его худосочные современники. Эта мысль иллюстрировалась чтением пяти старинных стихотворений из сборника Кирши Данилова. Киршу Асеев по заслугам чтит и постоянно пропагандировал.

Чувствуя, что я не вполне убежден, Асеев наизусть, не бегая за книгами, прочитал мне две старославянские молитвы и две греческие.

На этом теоретическая часть звонка была кончена. Пошли воспоминания. Я часто расспрашивал Николая Николаевича о героях его вещей.

Героиней поэмы «Королева экрана» была красавица 20-х годов, машинистка из «Огонька», снявшаяся в «Аэлите». Эта история была подробно рассказана. Потом перешли к Харьковцу, где я вырос. И т. п. и т. п. — сто минут.

Стариковские стихи Асеева, собранные в книге «Лад», прекрасны. Не раз там рифмуются и по-всякому комбинируются слова «песней» и «пенсией». Асеевская песня не вышла на пенсию даже тогда, когда самому певцу была по всем правилам выправлена пенсионная книжка.

Однажды заседала в Клубе писателей редакционная коллегия очередного «Дня поэзии».

Внезапно пришли и сказали: умер Асеев, надо спешить писать некролог. В некрологе должны быть даты, факты, названия.

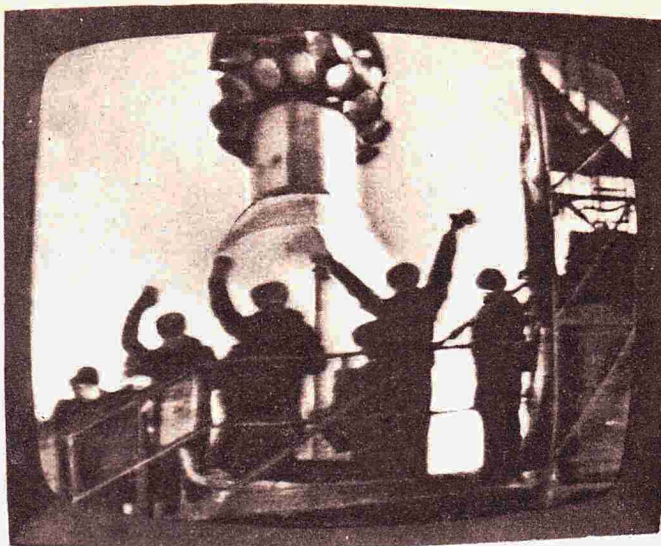
Дали мне тощенькое «дело» с асеевскими анкетами, и там в графе «Ваше отношение к Союзу писателей» я прочел гордое слово «Основатель». Так умер один из главных основателей нашей советской поэзии.

ЕЩЕ ЗА ДЕНЬГИ ЛЮДИ ДЕРЖАТСЯ

Еще за деньги
люди держатся,
как за кресты
держались люди
во времена
глухого Кержанца,
но вечно
этого не будет.
Еще за властью
люди тянутся,
не зная меры
и цены ей,
но долго
это не останется —
настанут
времена иные.
Еще гоняются
за славою, —
охотников до ней
несметно, —
стараясь
хоть бы тенью слабою
остаться на земле
посмертно.
Мне кажется,
что власть и почести —
вода соленая
морская:
чем дольше пить,
тем больше хочется,
а жажда
все не отпускает.
И личное твое
бессмертие
не в том,
что кто ты,
как ты,
где ты,
а всех земных племен
соцветие,
созвездие
людей планеты!
С тех пор,
как шар земной наш кружится,
сквозь вечность
продолжая мчаться,
великое
людей содружество
впервые
стало намечаться.
Чтоб все — и белые,
и желтые
и черные,
земного братства —
вошли в широкие,
просторные
края
всеобщего богатства.

КОС- МИ- ЧЕСКАЯ ДОРОГА

Е. РУБЦОВА

Эстафета героев

Каждый из них делал лишь один шаг в неведомое. За ним следовал другой и делал еще один шаг. За ним следовал третий, четвертый. Но эти шаги вывели и продолжают вести все человечество по звездной дороге на овладение новыми тайнами и силами природы, новым могуществом знания и техники.

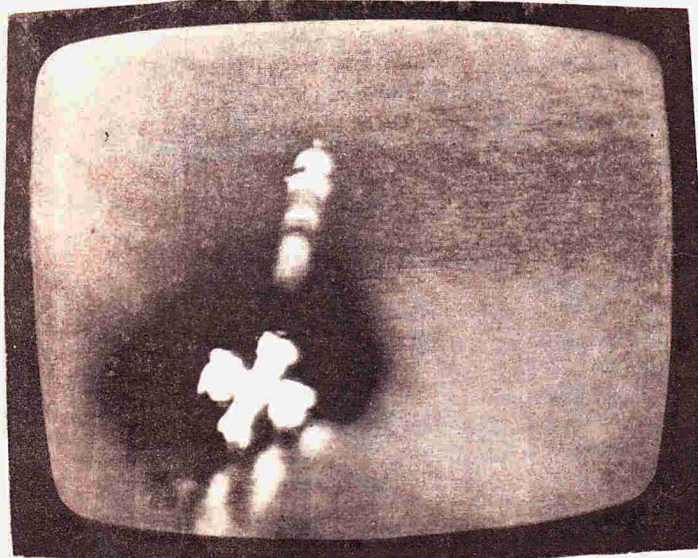
Юрий Гагарин был первым. Колумб космических дорог, он сделал всего один виток. Но это был виток величайшего мужества. Он принес ответ на главный вопрос, и ответом было: «Можно».

Можно человеку кружить по орбите в корабле-спутнике. Можно существовать в невесомости (ведь даже этого до конца наверняка не знали!). Можно в этих непривычных условиях работать, вести наблюдения, держать связь с Землей, смотреть на нее со стороны, из далекой дали, и живым и невредимым вернуться обратно.

Так был сделан первый шаг в космос и в космическую эру человеческой истории.

Но космос не дарит бесплатных ответов. Он ждет, когда за ответами люди придут сами и

Мы видели этот цветок — раскаленные сопла улетающей ракеты.

возьмут, заплатив за них трудом, упорством и мужеством. И, чтобы получить новые ответы, следующий шаг сделал Герман Титов. Он много часов провёл на орбите за свои семнадцать витков. Он обживал космос: работал, ел, спал, виток за витком встречая и провожая космические зори над планетой.

Андрян Николаев и Павел Попович. Их жизнь в космосе мерилась уже не часами, а сутками, и они были там не в одиночку, а вдвоем на двух кораблях. Первый групповой космический полет. Так это называлось на суховатом языке официальных сообщений. Они переговаривались в космосе, они видели друг друга. Они даже... пели вместе. И они проводили первое космическое маневрирование.

Валерий Быковский, поставивший рекорд продолжительности жизни на орбите, и Валентина Терешкова — первая женщина на космической дороге. И новые ответы космоса на вопросы ученых принесли они из своего полета.

Владимир Комаров, Константин Феоктистов, Борис Егоров... Первый экипаж многоместного корабля. Первый врач в космосе. Первый научный работник в космосе.

Алексей Леонов и Павел Беляев. Первый выход человека из корабля в открытое космическое пространство, и первый управляемый человеком спуск с космической орбиты.

Первый... Первый... Первый... Каждый из них делал шаг, лишь еще один шаг вслед за своими товарищами, и все равно каждый был первым в том, что он свершал.

Мы знаем, что дважды Герой Советского Союза Георгий Береговой — летчик-штурмовик, летчик-истребитель и уже многократно прославившийся на земле летчик-испытатель.

Но на корабле «Союз» он перенес свою героическую и трудную профессию с заоблачных высот в космические. Он первым повторил в космосе профессиональный подвиг испытателя: он учил космическую машину летать.

И вот еще четверо на двух кораблях: «Союз-4» и «Союз-5». Если считать по порядку, получается: космонавт-тринадцать, космонавты — четырнадцать, пятнадцать и шестнадцать. И снова они все, от тринадцатого до шестнадцатого, оказались первыми.

Как это было

Видели все и слышали все. Вся страна и вся планета. Вероятно, и потом, через много лет, мы будем помнить и космический разговор двух звездных ка-

питанов, и сближение кораблей, и стыковку, и счастливый голос Шаталова после «рукопожатия» — взаимного захвата кораблей. Мы не забудем, как Вольнов помог Хрунову облачаться в скафандр и плавающие в воздухе невесомые перчатки. Мы видели выходящего из люка Елисеева, затаив дыхание, мы следили за его плавным перемещением вдоль корпуса первой в мире орбитальной станции (снова первой!), видели мягкие, осторожные движения работающего над бездной человека, первого члена космической бригады монтажников.

— Почему он будто плыл возле корабля и никуда не падал? — спрашивают нас ребята.

А что, собственно, значит падать? Ведь тело падает потому, что сила тяжести заставляет его упасть. Но там, на орбите, невесомость. Космонавт не имеет веса. Сила тяжести, земное тяготение не имеет власти над ним. Вернее, эта власть ограничена. Ее хватает лишь на то, чтобы поддерживать его на орбите. Иначе говоря, вышедший из корабля космонавт сам становится искусственным спутником Земли и движется по той же орбите, что и корабль, даже если совсем отпустит руки и перестанет держаться за что-либо. Ведь у него, как и у корабля, первая космическая скорость — восемь с лишним километров в секунду. При такой скорости тело уже не падает на Землю и не улетает от нее, а кружится по своей орбите.

Будни необычного

Когда на пресс-конференции кто-то из журналистов спросил у Шаталова, встретилось ли ему в космосе что-нибудь неожиданное, космонавт, казалось, был в некотором недоумении. Помолчал, словно силась вспомнить что-нибудь такое, а потом сказал каким-то слегка виноватым тоном, что неожиданно, пожалуй, и не было, потому что на Земле в подготовке к полету все было продумано до мелочей, все отработывалось так, чтобы неожиданное исключить.

Конечно! Неожиданное — это помеха, а они ведь отправлялись в трудный и в общем-то неизведанный рейс не за приключениями, а чтобы работать. Они работали буднично и напряженно, а необычное примечали мы, оставшиеся на Земле, наблюдая со стороны.

Вот, заканчивая свой первый репортаж из космоса, Владимир Шаталов говорит как-то по-домашнему просто:

— На корабле у меня порядок. Я тут все разложил по полочкам и сейчас приступаю к работе.

А мы видим, что тетрадка, которую он тут же взял с полочки, топорщится во все стороны невесомыми страницами, как цветок лепестками. И мы видим, как зажимает ее между коленями космонавт, чтобы ненароком не уплыла куда-нибудь.

Потом, на Земле, кто-то из космонавтов скажет, что во время работы удобно было «подвешивать» приборы в невесомости, не тратя времени на закрепление. Протянул руку и взял.

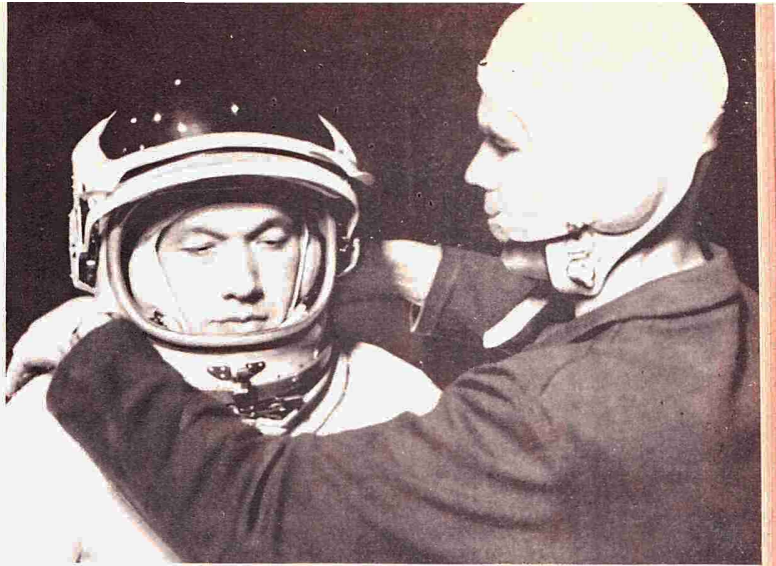
А там, в космосе, легким прикосновением пальцев притормаживая дрейф спектрографа, Вольнов сказал нам как бы невзначай:

— К этому тоже нужно привыкнуть.

У них другой взгляд, другая мерка ко всему была. Скажем, летающие перчатки от скафандра. Нам казалось: так занятно и так смешно, что они плывут и кружатся, словно пара танцоров. А Вольнов, уже в Москве увидев эти кадры в видеозаписи, сказал полусердито:

— Вот, не закрепили, а потом ищи!

Когда их спрашивают про впечатления от невесомости, космонавты, как правило, говорят: трудно передать тем, кто не испытал сам. Но вот, стараясь пояснить собеседникам, как просторно на кораблях «Союз», космический борт-инженер Елисеев рассказывает:

Владимир Шаталов, командир «Союза-4», помогает космонавту Алексею Елисееву снимать скафандр. Так было в бесчисленных тренировках на Земле, так было и в космосе, после перехода.

— Входишь в орбитальный отсек для работы — как будто никого нет. А потом оглядишься получше и видишь: Женя Хрунов на потолке сидит и что-то записывает.

Просто-напросто сидит человек на потолке... Можно ли ярче и короче дать представление о невесомости?

Невесомость! Сколько писали о ней фантасты в докосмическую эру! Жюль Верн, кажется, разработал тему до дна: и спичка, которая гаснет потому, что нет перемешивания воздуха, того самого перемешивания, которое каждому школьнику известно из физики под названием «конвекция», и жидкость, не льющаяся из бутылки или принимающая форму шара, и много всякой всячины, неожиданной и смешной. Только одно не описано в старых фантастических повестях: как легко и как нелегко работать в невесомости, сколько нужно затратить труда на Земле, чтобы вот такими точными, безошибочными были движения и действия космонавта.

Трое в кабине. Идет космический репортаж.

Вот они все четверо на Земле!

Думал ли ты когда-нибудь, как и почему ты можешь ходить по Земле? Можешь ли ты себе представить мир, где сделать шаг невозможно? Это мир невесомости. В невесомости у тебя нет веса, твоя нога прижата к полу. Нет опоры, нет трения, а значит, нет и шага. Хрунов сказал:

— Выйдя из корабля, мы ходили, а точнее сказать, передвигались, с помощью рук, держась за поручни.

Как отвернуть или затянуть гайку? Ты думаешь, это просто в мире без тяжести?

Все видели, когда Евгений Хрунов переправлял кинокамеру с одного корабля на другой, готовясь снимать выход Елисеева. Тяжелый (по земным меркам, разумеется) аппарат порхал в межпланетной пустоте, как надувной шарик. Как будто легко привести его в движение, но надо при этом не улететь в противоположную сторону по законам небесной механики. Надо не войти во вращение, из которого куда трудней себя вывести, чем было им, летчикам, выводить самолет из непрошеного штопора.

А они работали. И каждое простое на вид движение было таким же непростым, отшлифованным и рассчитанным, как пируэт балерины, как тройное сальто циркача, как стремительный прыжок фигуриста.

Космическое завтра начинается сегодня

Кто не зачитывался в детстве фантастической повестью Александра Беляева «Звезда КЭЦ»? Большая орбитальная станция, где трудятся астрономы, биологи, физики, инженеры. Регулярная связь с Землей. Свободный выход обитателей станции в открытый космос. Прогулки в скафандрах. Старты к Луне...

КЭЦ — значит Константин Эдуардович Циолковский. Человек, который писал об исследовании космического пространства реактивными аппаратами (мы называем их теперь космическими кораблями). Писал в пору, когда никакие ракеты еще не взлетали с Земли, кроме сигнальных и карнаваловых. А он мысленным взором видел «поезда ракет», уходящие к другим планетам и звездам. Он первым выдвинул идею орбитального космического корабля — постоянно действующей научной станции. И

орбитального космодрома, с которого исследователи стартуют к Луне. Все свои грезы о земле и небе он подкреплял точными формулами, строгими расчетами математики и физики. Эти грезы и мечты были не мечтами, а исследованием далекого будущего.

Далекого будущего. Да, он думал, что оно далеко. И как было ему думать иначе в полуграмотной, забитой царской России, как было ему думать иначе и в молодой Советской России, полуголодной, полураздетой, разоренной блокадой и гражданской войной!

Но сегодня, в наши дни, это будущее приблизилось, стало осязаемым и реальным, мы уже видим его осуществление не в мечтах, а наяву, видим на экранах своих телевизоров, оно звучит в вопросах и ответах деловых, официальных пресс-конференций.

Вот оно, это космическое завтра, в вопросах и ответах. Спрашивают журналисты, отвечают четыре советских космонавта и президент Академии наук СССР. Слушайте же хорошенько!

ВОПРОС КОСМОНАВТУ ШАТАЛОВУ. *Какие дальнейшие шаги будут предприняты в экспериментах с космическим кораблем «Союз»?*

ОТВЕТ. В дальнейшем использование метода сборки будет, вероятно, еще более разнообразным в зависимости от поставленных задач. Сюда могут входить сборка на орбите космических станций из двух кораблей, доставка на орбитальную станцию грузов, запасов питания, смена экипажей станций и, наконец, если это потребует, то и оказание помощи тем, кто находится на орбите.

ВОПРОС КОСМОНАВТУ ХРУНОВУ. *Какие монтажные работы проводились вами?*

ОТВЕТ. Мы... имитировали проведение целого ряда монтажных операций, которые могут потребоваться при сборке крупных орбитальных станций.

ВОПРОС КОСМОНАВТУ ВОЛЫНОВУ. *Можно ли примерно предсказать время, когда в космосе на околоземной орбите будут летать постоянно действующие орбитальные станции с периодической сменой экипажей?*

ОТВЕТ. Стыковка двух кораблей «Союз-4» и «Союз-5» и представляла собой создание экспериментальной космической орбитальной станции. А организация постоянно действующих орбитальных станций, о которых вы спрашиваете, в принципе уже не за горами.

ВОПРОС АКАДЕМИКУ КЕЛДЫШУ. *Можно ли уже в ближайшем будущем полетов пилотируемых советских кораблей к Луне?*

ОТВЕТ. Мы уже сообщали в печати, что корабль «Зонд» приспособлен для пилотируемых полетов. Конечно, через две или три недели мы такой запуск не собираемся делать. Когда это будет — зависит от дальнейших планов по нашей программе.

Два советских космических корабля-автомата — «Венера-5» и «Венера-6» — мчатся уже к своей загадочной теске-планете. Уже вернулся от Луны на Землю и благополучно приземлился, сбросив вторую космическую скорость, «Зонд-5», безлюдный корабль, который может быть и обитаемым.

Первые космические монтажники с помощью автоматов и собственных рук собрали первую орбитальную лабораторию, «прорепетировали» смену экипажей, спасение космонавта, доставку грузов...

Знаете что, ребята? Давайте попросим тех, кто будет строить в космосе первую постоянную орбитальную станцию, чтобы они назвали ее именем великого мечтателя и ученого.

Пусть назовут ее «Звезда КЭЦ»!

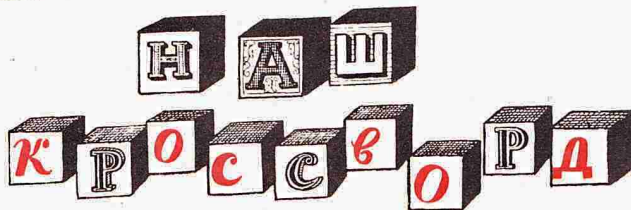
ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

Начиная с № 4 Неизвестные просят своих читателей присылать решения только на те задачи, где стоит пометка «Конкурс Трех Неизвестных».

Ответы и решения остальных задач — в этом же номере. Письма присылать не нужно, ты можешь сам сравнить свое решение с тем, какое приведено в журнале.

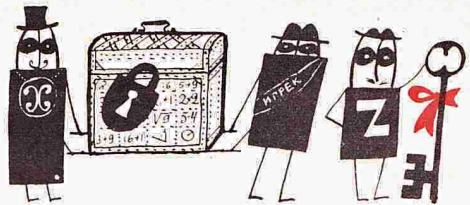
Двое часов начали и кончили бить одновременно. Первые бьют через каждые две секунды, вторые — через каждые три секунды. Всего насчитали 13 ударов (слившиеся удары воспринимались как один). Какое же время показывали первые часы?

Здесь, как и всегда в наших кроссвордах, одинаковые буквы обозначают одинаковые цифры, а разные буквы — различные цифры. Учтивая это, определи, какие числа здесь складывались и какова их сумма.

Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

Неизвестные раскрывают свои тайны.

Ответы на задачи из № 1

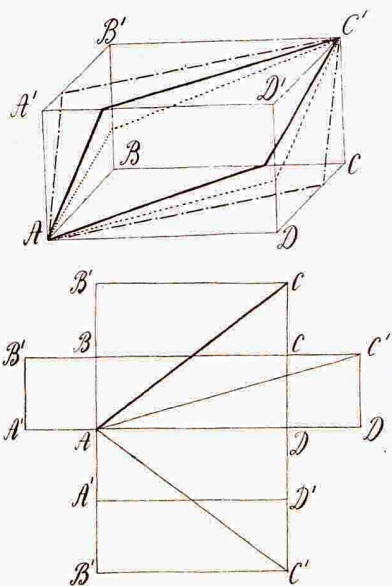
ТАРАКАН, КОТОРЫЙ НЕ ЛЕТАЕТ ПО ВОЗДУХУ

Для решения нарисуем развертку комнаты, то есть плоскую фигуру, из которой легко склеить модель комнаты. Здесь, на плоскости, нам будет легче определить кратчайшее расстояние.

Соединим на развертке точки A и C' отрезком (ведь отрезок — кратчайшее расстояние между двумя точками). Сделать это можно шестью способами (смотри чертеж комнаты). На нашей развертке все способы показать нельзя, так как сама развертка может строиться по-разному. Все зависит от того, что поставить в ее центре: у нас это $ABCD$, «пол комнаты», а может быть любая стена или потолок.

Таким образом, кратчайший путь наверняка один из нарисованных шести. Причем некоторые из них одинаковой длины (на рисунке они обозначены одинаково). Из трех различных расстояний нас интересует кратчайшее. Оно обозначено на рисунке жирной линией. Если бы комната была кубической формы, то можно было бы выбрать любой из шести путей.

М. БРУК

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Виктор ТУЗОВ

РАССКАЗ

корабли с капитанами

Фрегат развернуло течением, паруса опали, нос катастрофически стал притягиваться к берегу, еще мгновение — капитан, где тысяча чертей, капитан! — и стройная красота корабля начнет тяжко и податливо ломаться о грязный лед, рушиться высокими мачтами, падать в воду белоснежными парусами. Пустынный берег созерцал гибель и был холоден и равнодушен: он примет обломки каких угодно кораблей, даже если капитаны в минуту опасности стоят на капитанских мостиках и из последних сил поворачивают штурвалы на одно им известное количество градусов.

И тут из-за горизонта прямо на край берега бесшумно ступила нога неведомого великана, через секунду к ней приставилась другая — пятки вместе, носки врозь, — и где-то там, внутри фрегата, в кубрике или в каюте, не по-морски вздрогнул капитан, и стало ему ясно, что он никогда больше не поднимется на капитанский мостик. И не исправит нерешительности, которая очень походит на трусость. Потому что туфли гиганта могли принадлежать только Вале, ученице пятого «А» класса.

Бежали весенние ручьи, играло в их незначительных волнах солнце, и фрегат перестал быть фрегатом, и в берег — кусок подтаявшего льда, на проезжей части улицы, — ударились тоненькая палочка от эскимо, никчемно оттолкнулась, завертелась, поторчала в узкой проточине льда, потом выплыла на простор лужи и безнадежно остановилась. Бежали ручьи по обеим сторонам улицы, смывая зимний сор, и всякое плыло на их поверхности, но только не фрегаты, эсминцы, торпедные катера и не скрытые для глаза подводные лодки. И совсем не волны закипали несуществующей белизной на чугунных решетках мостовых, и не соленая морская вода благоразумно исчезала в канализационных трубах.

Валя сказала:

— Опоздаешь.

Конечно, она поправила кашне нерешительного капитана, застегнула верхнюю пуговицу его пальто и кепку поправила, и от капитана вообще ничего не осталось, а был только весьма средний ученик пятого «А» класса Толя Антонов, и он с девочкой Вале сидел на одной парте. И уже ничего не должно больше произойти под синим, очень синим небом. Плыли белые завитушки облаков в отчаянную даль, где, быть может, все интересно и незнакомо и где бы он, Антонов, был бы тоже для всех незнакомым. Он вошел бы в класс другим человеком. Вольный, симпатичный, приветливый. Он достает необходимые тетради и учебники и с нетерпеливым, чуть восторженным чувством ожи-

даёт начала урока. Он все знает. Все. И когда учительница произносит его фамилию, то не возникает шума в классе, не перекатывается по партам смешок, предугадывая корявые, невпопад ответы, и не услышит он то нелепое, злое в простоте своей веселье, перед которым Антонов чувствовал жаркое бессилие.

И вот он, другой Антонов, стоит уже не в классе, не у доски, а где-то в неизвестном месте, может быть, на улице, и рядом Валя. Они разговаривают. О чем? Ни о чем. Это разговор взрослых людей: Антонов смотрит в глаза Вале, и чувствует свои плечи, теснящие пиджак большого размера, и отчасти готов на подвиг. Валя это понимает. Тогда Антонов говорит:

— Идем.

Они идут по мокрому асфальту улицы, вдоль вытянувшихся по стойке «смирно» столбов с люминесцентными лампами, и лампы убегают, мельчась и множась, в перспективу, и от этого улица бесконечна и загадочна, и строго стучат каблук...

Но все не так. Лампы еще не зажгли для такого торжественного случая. Плотные завитушки облаков плывут неизвестно куда. И никакой перспективы. Проезжает автобус. Он проваливается в ледяную выемку, летят брызги. Антонов отступает от мостовой.

— Весна, — сказал Антонов поспешно и громко, как может говорить человек, осознающий окружающий мир прочно, но на посредственную оценку, хотя вокруг нет никаких математик и литератур, географий и историй.

— Опять не выгучил? — сделала Валя из лирического настроения вывод, который был отчасти правильным.

И Антонову осталось вобрать голову в плечи, и молча пройти по аллее с оживающими после зимы деревьями прямо к школе, сдать пальто в раздевалке, подняться на третий этаж и здесь, на четвертой парте у стены, начать вытаскивать из портфеля тетрадки, книжки, промокашки, ручки и перья, и подольше затягивать этот процесс, наивно надеясь, что урок от этого задержится тоже.

— По иностранному у нас теперь будет другая учительница, — сказала Валя равнодушным тоном, потому что новость перестала быть среди девочек сенсацией, но Антонов положил промокашку на парту осторожно, как стекло.

За окном летали вороны, и они походили на листы черной копировальной бумаги, сброшенные с высокого этажа дома. Листы хаотично носило весенним ветром, и они никак не могли опуститься на землю. Антонов захотел что-нибудь еще вытащить из портфеля, но уже ничего там не было.

Только себе одному он мог признаться,

что испанский язык учил с терпением, с усидчивостью, по несколько часов в день, и даже ночью, под одеялом, при свете карманного фонарика. Антонов видел себя переводчиком, рядом с иностранцем. У иностранца черная бабочка на фоне белейшего воротника рубашки, а на боку фотоаппарат. Антонов разговаривает с ним о том о сем, и они взаимно улыбаются. Но урок — он представлял себе конкретный урок в учебнике испанского языка — никак не укладывался в голове, и самая обыкновенная фраза — «Анхела читает» — нелепо путалась, потому что Анхела читает в комнате, там же Хосе смотрит телевизор, в той же комнате Родригес играет на скрипке, собака лает, кошка лежит на софе, шкаф есть желтый, а Хулио и Анна по странной необходимости плавают на байдарке.

— Кто смотрит телевизор? — спрашивала учительница, и в сознании Антонова мелькал калейдоскоп труднозапоминаемых иностранных имен.

— Шкаф смотрит на байдарку, — говорил вяло Антонов, улавливая ошибку уже в самой мелодии предложения, но не в силах даже по-русски систематизировать эти имена и предметы.

— Антонов, Антонов, — произносила раздельно учительница, и смех еще продолжал придушенно вспыхивать за партами.

— Ну как же так? Опять то же самое. Вы уже большой, симпатичный такой молодой человек...

Все, конечно, смотрят на Антонова, ничего не находят нового и впечатляющего, девочки пожимают плечами, и Антонов нечаянно благодарен им за это: он совсем не симпатичный и поэтому может ошибаться.

— Ну хорошо. — Учительница отодвигала журнал. — Сегодня я тебе ничего не поставлю, но на следующем уроке вызову.

Антонов заискивающе улыбался, а Валя дергала его за полы пиджака, чтобы Антонов, от греха подальше, побыстрее усаживался.

Антонов пробовал рисовать. Рисовать всех этих Хосе, Родригесов, Хулио и Анн. Но они, когда этого было совсем не надо, получались на одно лицо, и в комнате, что была на странице учебника, стоял по-прежнему невообразимый шум, никто не хотел соблюдать очередности, и даже спокойная кошка на софе шуршала шерстью, а шкаф едко и громко желтел.

— Посмотри на этого оболтуса. Плоские двойки, а он рисует! — говорила мать, обращаясь к отцу.

Отец отбирал бумагу и карандаш, шуршал телепрограммой и торопливо произносил разные слова. Слова были правильные — Антонов думал о том, что они пра-

вильные, — но очень общие, годные в каком угодно случае одновременно и поэтому ненужные. Их ненужность подчеркивалась еще и тем, что отец, повертев программу, свертывал речь, пересаживался на кресло перед телевизором, утопал в этом кресле, словно исчезая из комнаты.

— Шкаф желтый, — сказал Антонов.

Играли блики от экрана на диване, на полированной дверце шкафа, бегали тени на потолке, и стояла почти медицинская тишина, как в рентгеновском кабинете.

Сумрак комнаты, в которой властвовал сейчас телевизор, чем-то напоминал комнату в учебнике. Может быть, искусственностью оброненных фраз, неестественным вниманием к телеэкрану, и ничего не было бы удивительного, если бы здесь проплыла байдарка и вместо весел гребли скрипками, издающими высокий и бесконечно печальный звук. Антонов уходил в коридор, вертел ручку медного крана и желал стать отличником...

— Встань, встань! — Валя дергала Антонова за рукав. — Учительница вошла. Новая.

Он поднялся, загороженный спинами, и стоял.

Потом все сели, Антонов остался беспечно стоять и видел девушку около стола. У нее были черные-черные волосы, а глаза пылали жгучим смехом. Забренчали гитары, застучали кастаньеты, важно и плавно поплыла хота, как томные воды испанской реки Гвадалквивир, и это была Испания. Девушка заговорила, удивленно глядя на Антонова. Она говорила на своем родном языке, торопливо и вместе с тем плавно, как испанская река Гвадалквивир, и речь пленила Антонова неподдельностью, какую может иметь только правда. Это было музыкой, слушать которую прелестно, и захотелось узнать секрет тех звуков, из которых она так счастливо составлена.

— Шкаф желтый, — сказал Антонов.

Учительница посмотрела по сторонам. Класс безмолвствовал. Это было, пожалуй, торжественной тишиной вполне взрослой догадки об исключительности происходящего. Застенчивый ученик Толя Антонов стоял прямой и стройный. Он не сутулился, не тискал потеющие ладони. Он был напряжен и волен одновременно.

Но миг мог быть испорчен с той же простотой, суть которой в том, что от великого до смешного действительно один шаг. Учительница это поняла. Она подошла к стулу, положила руки на спинку и, скорей чувствуя логику происходящего, чем понимая ее, сказала:

— Птицы летают.

— Да. Птицы летают, — понял Антонов.

— Бьен. Хорошо, — сказала девушка.

— Собака лает, — вспомнил Антонов.

— Хорошо.

— Мне нравится читать на испанском языке.

— Очень хорошо.

— Я очень люблю испанский язык.

— Нужно продолжать изучать испанский язык, — сказала девушка.

Антонов потер лоб и осилил:

— Я очень хочу продолжать... изучать испанский язык.

— Его можно изучать и по телевизору,— расширила учительница сферу соприкосновения с новыми словами.

Антонов осекся. Он снова потер лоб.

— Шкаф желтый,— упрямо повторил Антонов, отброшенный словом «телевизор», напомнившим ему дом, отца и вереницу его бессодержательных слов, к началу импровизированного звукового подражания.

— Шкаф желтый, и телевизор...— Антонов начал перебирать в уме глаголы...— и телевизор не летает.

— Вы хотели сказать: телевизор не работает,— поправила серьезно учительница, и в черных глазах ее по-прежнему пылал жгучий смех, и вновь зазвучала для Антонова тихая хота, медленно набирая ритм.

— Я очень люблю испанский язык. Я очень не люблю телевизор,— сказал Антонов воодушевленно.

— Очень хорошо. Благодарю вас за ответ.— И Антонов опять видел в ее глазах жгучий смех, и ему не стало обидно. Просто у человека могут быть такие глаза, и они никого не желают обидеть и потому имеют право смотреть так на каждого.

Антонов сел. Когда прошло ошеломление, он почти не поверил, что только минутой назад стоял и говорил по-испански. Он не только говорил — он не мог не говорить. Антонов словно перешагнул через барьер, и за этим барьером оказались слова — испанские — и у каждого слова было свое лицо, и поэтому к нему нужно было относиться осторожно, деликатно, и тогда слово мягко, плавно звучало из его уст.

К тому же Антонов пережил удивительно приподнятое настроение. Урока как такового не было: он не мучился — спросят не спросят, не вспоминал лихорадочно глаголы, подлежащие, имена. Все было как выдох — он не успел даже пережить страха перед неизвестными вопросами и стеснения перед новой учительницей. Впервые за пять лет учебы Антонов переживал чувство, которое года через два он назовет вдохновением. Желание вернуться хотя бы раз к этому ощущению было непреодолимо, и Антонов понял, что двоичником он больше не будет.

— О чем вы говорили? О каком телевизоре? — нагнулась к нему Валя.

Антонов молчал.

После уроков Антонов шел по улице, ставя ноги чуть пошире обычного. Так делают моряки, избалованные кругосветными плаваниями и качающимися палубами. Капитан, где, тысяча чертей, капитан? Он шел по аллее из оживающих после трудной зимы деревьев. В пальто нараспашку,

кашне покоилось на плечах, а кепку надевают так только шоферы-лихачи. Валя, конечно, была рядом, но таким людям, как Антонов, которые запросто изъясняются на иностранном языке, уже не поправляют кашне и кепку и не застегивают пуговиц пальто. Их надо уважать, и Валя улыбнулась.

— Весна,— тихо сказал Антонов.

— Вы хотели сказать: телевизор не работает,— поправила учительница.

И ручки, тонким ледком подернутые у кромки, понесли фрегаты, торпедные катера, эсминцы и, может быть, подводные лодки. На капитанских мостиках стояли мужественные капитаны, которые точно знали, на сколько градусов вертеть штурвалы в минуты опасности.

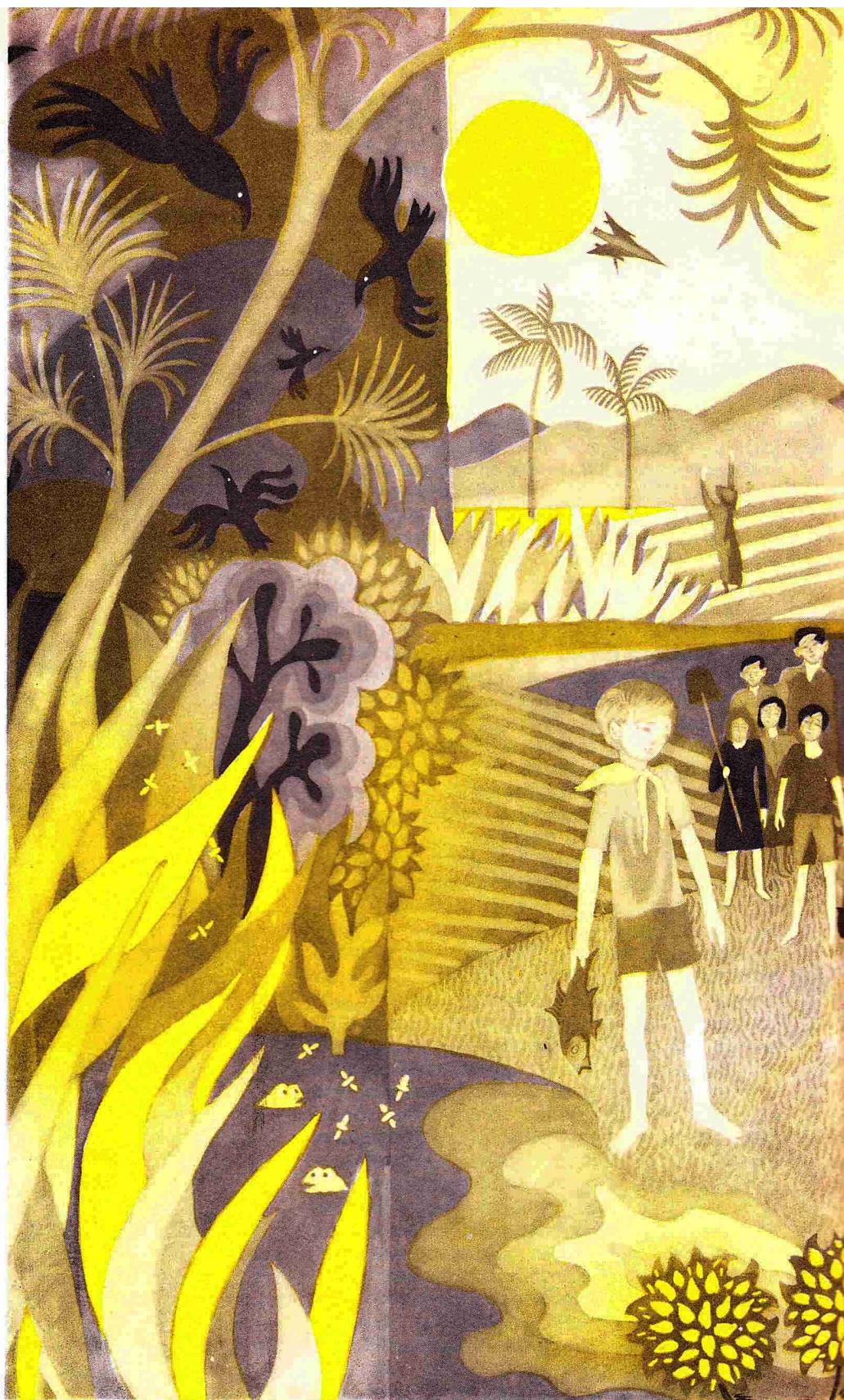
Столбы люминесцентных ламп решительно вышагивали в перспективу улицы, там, далеко, сливаясь в натянутые, сверкающие нити. Строго выступивали рядом каблучки, почти в ритм неуловимого испанского танца хоты, и плечи Антонова уверенно теснили пиджак самого большого в мире размера.

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

МА-
ЛЕНЬ-
КИЙ
ПОЭТ
ВЬЕТ-
НАМА

Мадлен РИФФО,
французская
писательница-
коммунистка

Перевели
с французского
Юрий ШЕВЧЕНКО,
Николай ЭНТЕЛИС

Ни одного поэта не любят во Вьетнаме так, как Хоа. Многие в Ханое говорили мне, что самый точный перевод не отразит души его поэзии. «Хоа — это маленький Моцарт. Он словно родник, из которого струится музыка. Даже по форме ему удается иногда превзойти мастеров».

Тран Данг Хоа было шесть лет, когда на его родной земле стали рваться американские бомбы. Он жил со своими родителями в деревне под Хайфоном, неподалеку от дороги № 5, прозванной «красной дорогой». Мальчик и сейчас живет там и ходит в школу.

Убаюкивая маленькую сестричку, Хоа нашептывал ей стихи. Та вскоре знала их наизусть. Она читала стихи ребятам в школе, а те так же быстро запоминали их. — Откуда у вас эти стихи? — как-то поинтересовалась учительница. — Никтокуда, — хором ответил класс. — Это Хоа их придумал. Стихи девятилетнего мальчика были напечатаны. Они быстро полюбились всем ребятам, их переписывали взрослые. В свою очередь, я тоже переписала несколько стихотворений Хоа. Прочтите их.

ГРОЗА

Скоро дождь,
Скоро дождь.
Появляются и взлетают термиты:
Молодые взмывают в вышину,
Старички кружатся пониже.
Растрепанные пенцы торопятся в укрытие.
Небеса надевают свои черные доспехи
И отправляются на войну.
Тысячами и тысячами мечей колышется сахарный тростник,
Сухие листья трепещут в жестких пальцах ветра.
Пыль поднимается вверх, словно облака.
Чутко, настороженно прислушивается трава.
Бамбук быстро расчесывает густые длинные волосы.

Грейпфруты прикрывают своих деток
С круглыми, гладко выбритыми головками
На дворе слышны гулкие шаги грома,
Он залиvisto хохочет.
Кокосовая пальма, размахивая множеством рук,
Пускается в плавь.
Дождь, дождь!
С шумом рисовой крупорушки
Капли падают, падают.
Земля и небо — в серебряной пелене воды.
Ливень косыми ударами стегает двор...
Дождь кончается, появляются мордочки лягушек.
Деревья и листья очень довольны.
Мой папа возвращается с работы.
Он несет дождь на своих волосах,
Он несет все плачущее небо на своих плечах.

Если бы Хоа жил в Южном Вьетнаме, в зоне, еще оккупированной американскими войсками, он был бы связным. Живя на Севере, он, как и другие ребята, участвует в общем труде. И если мама шагала всю ночь с мотыгой в руке и с винтовкой за плечами, так это для того, чтобы дорогу не разворотили налетчики. Если мама на вечерней заре отправлялась в поле, значит, надо было навестать часы, потерянные в убежище, надо было поработать вдвойне, пока в небе нет «джонсонов»¹. Сидя с маленькой сестренкой в крохотном дворике возле дома, Хоа сочинял стихи.

¹ «Джонсонами» во Вьетнаме называют американские самолеты.

КОГДА МАМЫ НЕТ

Когда мамы нет, я готовлю нежные бататы,
Когда мамы нет, я толку в ступе рис.
Когда мамы нет, я варю рис.
Когда мамы нет, я подметаю двор и дом.
Мама приходит на заре и видит: бататы готовы.
Мама приходит в полдень и видит: рис уже смолот.
Мама приходит вечером и видит: душистый рис уже сварен.

Мама приходит ночью и видит: дом уже прибран...
«Все это время ты был молодцом», — говорит мама.
«О, нет, мама, я еще не молодец.
Твоя куртка выцвела от дождей.
Твою голову опалило солнце.
Ты трудишься, мама, днем и ночью,
А я — я не такой уж молодец,
Не такой уж молодец!»

Я РАССКАЖУ ВАМ ЭТУ ИСТОРИЮ

Однажды утром мои товарищи и я
Пошли ловить неводом рыбу возле деревни.
У края воды рисовые саженцы разведали свои кудри.
Бамбуки обнимали друг друга и болтали вполголоса.
Господин Солнце нажимал на педали своего колеса,
Торопясь к вершинам гор.
Мы были очень счастливы,
Мы наловили много рыбы.
Вот краб, приветствующий толстыми клешнями океан зеленого риса.
Вот маленький карп. О ком же он думал,
Что его глаза стали красными от слез?
У сома вся голова сплюснута. Он, должно быть, упал,
Занимаясь гимнастикой.
Мы очень довольны...
Неожиданно на песчаной дороге мы встречаем наших товарищей-девочек.
Они возвращаются из школы.
На их головах — шапочки медсестер, на плечах — санитарные сумки,
На шеях пылают красные галстуки.
«Сестрички, что вы здесь ищете?

Случайно потерянную ручку или, может быть, чернильницу?»
Они нам отвечают:
«Вчера ночью был сбит американский самолет,
Летчики-янки опустили на поле.
Наша милиция захватила их и провела по здешним местам.
Они оставили на песке следы своих больших ног.
На самой заре мы видели эти следы,
У нас от них болели глаза.
Мы вернулись с лопатами, чтобы убрать их с дороги
И выбросить в воду».
Мои товарищи и я молчали.
Значит, краб, приветствовавший рисовые плантации,
Сом со сплюснутой головой из-за того, что он занимался гимнастикой,
Маленький карп, у которого красные глаза, потому что он плакал, думая о ком-то, —
Все они вместе с водой поглотили следы презренных ног.
Но ведь это отвратительно, отвратительно!
Мы бросаем свой улов в воду и возвращаемся домой.

МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

ПОВЕСТЬ
Окончание

Л. ВОРОНКОВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Последняя битва

Пастух-предатель сам повел на Эйру лаконское войско. Он уже хорошо знал все дороги и тропинки, ведущие туда.

Густая тьма словно придавила землю. Дождь лил, не переставая. И долины и горы — все утонуло в этом ливне и темноте.

На Эйре первыми услышали врага собаки. И не залаяли, как всегда, услышав чужого, а завыли, как воют они, чуя большую беду. Они выли по всей горе, по всему городу, выли, не умолкая. Их зловещий вой разбудил Эйру. Поднялась тревога, мессенцы под проливным дождем выбежали из домов, бросились к городским стенам...

Но было поздно. Спартанцы уже лезли по стенам в город. Они лезли по приставным лестницам, карабкались кто как мог и сваливались на городские улицы, гремя щитами и копьями...

Мессенцы хватали оружие, какое попадало под руку, и бросались в битву. Они понимали, что победить уже нет никаких надежд, но все-таки изо всех сил старались отстоять Эйру.

Первым узнал, что враги в городе, молодой Горг, сын Аристомена, и он же первый бросился в сражение. Аристомен, забыв о своей ране, тотчас собрал боевой отряд и вступил в битву. Но Аристомен знал, что битва эта — последняя. Знал об этом и Феокл.

«...Когда трагос напьется извилисто текущих вод Неда, Мессению я больше не покрываю: погибель близка».

Они знали об этом только двое. И если еще надеялись отстоять Эйру, то это была надежда отчаяния. Под холодным проливным дождем, который обрушивался сплошным потоком, слепил глаза и гасил факелы, Аристомен и Феокл бросались то в один конец города, то в другой, призывая мессенцев не сдаваться. Битва шла в кромешной тьме, и не сразу можно было понять, где свои и где враги. Но голос Аристомена был слышен повсюду, и ни шум дождя, ни раскаты грома не могли заглушить его.

Битва прервалась как-то сама собой. Спартанцы не знали города, не знали расположения его улиц и поэтому не могли захватить его сразу.

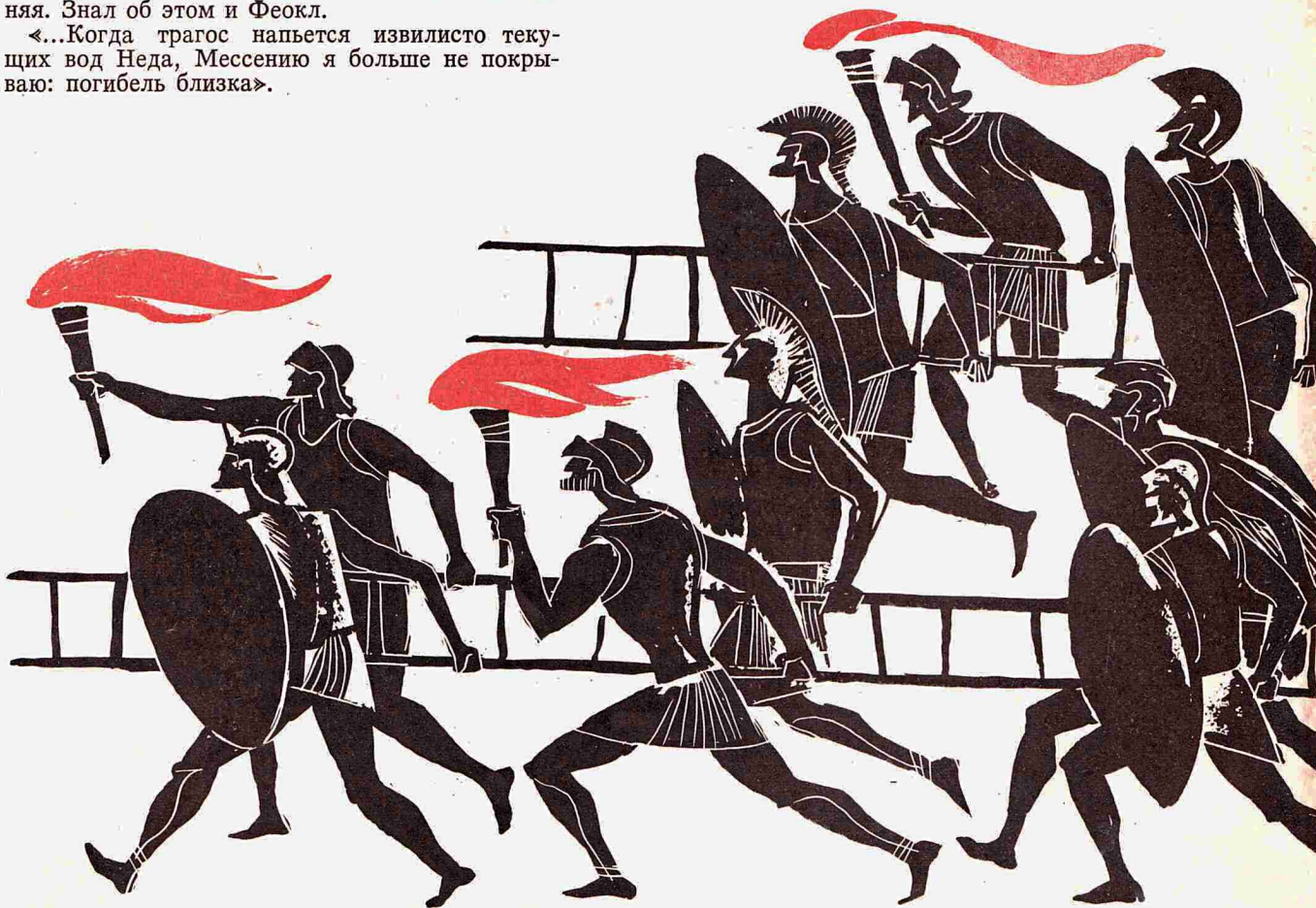
Мессенцы тоже не могли ничего сделать. Их полководцы, захваченные врасплох, не успели договориться, как защитить город... Ливень и темнота мешали сражаться.

Но вот наконец наступило утро. И мессенцам, когда они увидели, сколько спартанского войска в их городе, стало ясно, что выгнать врага у них не хватит силы.

Однако Аристомен и Феокл не хотели ни смириться, ни покориться Спарте.

— Отстоим Эйру, единственное, что нам осталось от нашей Мессении! Не станем рабами Спарты!

Речи эти были, как пламя. И мессенцы с отчаянной храбростью снова бросились в битву со спартанцами. Тут и женщины мессенские ополчились на врагов. С кирпичами и камнями в руках они взбирались на крыши и оттуда как могли сокрушали врага. Но буря и дождь не

унимались, и на скользких крышах нельзя было удержаться. И тогда мессеянки взяли за оружие.

«Когда мессенцы увидели, что их жены желают лучше погибнуть вместе с отечеством,— рассказывает Павсаний,— чем быть отведенными в рабство, это зажгло в них еще большую отвагу. И они могли бы отклонить судьбу, но бог послал непрерывный ливень и с ним ужасные раскаты грома и молнию, сверкающую прямо в глаза...»

Спартанцы оказались в более выгодном положении. Молния сверкала мессенцам в глаза, ослепляла их, и они часто не видели ничего перед собой. Спартанцам же молнии не мешали сражаться.

— Смотрите! — торжественно кричал спартанский жрец Эка, — боги помогают нам! Молния справа — счастливое предзнаменование! Спарта победит!

Этот же Эка придумал, как облегчить спартанскому войску битву. Спартанцев было несравнимо больше, чем мессенцев. Но в узких улицах Эйры сражаться строем было нельзя. Они разбились на отряды по всему городу. А когда передние ряды сражались, задние стояли без дела. Вот этим стоявшим без дела воинам Эка приказал уйти в стан, поесть, поспать. А потом со свежими силами вернуться в город и сменить уставших бойцов. Так они и чередовались — отдыхали и сражались снова.

А у мессенцев отдыха не было. Их некому было сменить и негде было отдохнуть. Буря не затихала ни на минуту. И так, под грозой, под холодным ливнем, без сна, без еды мессенцы сражались три дня и три ночи. Спартанцы не давали им передышки. У женщин, непривычных к войне, уже не было больше сил. Голод, жажда, нечеловеческая усталость одолевали несчастных защитников Эйры. Аристомена мучила рана так, что кровавая тьма порой застилала ему глаза.

Видя все это, жрец Феокл безнадежно опустил меч и подошел к Аристомену.

— Зачем страдать напрасно? — сказал он. — Мессению определено пасть: пифия предсказала нам гибель. Бог ведет меня к концу вместе с отечеством. А ты, пока жив, спасай мессенцев, спасай себя!

Феокл сказав это, снова взмахнул мечом, бросился в самую гущу битвы. Вскоре смертельно раненный, он упал и умер среди груды тел убитых им врагов.

Аристомен, увидев, что его друг и соратник погиб, понял, что дальше бороться бесполезно. Усталым, охрипшим от горя голосом он отдал приказ. Те, доблестнейшие, что еще сражались, пусть продолжают битву. А всем остальным мессенцам он велел взять женщин и детей и следовать за ним. Охранять тыл он поставил своего сына Горга и отважного воина Мантикла, сына Феокла.

Аристомен вышел вперед и встал перед вражескими рядами. Он стоял бледный, с погасшим взором, с высоко поднятой головой. Не глядя на врагов, которых ненавидел и презирал, Аристомен опустил свое копьё. Этим он показал, что оставляет город и требует пропустить их. Спартанцы молча расступились.

— Не надо доводить ожесточенных людей до последнего отчаяния, — сказал Эка военачальнику Эмпераму.

Но Эмперам и сам не решился бы в такой час поднять на них руку.

Аристомен первым вышел из города. Выйдя из ворот, он сразу уронил голову, будто не в силах больше держать тяжесть своих влажных, тронутых сединой кудрей.

Мессенцы, подавленные, печальные, покрившиеся несправедливой судьбе, последовали за ним. Женщины громко заплакали, и плач их еще долго мешался с шумом и грохотом дождя...

Так покинули мессенцы свой последний город. Им больше не было места на Пелопоннесе.

Расплата за предательство

Весть о том, что спартанцы взяли Эйру, разнеслась по всей Элладе. Пришла она и в Аркадию. Аркадяне заволновались. Они подступили к своему царю Аристократу и потребовали, чтобы он немедленно повел их спасать мессенцев.

Но Аристократ отказался.

— Зачем мы пойдем туда? — сказал он, глядя в сторону. — Ведь еще неизвестно, остался ли там кто-нибудь, кого нужно защищать.

Но вскоре в Аркадии стали появляться люди, бежавшие из порабощенной Мессении. Аркадяне узнали, что мессенцы еще существуют, но, вынужденные покинуть Эйру, остались без крова и без пристанища.

Царь Аристократ слушал это и словно не слышал. Слово и не был он союзником Мессении, обязанным ей помогать. Тогда аркадяне сами, без царя, решили позвать к себе мессенцев. В Мессению отправились самые знатные люди, чтобы проводить мессенцев в Аркадию. Аркадяне заготовили для них одежду, припасли всякой пищи. И толпой вышли на гору Ликей встретить своих несчастных союзников.

Так мессенцы расселились по аркадским городам. Жизнь понемногу наладилась. Люди принялись за обычные работы. Мессенцы были благодарны за все, что сделали для них аркадяне. Но ни радость, ни веселье не возвращались к ним...

Прошло немного времени, и Аристомен собрал отряд в пятьсот человек самых отважных мессенцев, в любую минуту готовых пойти по его зову. Потом он попросил собраться всех знатных аркадян, чтобы рассказать им о том, что задумал. Аркадяне и мессенцы собрались на площади. Пришел и царь Аристократ.

— Я задумал сегодня вечером напасть на Спарту, — сказал Аристомен, — сейчас спартанцы грабят Эйру, уносят и увозят наше добро, а сама Спарта не защищена. Я хочу пойти и захватить Спарту. И вот я спрашиваю вас сегодня, — обратился он к мессенцам, — хотите ли вы отомстить за отечество, если даже придется умереть?

— Хотим отомстить! — в один голос ответили все пятьсот человек. — Идем за тобой!

Тут к ним присоединилось еще триста человек аркадян...

Аристомен решил выступить в поход в этот же вечер. Медлить было нельзя, спартанское войско, разграбив Эйру, может скоро вернуться домой. Но отправиться на битву, не принеся жертвы богам, было тоже нельзя.

Поход отложили на завтра.

А завтра оказалось, что в Лаконике уже все известно: и о том, что Аристомен собрал большой отряд, и о том, что собирается захватить Спарту.

В Аркадии поднялся шум.

— Кто донес? Кто тот изменник, что предал нас?

— Уж не тот ли, кто заставил нас бежать и бросить мессенцев у Большого рва?

Поведение царя Аристократа уже давно казалось аркадянам подозрительным. Вспомнили, что вчера, сразу после собрания, Аристократ посылал куда-то своего преданного раба. Куда?

Раба видели — он пошел в сторону Лаконики. Так зачем Аристократ послал его туда?

— Раб пойдет обратно из Лаконики, — решили аркадяне, — мы его поймем на дороге и все узнаем.

Аркадяне так и сделали. Несколько человек спрятались в расщелине горы, на пустынной дороге, где должен был проходить любимый раб Аристократа. Они долго и терпеливо ждали. Наконец в тишине, на каменистой дороге, слышались шаги. Это шагал тот, кого они поджидали. Аркадяне выскочили из ущелья, схватили раба, обыскали. И нашли письмо, которое он нес царю Аристократу.

«...Как прежнее твое бегство в сражении у Большого рва не осталось без вознаграждения, так и теперь ты получишь благодарность Спарты за настоящее предупреждение...»

Это писал Аристократу спартанский царь Анаксандр.

Аркадяне связали раба, чтобы он не успел убежать и предупредить Аристократа, и приволокли в город. Письмо Анаксандра было прочитано перед всем народом. Буря зашумела на площади — такое возмущение и негодование вызвало у аркадян это письмо.

— Вот почему Аристократ увел нас с поля битвы у Большого рва!

— Вот почему он предал Аристомена и покрыл нас позором!

Мессенцы молча обернулись к Аристомену. Слышит ли он? Понимает ли, что произошло? Что он сейчас скажет, что он сделает?

Аристомен не сказал ничего. Он стоял, опустив глаза, и плакал.

И тут площадь словно взорвалась:

— Смерть Аристократу!

— Смерть предателю!

Острые увесистые камни тучей полетели в царя Аристократа. Аристократ кричал, заслоняя руками голову, умолял пощадить его. Но камни летели все яростней. Летели до тех пор, пока Аристократ не упал и не умолк навеки.

Аркадяне с омерзением вытащили из города тело царя-предателя и выбросили за пределы аркадской земли. Они даже хоронить его не стали.

После того, как замыслы Аристомена завладеть Спартой были раскрыты, один из мессенских военачальников, муж сестры Аристомена, Эвергетид, собрал отряд в пятьсот человек и пошел на Эйру. И тут спартанцы заплатились за свое торжество. Много грабителей осталось лежать на ограбленной ими земле.

Но и сам Эвергетид не вернулся из этого похода. В битве за родину отдал он свою жизнь.

Так окончилась Вторая Мессенская война. Эта война длилась почти семнадцать лет.

Скитания

От мессенского побережья отошли печальные корабли. Последние жители Мессении покидали родину.

Корабли эти снарядил Аристомен. Мессенцы отправлялись на поиски свободных, еще никем не занятых земель, чтобы там поселиться.

Ушли все, кто мог. Остались только те, кого спартанцы взяли в плен в последней битве при Эйре. Остались те, кто не успел прийти на корабли. Остались старые, немощные, которым не под силу было преодолеть трудные дороги изгнания. И все они потеряли свободу — спартанцы сделали их своими илотами.

Мессенцы расселились по чужим странам, по чужим городам.

Но в чужих землях нет счастья. Только неугасающая надежда на то, что они когда-нибудь обязательно вернуться в Мессению, помогла им жить.

Прошло много лет.

И вот наконец наступило это долгожданное время, когда надежды их исполнились. В судьбу мессенского народа вмешался знаменитый беотийский военачальник Эпаминонд.

ТРЕТЬЯ МЕССЕНСКАЯ ВОЙНА

Эпаминонд

Беотия находилась в самой сердцевине Греции. Когда-то беотийцы были союзниками Спарты. Но, как уже давно стало известно, на дружбу Спарты полагаться было нельзя. Беотийцам пришлось тоже убедиться в этом.

Однажды спартанский военачальник Фебид

проходил со своим войском через Беотию. Войны не было, Беотия дружила со Спартой. И вдруг Фебид неожиданно захватил беотийскую крепость Кадмею и подчинил Спарте главный город Беотии Фивы.

В Спарте сделали вид, что разгневаны на Фебиду за самоволие. Фебида лишили звания полководца, наложили на него огромный штраф. Однако войско в Кадмее оставили и беотийцев от рабства не освободили.

От Мессенского побережья отошли печальные корабли. Последние жители Мессении покидали родину. Корабли эти снарядил Аристомен.

Много пришлось пострадать Беотии от спартанской тирании. Беотийцы уже не думали, что они когда-нибудь смогут освободиться от их жестокого ига.

— Может быть, тогда освободимся, — с безнадёжностью говорили беотийцы, — когда придет конец господству Спарты на земле и на море. Но разве это случится?

Однако это случилось. Беотийские вожди, которые скрывались у афинян, проникли в Фивы и убили спартанских наместников. Они подняли фивян на борьбу со Спартой. Среди вождей был и Эпаминонд.

Все это произошло в одну ночь. Спартанский гарнизон покинул Фивы. А беотийцы тут же избрали своих беотархов — политических и военных руководителей союза беотийских городов.

Но спартанцы не все ушли из Беотии. Они засели во многих беотийских городах и не хотели их отдавать. То здесь, то там по стране вспыхивали бои со спартанцами. И все чаще

и чаще побеждали в борьбе беотийцы. Особенно громко прозвучала победа беотийского полководца Пелопида возле городка Тегиры. Пелопид с тремя сотнями воинов неожиданно встретил в горном ущелье крупный спартанский отряд. Кто-то из воинов, увидев впереди спартанцев, побежал к Пелопиду.

— Мы наткнулись на неприятеля!

— Что ты! — спокойно ответил Пелопид. — Это неприятель наткнулся на нас!

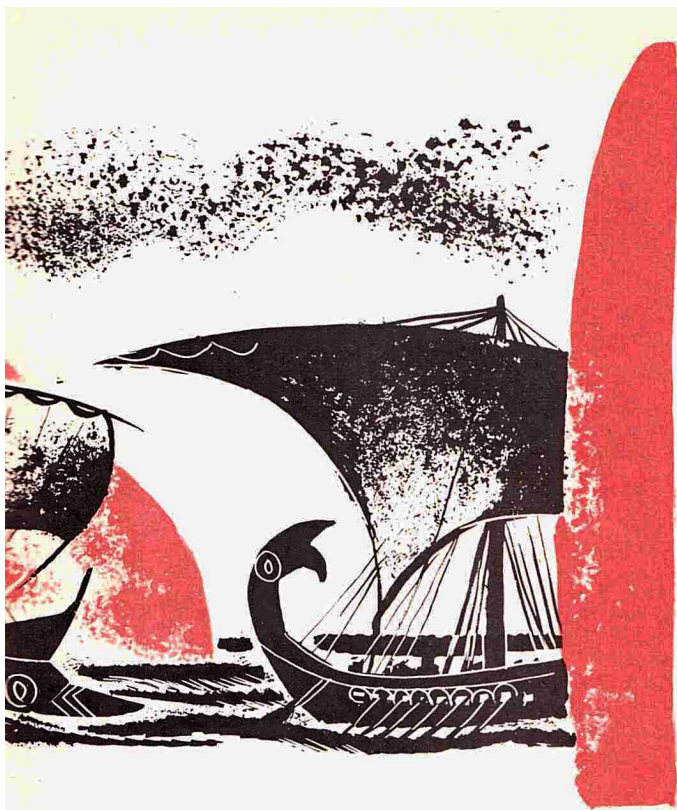
И тут же приказал всадникам выдвинуться вперед и ударить на врага.

Схватка была жестокая. В спартанском отряде было больше тысячи человек. Но фиванские пехотинцы так тесно сомкнули ряды и так дружно ринулись на спартанцев, что те не устояли. Начальники их были убиты, вместе с ними полегли и охранявшие их отряды. Остальное войско бежало в паническом страхе.

Много еще больших битв было у беотийцев со Спартой. И спартанцы терпели поражения одно за другим. Эпаминонд победил их тогда, когда спартанский царь Клеомброт вторгся с огромным войском в Беотию. Эпаминонд победил Спарту и в знаменитой битве при Левктрах. Могущество Лаконики было сломлено, и слава о спартанской непобедимости погибла.

Через год после битвы при Левктрах Эпаминонд вступил в Пелопоннес. Здесь он заключил союз с Аркадией и с Аргосом. Пошел было войной на Спарту. Но спартанский царь Агесилай не вышел на битву с ним. И спартанцам пришлось уйти из мессенской земли.

И тогда Эпаминонд, фиванский беотарх и полководец, принялся за восстановление Мессении. Он разослал вестников всюду, где нашли себе приют мессенцы. Эти вестники, несущие

необычайную радость, отправились в Италию, в Сицилию, в Навпакт...

— Мессенцы, кто хочет, возвращайтесь в Пелопоннес! Срок ваших страданий кончился! Спарта изгнана из Мессении!

Услышав это, мессенцы тотчас стали с ликованием собираться домой.

Прошли сотни лет, как они покинули родину. Построены новые города, распаханы новые пашни. Дети родились и выросли на чужбине, которая могла бы стать им родной землей...

Но нет! Мессенцы по-прежнему горячо любили свою Мессению, они никогда не забывали ее.

Мессенцы бросили все и поспешили в Пелопоннес. Они торопливо шли по горным дорогам, плыли через море, стекались отовсюду в свой родной край, в прекрасную Мессенскую долину. Даже Эпаминонд был удивлен, с какой непостижимой быстротой собрались мессенцы в Мессению.

Тогда Эпаминонд сказал им:

— Я видел сон, боги послали мне его и помогли советом. Мне явился старец, по виду жрец. И вот что он мне сказал: «Фивянин! Тебе я даю одоление всех, на кого пойдешь с оружием. И если тебя не станет между людьми, я сделаю так, что имя твое и слова твои никогда не исчезнут. Ты же отдай мессенцам их города и землю отцов, ибо гнев на них Диоскуров прекратился».

Аргивяне, которые тоже ненавидели Спарту и рады были отомстить за прошлые обиды, поручили своему полководцу Эпителу помочь мессенцам восстановить Мессению. Эпителу тоже приснился сон. Призрак сказал ему: «Иди на гору Итому, ищи вместе растущие смилакс и мирту. Разрой между ними землю

и выведи на свет старуху, которая томится в медных стенах и едва жива».

Наверно, не снилось вождям и жрецам никаких пророческих снов. Но так им казалось легко сговориться с народом — ведь считалось, что через сны разговаривают с человеком боги! А кто же будет противиться указанию богов?

Эпител отправился на Итому. Мессенские жрецы и старейшины сопровождали его. Все они помнили, что Аристомен зарыл на Итоме талисман, обещавший им возвращение на родину.

Эпител нашел смилакс и мирту, растущие рядом. Тут он стал копать землю и скоро вынул из земли медный, плотно закрытый крышкой кувшин.

С этим кувшином Эпител тотчас пошел к Эпаминонду.

— Открой его сам и посмотри, что в нем находится!

В кувшине лежали свернутые свитком оловянные таблички с таинствами великих богинь. Это и был талисман, когда-то зарытый Аристоменом.

Кувшин с оловянными пластинками передали мессенским жрецам.

Стали думать о постройке новых городов. Мессенцы не хотели селиться в Андании: слишком много горя они приняли там. Не хотели селиться и в других старых городах, где жила память о бедствиях народа.

Наконец Эпаминонд и мессенские старейшины выбрали хорошее место для будущего города, в самой середине страны, у горы Итомы.

Эпаминонд тотчас велел свозить на избранное место камни. Потом обратился к мессенцам:

— Кто умеет проводить улицы? Кто умеет строить дома и храмы? Кто знает, как сооружать городские стены? Собирайтесь и стройте.

Мессенцы с радостью взялись за работу. Пришли все, кто хоть что-нибудь умел делать. Пришли и те, у кого не было специальных знаний. Но при такой большой работе дело нашлось каждому.

Первый день весь прошел в молебствиях и жертвоприношениях. Уж очень много было богов, которых нужно умоливать, задобрить, умягчить не гневаться, но помочь и послать благополучие новому городу.

Скот, вино и все необходимое для жертвоприношений дали нищим мессенцам их соседи и союзники аркадяне. На этот праздник в Мессенской долине собралось очень много народу. Здесь были и аркадяне, и аргивяне, и фивяне, которые пришли сюда вместе с Эпаминондом.

Эпаминонд по старому обычаю принес жертву Аполлону и Дионису — богу вина и виноградарства. Аргивяне принесли жертву Зевсу Немейскому и матери богов Гере Аргивской, которую особенно почитали. Мессенцы принесли жертвы своему Зевсу Итомату, чей храм стоял на горе Итоме. И Диоскурам, которых они когда-то оскорбили...

Моления закончились призывами:

— Мессена, дочь Триопы, да пребудешь ты с нами в нашем новом городе!

— Кресфонт и Эпит, начало рода нашего, да пребудете с нами!

— Герой наш Аристомен, да пребудешь ты с нами в Мессении!

Когда жрецы произнесли это имя, вся долина вдруг всколыхнулась. И все, кто там был, воскликнули в один голос:

— Аристомен! Да пребудешь ты с нами!

День закончился всеобщим пиром: жареного мяса на алтарях после богов осталось много. Все в этот день были сыты, веселы, счастливы. Все справляли необыкновенный праздник — праздник возвращения мессенского народа на родную землю.

На другой день приступили к постройке города. Провели черту там, где должны быть поставлены городские стены. Наметили улицы. Принялись ставить дома и храмы.

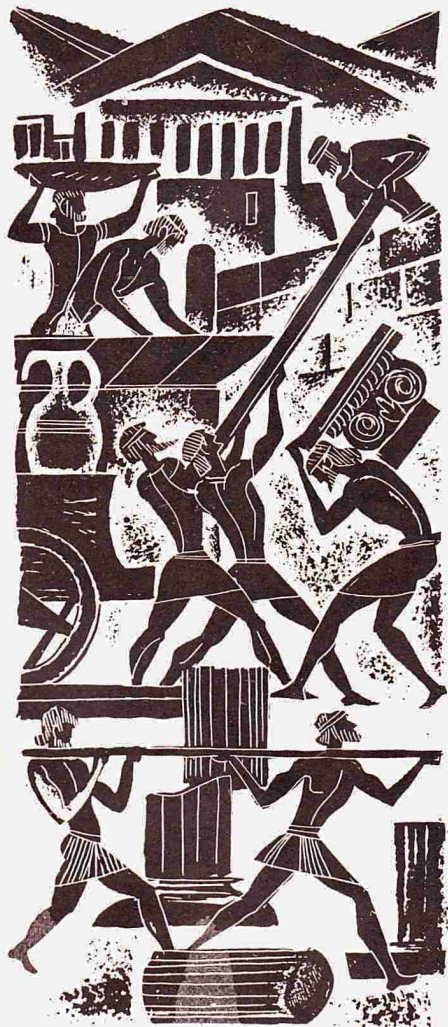
Вновь построенному городу дали старое имя — Мессена.

А потом принялись восстанавливать и другие города.

«И так мессенцы возвратились в Пелопоннес и опять утвердились на родине через двести восемьдесят семь лет после падения Эйры... Скитания мессенцев продолжались почти триста лет. И несмотря на это, они не только не утратили обычаев своей родины, не только не изменили своего дорийского наречия, но из всех пелопоннесцев именно они одни и соблюли его во всей чистоте даже до нашего времени».

Так заканчивает древнегреческий писатель Павсаний свое повествование о Мессенской войне.

КОНЕЦ

Любовь Воронкова

Владислав Крапивин

Владимир Железников

Спасибо вам, друзья-читатели! И тем, кто часто нам пишет, и тем, кто в первый раз.

И вот мы знаем теперь, что в «Пионере»-68 больше всего нашим читателям понравилось.

Поздравляем Любовь Федоровну Воронкову, Владислава Петровича Крапивина, Владимира Карповича Железникова: повести «Огненный след жизни», «Тень каравеллы», «Последний парад» читатель отнес к «очень интересным».

Большой успех выпал на долю фантастики. Фантастический роман болгарского писателя Петра Стыпова «Гости с Миона» — «отличный роман» — вот оценка большинства.

Из рассказов самым лучшим признан «Фантомас» Виктора Юзефовича Драгунского.

Из других рассказов ребятам по душе «Старик и внучка — русалка без хвоста» Олега Тихомирова, «Прозвища» Григория Голлендера, «Покупайте мороженое» Юрия Хазанова, «Старый испанец» Виталия Злотникова, «Наш обожаемый Кузя» Бориса Медового.

Вера Инбер

Виктор Драгунский

Александр Шаров

Валерий Медведев

Среди сказок ребята с большим единодушием назвали лучшей сказку писателя Александра Шарова «Мальчик-одуванчик и три ключика». «Пионеру» особенно приятно сообщить об этом Александру Израилевичу: он в эти дни отмечает свое шестидесятилетие. И мы уверены, что вместе с нами его горячо поздравляют и все наши читатели, полюбившие его великолепную сказку.

Больше всего добрых слов было сказано о стихах Веры Михайловны Инбер. Очень понравились стихи английского писателя и поэта Милна, советским ребятам хорошо известного. Это он написал «Винни-Пуха».

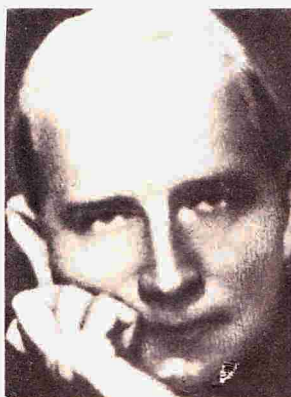
Дирекция нашего журнального театра «Фонарик» просит сообщить, что больше всего спектаклей сыграно по пьесам Германа Алексеева «Великаны» и Валерия Медведева «Экзамен на рыцаря».

Лучшей работой в жанре публицистики признан очерк Владимирова «Лавка Сан-Симон, 144 вида бакалейных товаров».

Лучшая обложка года, по мнению большинства ребят, в номере шестом, художника В. Чижикова. Чуть-чуть отстает от нее по количеству голосов обложка двенадцатого номера, нарисованная художницей Натальей Доброхотовой. Зато ее иллюстрации в «Пионере» считаются самыми хорошими. Ее и художника Евгения Медведева, ребята отмечают и других художников, но этих особенно.

Считая всех ребят, приславших нам ответы на анкету, одним большим жюри, «Пионер» вручил целой группе писателей, поэтов, журналистов премии и пригласил их работать для «Пионера».

Редакция изучила и замечания ребят. И уже учитывает их в своей работе.

А. Милн

Петр Стыков

Герман Алексеев

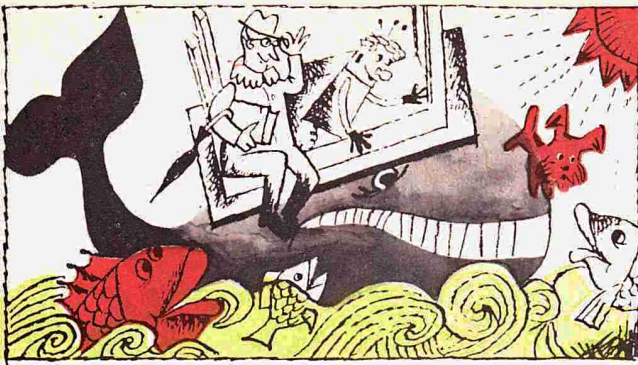

Евгений Медведев

Виктор Чижиков

Наталья Доброхотова

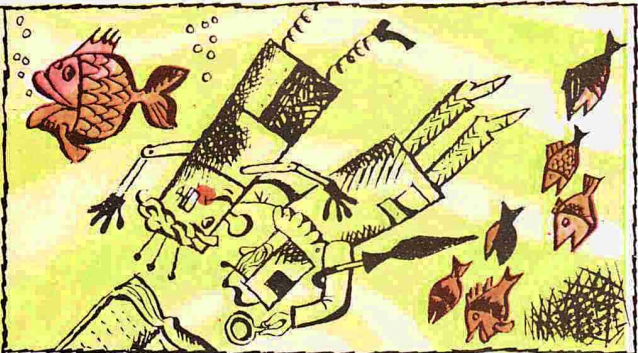

1. Сидя на столе, плыли они на Большой Рыбе, и Фрукт гавкал на вынырывающих тут и там любопытных жителей моря.

2. Лай его и погубил. Неподдалеку обитал Морской Кот. Раздалось страшное «мяу», мелькнула ногтистая лапа, и нету Фрунта...

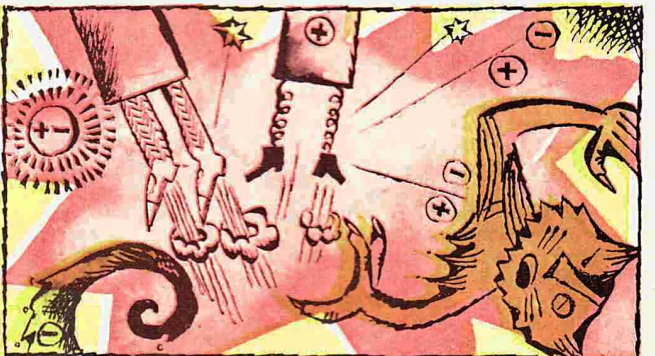
3. Смехотрон тут же переключился на подводное плавание, а Полиглота из железного кармана сделал ныряльную маску.

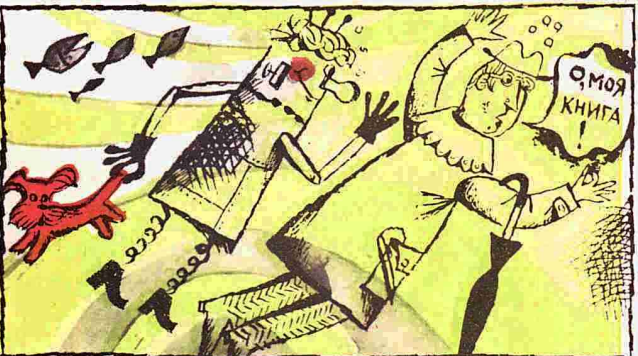
4. Это Полиглот по-кошачьи умоляет Морского Кота стать подороже, а Смехотрон, кажется, уже договорился со скатом...

5. «Электричество — моя специальность», — сказал Смехотрон и поманил Морского Кота. Тот усмехнулся и...

6. И подплыл. Новое страшное «мяу» огласило морское дно. Кинулись кто куда рыбы, крабы, моллюски.

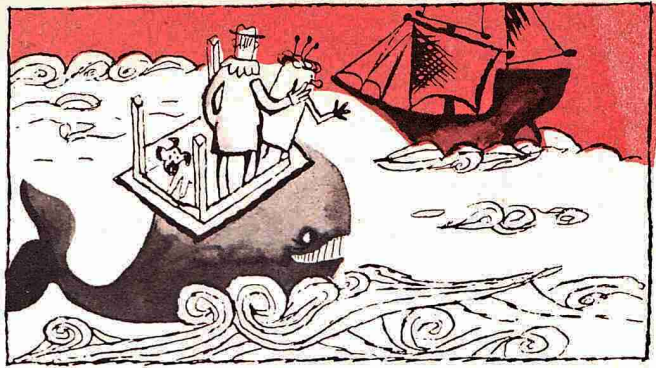
7. Наверх! Фрукт захлебнулся! У Полиглота кончился кислород даже в авторучках. Пришлось совсем не дышать.

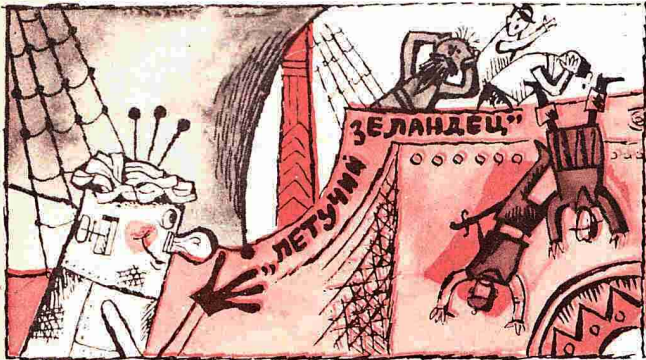
8. Каракатица вернула Полиглоту словарь и подарила бутылочку своих чернил.

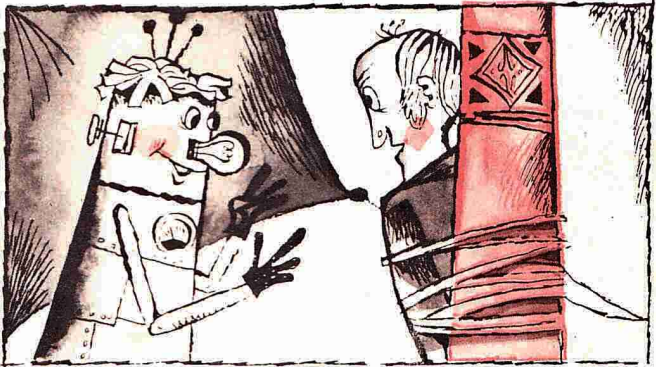
9. Ночью море светилось, и Полиглот записывал события и новые слова. Смехотрон глянул в подзорную трубу...

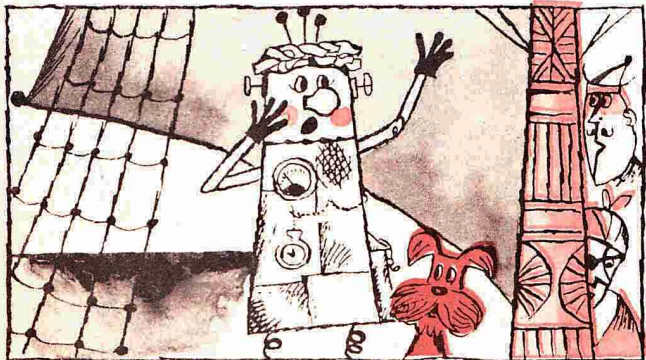
10. Корабли! И старинный! Похоже, какие-то пираты лет двести проплавали, не ведая ни о чем... Вот удивятся-то!

11. Рыба легко догнала парусник. Едва Смехотрон показался над бортом, кто-то взвыл: «Дьявол!», и все стали прыгать в море.

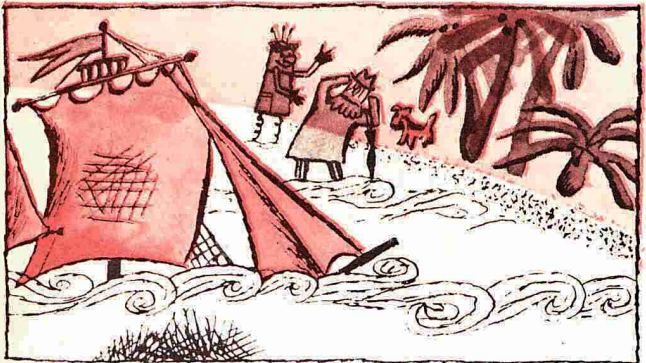
12. Нкто, привязанный к мачте, подтвердил, заявляя: «Мы пираты, триста лет не видали земли и людей».

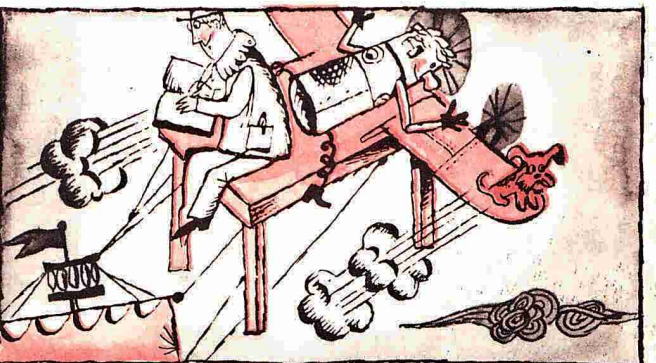
13. Полиглот записал это, а Смехотрон уже командовал: «Свистать всех наверх! Курс в двадцатый век!»

14. Захотелось покомандовать и Полиглоту, но «самое морское» в его словаре было: «Открыть кингстоны!» Он крикнул и...

15. Хорошо, что рядом остров, а на нем остатки самолета. Летящий стол отбуксирует судно к знакомым ребятам в Одессу...

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Справочное бюро Пешкина

Смотрите, как удобно устроился Пешкин в своем справочном бюро. Книгами обложился, справочники разные достал и приготовился отвечать на ваши вопросы, ребята. Это — первое справочное бюро в стране шаха, потому так старался Пешкин не ударить лицом в грязь.

А вот уже и телефон зазвонил. Московский школьник *Володя Пашков* спрашивает, как попасть на «шахматную мельницу», просит объяснить, почему возникло такое необычное название.

— Пройди, Володя, к диаграмме № 1, — советует Пешкин. — Сейчас ты все увидишь и поймешь.

У черных громадный материальный перевес, но ход белых, и они пускают мельничные жернова.

1. $Lh7 : g7 + Kpg8 - h8$ 2. $Lg7 : f7 + Kph8 - g8$ 3. $Lf7 - g7 + Kpg8 - h8$ 4. $Lg7 : e7 + Kph8 - g8$ 5. $Le7 - g7 + Kpg8 - h8$ 6. $Lg7 : d7 +$

Мельница заработала во всю свою мощь. Давая шах на $g7$, белая ладья отскакивает в сторону и обязательно наносит удар по черному войску. Вот, наконец, она забирает пешку $a7$ и, возвращаясь на $d7$, начинает вертеть жернова в другую сторону.

13. $La7 - g7 + Kpg8 - h8$ 14. $Lg7 : g6 + Kph8 - h7$ 15. $Lg6 - g7 +$

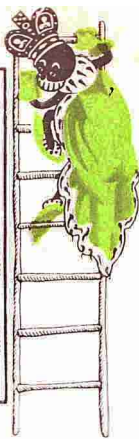
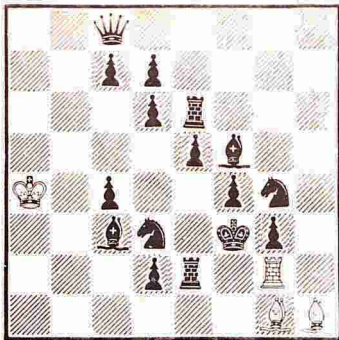
$+ Kph7 - h8$ 16. $Ag6 : g5 + Kph8 - h7$ 17. $Ag5 - g7 + Kph7 - h8$ 18. $Ag7 : g4$ $Kph8 - h7$ 19. $Ag4 - g7 + Kph7 - h8$.

Мельница «смолола» богатый урожай. Теперь белые просто играют. 20. $Kpb2 : a1$, и поражение черных становится неизбежным.

Надеемся, что тебе, Володя, и другим ребятам понравилась работа «шахматной мельницы».

— Почему так опасен двойной шах? — спрашивает тульский школьник *Саша Кирличников*.

— Потому, — отвечает Пешкин, — что от такого шаха нельзя закрыться, обязательно надо ходить королем. На диаграмме № 2 ты видишь грозную силу двойного шаха. Спасаясь от угроз, черный король как бы поднимается по лестнице все выше и выше и на самом краю доски получает мат.

Таня выбирает ход — точный, победный!

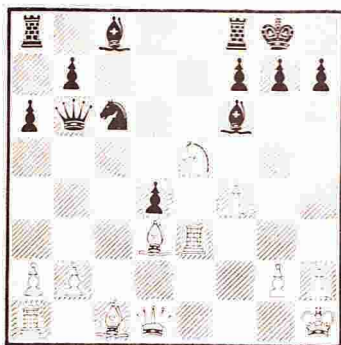
Белые начинают атаку двойным шахом 1. Аg2 — f2++, а дальнейшее вы, конечно, найдете сами. Скажем только, что белая ладья дает мат в районе поля a8.

И снова звонок по телефону. Это Зина Мельникова звонит из Воронежа. Зина хочет знать, участвуют ли школьники в первенствах страны.

Тут Пешкину не понадобились справочники. Совсем недавно на командном первенстве СССР в Риге он познакомился со школьниками мастерами Олегом Романишиным из Львова, Мишей Штейнбергом из Харькова и другими ребятами, показавшими высокий класс игры.

Особенно понравилось Пешкину, как играет восьмиклассница Таня Фомина, выступавшая в команде эстонского сельского спортивного общества «Ййуд». Таня — перво-разрядница, и она отважно сражалась с мастерами.

Очень остро протекал поединок между Таней Фоминой и мастером Мартой Шуль.

Таня сыграла здесь 1. Le3 — g3! собирая все силы для атаки на короля. Черным необходимо устранить занимающего сильную позицию коня e5. 1... Kc6 : e5 2. f4 : e5 Cf6 : e5.

Теперь у черных две лишние пешки, но у белых есть возможность избежать опасности. 3. Cd3 : h7 + Kpg8 : h7 4. Fd1 — h5 + Kph7 — g8 5. Фh5 : e5 f7 — f6 6. фе5 — e7 lf8 — f7 7. Фе7 — e8 + lf7 — f8. 8. Фе8 — e7 lf8 — f7 ничья.

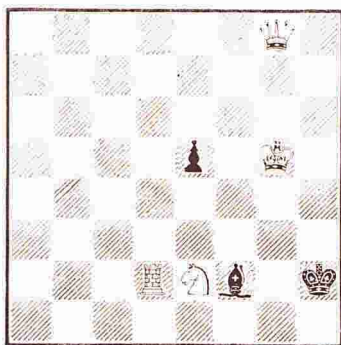
За шахматные успехи Пешкин наградила Таню «Грамотой ферзя и ладьи».

Пешкин увлекся разбором позиции, а в справочном бюро опять зазвонил телефон. И московский школьник Игорь Кудряшов задал Пешкину каверзный вопрос:

— Какие задачи называются миниатюрами?

Тут Пешкину пришлось заглянуть в справочник.

— Это задачи, в которых на доске действуют не больше семи фигур и пешек, — ответил Пешкин. — Такую задачу вы видите на диа-

грамме № 4. Составил ее русский мастер А. Галицкий. Начиная игру, белые дают мат в три хода.

Задача так понравилась Пешкину, что он включил ее в свой заочный конкурс.

И последняя справка Пешкина: вот как решаются задачи из первого номера журнала:

«Верхом на слоне» 1. Cb2 — a3; «Скачут белые кони» 1. Kb8 — a6; «Где же решение» 1. Кра6 — a7 Кра4 : b5 2. Ca2 — b3.

ВОТ И ВСЕ. ПЕШКИН ЗАКРЫЛ СПРАВОЧНОЕ БЮРО ДО СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА.

КОРБИНА ЗОВЕТ АСТРЫ НА ПРАЗДНИК

Помните ли вы Корбину? Ну, конечно, это она — девочка-Земляничка из журнала «Фрэзи»! У Корбины сейчас уйма хлопот. Вот послушайте. Корбина обращается ко всем немецким пионерам, читателям «Фрэзи».

— Корбина зовет астры! Корбина зовет астры... Говорит Корбина... Говорит Корбина... Читатели «Фрэзи», большие и маленькие, все за работу! Выполняйте пионерское задание. Помогайте превратить нашу республику к ее двадцатилетию в море цветов. Пусть в октябре, ко дню рождения ГДР, всюду — в садах, парках, на балконах — цветут миллионы астр... Говорит Корбина... Говорит Корбина... Слышите вы меня? Пионеры, отвечайте!.. Перехожу на прием...

Так говорит Корбина, и повсюду — в городах и деревнях — ребята уже берутся за грабли и лопаты, вскапывают клумбы, разбивают цветники, готовят почву для цветов. И повсюду ждут посылки от Корбины. Посылки?!.. Что же посылает ребятам Корбина? Разумеется, семена. Семена астр.

А вы, читатели «Пионера», отзовитесь и вы на призыв Корбины. Хотите подарить к празднику друзей цветы? Хотите, чтобы ваши астры расцвели у читателей «Фрэзи»? Присылайте Корбине семена. Она разошлет их немецким пионерам по всей стране.

Корбина созывает на праздник астры. Ее адрес: Германская Демократическая Республика.

Korbine Pioniermagazin „Frösi“. Kronenstrasse 30 — 31, Berlin.

Бежала мышка по полю, видит, стоит теремок. Подошла она к нему и спрашивает:

— Кто-кто в теремочке живет?

Никто мышке не отвечает. Пролетала мимо синица и говорит:

— Что ты спрашиваешь? Видишь, таблица на двери висит. Когда ты все буквы из своего вопроса расставишь по свободным клеточкам, ты узнаешь, кто живет в теремке. Только запомни: у троих зверей по четыре ноги, у двоих — по две, а шестой жилец и вовсе без ног. Заполнишь табличку и тогда уж решай, стоит тебе в теремок заходить или лучше его стороной обойти.

А ВЫ, РЕБЯТА, КАК ДУМАЕТЕ?

Дети бедного рыцаря

Сказка-загадка

Давным-давно жил во Франции бедный рыцарь. Были у него две дочери: Элиза и Жанна.

Это были самые правдивые девушки на свете. Они никогда никого не обманывали, даже первого апреля! Только раз в году, в день своего рождения, каждая из дочерей могла отклониться от истины и то только тогда, когда у нее спрашивали, когда она родилась. Однажды (6 апреля 1442 года) остановившийся в замке путник спросил у Элизы, когда ее день рождения.

— Он был вчера, — последовал ответ.

На этот же вопрос Жанна ответила:

— Он будет завтра.

На следующий день путник снова спросил о том же самом Элизу и Жанну.

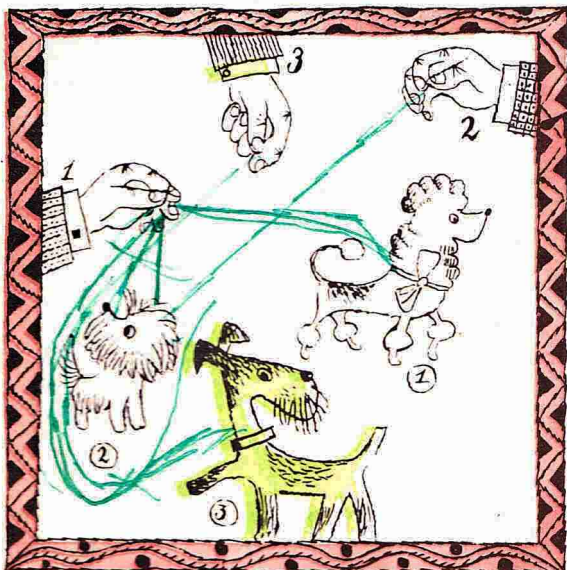
— Он был вчера, — снова ответила Элиза.

— Он будет завтра, — сказала Жанна.

Путник был очень озадачен этими ответами. Но вам-то нечему удивляться, подумайте-ка получше, возьмите карандаш, бумагу и скажите, когда у Элизы и Жанны дни рождения.

Ответственный дежурный
Н. РАЗГОВОРОВ

ТРИ ПОВОДКА

Рисунки А. БОРИСОВА

На рисунке три собаки,
На рисунке три руки,
Но, конечно, спросит всякий:
— Где ж, однако, поводки?

Поводков действительно нет. Вы должны их нарисовать сами, но так, чтобы каждый хозяин гулял со своей собакой. Проследите за тем, чтобы поводки нигде не пересекались, не касались друг друга и не задевали рамки рисунка.

Завещание швейцарского часовщика

У одного швейцарского часовых дел мастера были прекрасные золотые часы тонкой работы. Часовщик завещал их тому, кто сумеет разделить циферблат тремя кривыми линиями на четыре части так, чтобы сумма цифр в каждой части равнялась 15. Долгое время никто не мог этого сделать: ведь общая сумма чисел на циферблате равняется 78, а как же 78 разделить на четыре, чтобы получилось пятнадцать? Наконец, один молодой подмастерье, славившийся своим умом и сообразительностью, внимательно вчитался в завещание и справился с этой трудной задачей.

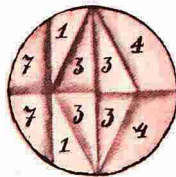
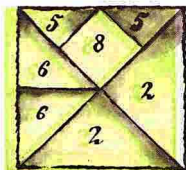
КАК ЕМУ УДАЛОСЬ ЭТО СДЕЛАТЬ?

Экзамен принимает
Конан-Дойль

БЛИЗНЕЦЫ —
«НЕВИДИМКИ»

Вы обратили внимание, что на одном галстуке продольные полоски, и догадались, что только галстук брата на рисунке № 2 мог быть завязан таким узлом, как на «фотографии».

Ответы на задачи из № 3

Сделайте сами
ДРАКА ИЗ-ЗА РАКА
Вот как вы можете сложить круг и квадрат.

Игры Деда-Буквоеда
«ПРИЯТНОГО АППЕТИТА»
Вот какое меню было в буфете:

1) картошка, 2) осетрина, 3) антрекот, 4) студень, 5) абрикосы, 6) простокваша, 7) бутерброд.

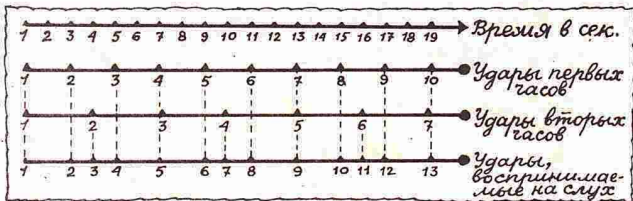
ПРИВИВАЕМ БУКВЫ

У вас должны получиться такие слова: проба — пробка, кокс — конос, кубок — клубок, прок — порок, кора — кобра, лень — олень, рот — кр'і.

Ответы
на задачи
этого
номера

СОСЧИТАЙ-КА

Решение понятно из следующего рисунка.

Итак, на первых часах было 10 часов.

НАШ КРОССВОРД

При сложении правого столбца получается $3A + Ц = A + 10X$. Буквой X мы обозначили число полных десятков в этой сумме; A мы пишем, X в уме. Перенеся A влево, имеем $2A + Ц = 10X$. Отсюда видно, что Ц — число четное, а X равен 1 или 2. При сложении цифр второго разряда получим $3Ц + A + X = 10XY$ (Y — остающееся в уме число сотен). Сокращая A, получаем $3Ц + X = 10XY$.

Так как Ц — четное число, то и X — четно, значит, X = 2. Число $3Ц = 10XY - X = 10XY - 2$ должно делиться на 3. Значит, Y = 1, а так как $3Ц$ меньше 28, то остается одна возможность: Y = 2. Далее, $3Ц = 18$, Ц = 6. Так как $2xA + Ц = 10xX$, то есть $2xA = 10x2 - 6 = 14$, то A = 7. Складывая цифры в третьем разряде, получим $3XI + Ц + Y = 3XI + 8$. Это число оканчивается цифрой 7, значит, оно может быть равно 17, 27 или 37, соответственно этому для числа 3XI имеются три возможности: 9, 19 и 29. Но 19 и 29 на 3 не делятся, значит, $3XI = 9$, I = 3.

Обратимся теперь к двум старшим разрядам. Так как $3xM + E$ не больше 7, то либо M = 2, E = 1, либо M = 1, E = 2 или 4 (E = 3, так как I = 3). От второй возможности придется отказаться: если M = 1, а E = 2, то первое, второе и третье слагаемые меньше 13000000, четвертое — меньше 22000000, сумма меньше 61000000; если же M = 1, а E = 4, то первое, второе и третье слагаемые больше 14000000, четвертое больше 41000000, сумма больше 83000000, а должна быть 77777777. Итак, M = 2, E = 1. Складывая числа двух старших разрядов, получим $3xME + EM = 3x21 + 12 = 75$. Очевидно, недостающие 2 миллиона должны получиться при сложении следующих разрядов. При сложении цифр третьего разряда $3XI + Ц + Y = 3x3 + 6 + 2 = 17$ в четвертый разряд переходит единица.

Поэтому, складывая цифры четвертого, пятого и шестого разрядов и заменяя буквы, которые уже разгаданы, цифрами, получим: $3xЛbH + 2b1 + 1 = 2777$, то есть $3xЛbH + 0b0 = 2575$. Число $3xЛbH$ оканчивается на 5, значит, H = 5. Отсюда $3xЛb + 0b = 256$, значит, число $4xб$ оканчивается цифрой 6, следовательно, б = 4 или 9. Вторая возможность отпадает: если б = 9, то $3xЛb + 0b = 3xЛ9 + 9 = 256$, $3xЛ = 22$, и Л не может быть целым числом. Итак, б = 4. В этом случае $3xЛ = 24$, Л = 8. Окончательный ответ:

```

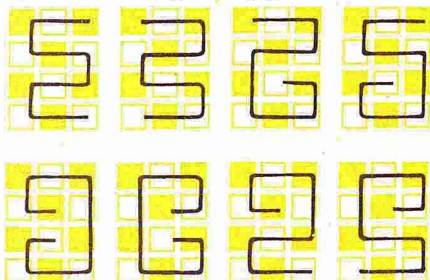
21 845 367
+ 21 845 367
+ 21 845 367
-----
77 777 777

```

Ответ
на
задачу
из № 1

МАТЕМАТИК ЗА ШАХМАТАМИ

Согласно условию, конь должен обойти всю доску (рис. 1), побывав на каждом поле один раз. С точки зрения коня поля А и Б не являются соседними, так как с поля А нельзя попасть на поле Б, но поля А и З являются соседними: с поля А конь может сразу перескочить на З. Поэтому удобно несколько видоизменить задачу, рассмотрев вместо шахматной доски (рис. 1) диаграмму (рис. 2), на которой поля соседние с точки зрения коня расположены рядом, — на диаграмме такие поля соединены отрезками. Вместо того, чтобы искать все удовлетворяющие условию передвижения коня по шахматной доске, мы будем искать все обходы диаграммы, при которых конь за один ход с одного поля попадает на одно из соседних. Нетрудно убедиться, что есть всего восемь таких обходов диаграммы (схематически они показаны на рис. 3) и, следовательно, ровно восемь соответствующих обходов шахматной доски: ВЗАЕЛГВБЖМДК, АЗВГЛЕЖБИКДМ и т. д.

СОДЕРЖАНИЕ

О гимназисте Володе Ульянове, о его учителях и о гимназии, в которой он учился. — Очерк Л. Симоновой. Рассказы юных экскурсоводов Ленинского музея ульяновской школы № 1 2

Первооткрыватель. — Рассказ М. Варышева. Рисунки Е. Медведева 7

В Ленинском кабинете 16

Всесильно, потому что верно. — М. Владимиров 16

Бегство рогатых викингов. — Повесть В. Крапивина. Рисунки А. Борисова 20

Мы идем по ленинским местам. — Рисунки Сережи Давыдова и Вовы Сучкова 32

Боевое знамя сванов. — Стихи Ш. Амисулашвили. Перевед с грузинского А. Флешин. Рисунки Д. Хайкина 33

Фонарик 34

Принцесса на горошине. — Пьеса Н. Доброхотовой. Рисунки автора 34

Как выключали ночь. — Сказка Р. Брэдбери. Перевел с английского И. Кесельман. Рисунки А. Вовиковой 38

Приветствую тебя, козел на веревке! — И. Уварова. Рисунки И. Галаннина и С. Острова 41

С поноса. На даче. Друг-читатель. — Стихи Т. Белозерова. Рисунки И. Галаннина 46

Что у нее в середине. — Е. Рябова. Рисунок А. Рюмина и А. Борисова 48

Мое знакомство с Асеевым. — В. Слуцкий 50

Встреча. Марш Буденного. Еще за деньги люди держатся. — Стихи Н. Асеева. Рисунки В. Локшина 50

Космическая дорога. — Е. Рубцова 54

Встречи с тремя неизвестными. — Рисунки Б. Кыштымова 57

Корабли с капитанами. — Рассказ В. Тузова. Рисунки С. Трофимова 60

Маленький мост Вьетнама. — М. Риффо. Рисунок И. Галаннина 64

Гроза. Когда мамы нет. Я расскажу вам эту историю. — Стихи Хоа. Перевод Ю. Шевченко и Н. Энгелиса 65

Мессенская война. — Повесть Л. Воронковой. Окончание. Рисунки Е. Медведева 66

Анкета-68 72

Приключения Смехотрона. — Рисунки А. Борисова 74

В стране шаха — владыки черных и белых полей. — Международный мастер М. Юдович. Рисунки Н. Доброхотовой 76

Корбина зовет астры на праздник 77

Ума палата. — Ответственный дежурный Н. Разговоров. Рисунки А. Борисова 78

Неизвестные раскрывают свои тайны 80

На обложке:

Симбирск — город, в котором родился и жил Володя Ульянов. — Рисунок Ю. Владимировой и Ф. Терлецкого.

Главный редактор Н. В. ИЛЬИНА.

Художественный редактор С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:

Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев (заместитель главного редактора), А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Оформление К. Высоцкой.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор В. Пархоменко.

А 00046. Подписано к печати 6/III 1969 г. Формат бумаги 60×84/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 170 000 экз. Изд. № 548. Заказ № 404.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

+) ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВНИМАНИЕ, СМОТР!

ЗОВЕМ УЧАСТВОВАТЬ ВСЕ ШКОЛЫ, ИНТЕРНАТЫ И ДЕТСКИЕ ДОМА. ВОЗЬМЕМСЯ КАК СЛЕДУЕТ ЗА СТЕННЫЕ **САНИТАРНЫЕ** ГАЗЕТЫ, КОТОРЫЕ РАССКАЖУТ О РАБОТЕ ЮНЫХ АКТИВИСТОВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА, О РОЛИ САНИТАРНЫХ ПОСТОВ В ИГРЕ «**ЗАРНИЦА**», О БОРЬБЕ ЗА ЗДОРОВЬЕ. ТУТ ЖЕ МОЖНО ПОСМЕЯТЬСЯ НАД НЕРЯХАМИ, ГРЯЗНУЛЯМИ, СОНЯМИ, НАД ТЕМИ,

КТО, ПРОСПАВШИ ФИЗЗАРЯДКУ,
НЕ ЖЕЛАЕТ УШИ МЫТЬ.
В ЭТИ УШИ, КАК НА ГРЯДКИ,
МОЖНО РЕПУ ПОСАДИТЬ...

КОНЕЧНО, МОЖНО НАПИСАТЬ МНОГО ТАКИХ НЕСКОЛЬКО ПРЕУВЕЛИЧЕННЫХ ИСТОРИЙ ДЛЯ «ЕЖА», «КОЛЮЧКИ», «МОЛНИИ». ИЛИ ВЫ НАЗОВЕТЕ СВОЮ ГАЗЕТУ ИНАЧЕ? ЕСТЬ ОЧЕНЬ СМЕШНЫЕ НАЗВАНИЯ: «БИНТ», «ШПРИЦ», «ПОД ГРЕБЕНКУ!» — ДА И ЕЩЕ МОЖНО ПРИДУМАТЬ.

ЗАПОМНИТЕ! ГАЗЕТА ДОЛЖНА ВЫХОДИТЬ РЕГУЛЯРНО, НЕ РЕЖЕ ЧЕМ РАЗ В МЕСЯЦ. ТРЕТИЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СМОТР ОБЩЕСТВ КРАСНОГО КРЕСТА И КРАСНОГО ПОЛУМЕСЯЦА НАЧАТ С 1 ЯНВАРЯ 1969 ГОДА, КОНЧИТСЯ ЧЕРЕЗ ГОД — 1 ЯНВАРЯ 1970 ГОДА. ЛУЧШИЕ РЕДКОЛЛЕГИИ ПОЛУЧАТ ГРАМОТЫ И ПОДАРКИ, СРЕДИ КОТОРЫХ КИНОКАМЕРЫ И ФОТОАППАРАТЫ.

ИТАК, ЗА ДЕЛО, ПОТОМУ ЧТО ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ.

30-48

ГДЕ СИЛОК?

Как хочется зайцам попрыгать по этому кроссвордному полю! Но они должны быть осторожны, потому что на одной из линий их подстерегает силок. Где же он? Вы это узнаете, когда расположите слова на поле так, как это делается в кроссвордах: то есть на пересечении линий в клеточках должны быть одни и те же бук-

вы. Одно слово уже стоит на своем месте. Это немного облегчает задачу.

Итак, за дело: давайте искать, где же коварный силок. Если слова у вас вдруг перестанут «укладываться», значит, в цепочке какое-то из слов нужно заменить другим словом, одинаковым по количеству букв, и попробовать другой вариант.

ПРИМЕЧАНИЕ. Значение незнакомых вам слов, имен и названий можно посмотреть в энциклопедическом словаре, хотя для решения самой задачи это и не обязательно.

Цифра обозначает количество букв в слове:
5. Эпоха, олифа, Цвейг, сазан, силок, Шопен, шторм, Канна, слово, ситец, автор.

7. Олеандр, Калитва, «Кобзарь», корешок, Эфиопия, маятник, Чигорин, доломит, Архимед, «Торпедо», Рыбинск, раствор, комната, адвокат, антраша.

8. Маврикий, метафора, мадригал, акваланг, гидрофон, Бродский, «Травиата», ландшафт.

10. Андровская, виолончель, библиотека, транзистор.